

ISSN 2306-8450

Вестник

Сыктывкарского
университета

Сыктывкарский
государственный университет
им. Питирима Сорокина
IGN
Институт
гуманитарных наук
ibi victoria, ubi concordia

**СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Филологические науки

Исторические науки

Журналистика

3(19)2021

Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал) Выходит 4 раза в год	Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ЖУРНАЛИСТИКА	12+ ISSN 2306-8450 Выпуск 3 (19) 2021
--	--	--

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Афанасьев А. В.</i> Подменная икона в практике старообрядцев Усть-Цильмы: постановка проблемы	4
<i>Бруцкая Л. А.</i> Бунты и разбои на восточной окраине Поморья в XVII в.	11
<i>Волкова Т. Ф.</i> Устьцильмы Тороповы и их вклад в создание и сохранение рукописно-книжной традиции Усть-Цильмы	24
<i>Дементьева А. А.</i> Сюжет о творческой «инициации» в поздней прозе А. М. Ремизова	34
<i>Ильина Ю. Н., Цыбунина Н. А.</i> Речевой жанр «просьба» в практике обучения русскому языку как иностранному	39
<i>Канева Т. С.</i> Сакральные топосы Усть-Цильмы в устной традиции	45
<i>Куприянова А. Н.</i> Французская кондитерская «Рабон» в Санкт-Петербурге во второй половине XIX — начале XX в.	52
<i>Макимова Е. О.</i> Хоромы в былинах, причитаниях и песнях Печоры	57
<i>Мигунова С. С.</i> Формирование умений описывать предмет речи на уроках русского языка	63
<i>Розов А. Н.</i> Усть-Сысольский уезд на страницах журнала «Вологодские епархиальные ведомости» (1864—1917 гг.).	70
ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ	
<i>Крюкова А. А.</i> «Хождения Феодоры по воздушным мытарствам» из «Жития Василия Нового» по списку И. С. Мяндина	79
<i>Кудряшова В. М.</i> А. К. Микупев — исследователь песенного и эпического творчества народа Коми	88
Информация об авторах	101

Bulletin of Syktyvkar University (Science Magazine) Published 4 times a year	Humanities Series PHILOLOGICAL SCIENCES HISTORICAL SCIENCES JOURNALISM	12+ ISSN 2306-8450 Issue 3 (19) 2021
---	--	---

CONTENTS

RESEARCHES

<i>Afanasiev A. V.</i> Substitute icon in Ust-Tsilma old-believers practices: problem setting	4
<i>Brutskaya L. A.</i> Riots and robberies on the eastern outskirts of pomorie in the XVII century	11
<i>Volkova T. F.</i> Usttsilems Toropovs and their contribution to the creation and preservation of the handwritten-book tradition of Ust-Tsilma	24
<i>Dementyeva A. A.</i> The plot of the creative "initiation" in the late prose of A.M. Remizov	34
<i>Ilyina Y. N., Tsyvunina N. A.</i> Speech genre "Request" in the practice of teaching russian as a foreign	39
<i>Kaneva T. S.</i> Sacred toposes of Ust-Tsilma in the verbal tradition	45
<i>Kupriyanova A.</i> French confectionery "Rabon" in St. Petersburg in the second half of the XIX — early XX century	52
<i>Maksimova E. O.</i> Khoromy in epics, lamentations and songs of Pechora	57
<i>Migunova S. S.</i> Formation of skills to describe the subject of speech in Russian language	63
<i>Rozov A. N.</i> "Ethnography and folklore from Ust-Sysolsky the district on the pages of magazine "Vologda Diocesam Vedomosti" (1864—1917)"	70

PUBLICATION OF SOURCES, REVIEWS, MATERIALS, MEMORIES

<i>Кривокоба А. А.</i> «Theodora's walks through the air ordeals» from the «Life of basil the new» according to the list of I. S. Myandin	79
<i>Kudryashova V. M.</i> A. K. Mikushev is a researcher of song and epic creativity of the Komi people	88
Our Contributors	102

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар:
Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2021. Выпуск 3 (19). 101 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Заместитель главного редактора:

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Редакционная коллегия:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина;

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина;

Т. Н. Бунчук, канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина;

Е. В. Остапова, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры коми филологии, финно-угроведения
и регионоведения СГУ им. Питирима Сорокина

Ю. Н. Ильина, канд. филол. наук, доцент, директор института гуманитарных наук
СГУ им. Питирима Сорокина

Адрес редакции Вестника Сыктывкарского университета
167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
тел. 8 (8212) 390-397

Редактор *Е. М. Насирова*

Корректор *Л. Н. Руденко*

Верстка и техническое редактирование *А. А. Ергаковой*

Выпускающий редактор *Л. В. Гудырева*

Подписано в печать 21.12.2021. Дата выхода в свет 28.12.2021.

Печать ризографическая. Гарнитура Times New Roman.

Бумага офсетная. Формат 70x108/16.

Усл. п. л. 11,6.

Заказ № 141. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в ООО «Коми республиканская типография»,

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 2021

© Авторы статей, 2021

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCHES

УДК 73.04

А. В. Афанасьев
A. V. Afanasiev

Подменная икона в практике старообрядцев Усть-Цильмы: постановка проблемы

Substitute icon in Ust-Tsilma old-believers practics: problem setting

Аннотация. Подменная икона — малоизвестный элемент конспиративной практики староверов. Некоторые иконы на территории поморского старообрядческого очага на Печоре с центром в Усть-Цильме по своим иконографическим и технологическим характеристикам могут быть рассмотрены как подменные.

Ключевые слова: Поморская икона, старообрядцы Усть-Цильмы, Великопоженский скит, подменная икона

Abstract. Substitute icon is a less known element of old-believers secrecy. Some icons found in Pechora Pomor old-believers region around Ust-Tsilma could be attributed as substitute icons based on their iconographic and technological characteristics.

Keywords: Pomor icon, old-believers of Ust-Tsilma, Velikopozhensky skete, substitute icon

Практика использования подменных икон в быту старообрядцев-поморцев Печоры (Усть-Цилемский район Республики Коми) и возможной принадлежности находящихся в Усть-Цильме трех старинных икон иконостасного типа к категории подменных была затронута мною в альбоме «Великопоженская икона» [Афанасьев, 2018] и в выступлении на «Строгановских чтениях» в ноябре 2020 года [Афанасьев, 2020]. Речь идет об иконах «Праотец Иаков», «Пророк Иезекииль» (Историко-мемориальный музей А. В. Журавского, с. Усть-Цильма) и иконе «Праотец Адам», принадлежащей частному лицу. В этой работе делается попытка дополнительно рассмотреть некоторые характеристики икон, позволяющие гипотетически говорить о них как о подменных.

Подменная икона использовалась старообрядцами для сокрытия собственных сакральных молитвенных образов от «замиршения» (постороннего, особенно недоброжелательного, взгляда), а также при выкупе у представителей синодального духовенства старообрядческих икон, передававшихся им после конфискации из моленных. Жизнь старообрядцев сама по себе имела неявный, полулегальный характер, а подмену икон и выкуп конфиската можно считать одной из самых конспиративных сфер старообрядческой практики. Она ярко показана бытописателем старообрядчества Н. С. Лесковым в «Запечатленном ангеле». Перед визитом иноверной благотворительницы старообрядцы делают подмену в своей моленной: «Ну, сколь нам было это ни неприятно, но делать было нечего; мы поскорее свои иконы со стен снимали да попрятали в коробы, а из коробей кое-какие заменные заставки, что содержали страха ради чиновничьего нашествия, в тяблы поставили и ждем гостейку» [Лесков, 1957, с. 331]. Позднее староверы пытаются вызволить отобранную у них чиновником икону: «...выкрасть своего ангела стало невозможно. Оставалось другое средство: подкупить слуг архиереевых и с их помощью подменить икону иным и в соответствие сей хитро написанным подобием. В этом тоже наши староверы не раз успевали...» [Лесков, 1957, с. 334].

Сочинение Н. С. Лескова в данном случае рассматривается нами как исторический источник, причем источник более надежный и точный, чем официальные документы светских и духовных властей. Например, официальные отчеты говорят о почти поголовной неграмотности насельников Великопоженского скита. Современный исследователь на этом основании делает вывод о том, что только два грамотных скитских наставника могли писать иконы [Плаксина, 2016, с. 81]. Между тем у Лескова встречаем фразу: «Марой был совсем простец, даже неграмотный, что по старообрядчеству даже редкость...» [Лесков, 1957, с. 327]. Представить себе, что не просто мирские старообрядцы, а живущие в скиту молитвенники были неграмотными, совершенно невозможно. Вспомним, что даже бежавшие от мира в XX веке Лыковы научили своих детей читать — не для коммуникации с людьми, но ради причастности к Истине. Другое дело, что старообрядцы нарочно сказывались перед посторонними неграмотными, чтобы избежать вопросов о хранящихся у них «еретических» книгах. «Незнайка на печи лежит, а знайку на веревочке ведут», — говорила моя бабушка-поморка.

Заметим, кстати, что и официальные отчеты о количестве старообрядцев в той или иной местности писались совсем не для будущих историков. Чем удаленнее было селение, тем легче было «беспаспортным» укрыться в лесных заимках на период визита проверяющих. Последние, в свою очередь, тоже не слишком были заинтересованы в том, чтобы подведомственная им территория предстала кишашей «раскольниками». Так, например, в бассейне притока Печоры Цильмы, на реке Тобыш в XIX веке укрывалась целая группа старообрядцев, насколько можно судить, вне официального внимания властей.

Возвращаясь к теме подменных икон, можно сказать, что каких-то конкретных, документальных сведений о них существовать, скорее всего, не могло в принципе. Знатки старообрядчества давних лет еще могли слышать о них устные рассказы, но тех рассказчиков давно нет. Единственным источником информации могут быть сами артефакты. Но как отличить подменную икону от истинной? Прежде всего, подменные иконы должны быть худшего качества, чем истинные, обходиться в работе дешево. То есть мы должны иметь возможность сравнивать их с обычным для данного сообщества качеством. Это возможно там, где сохранился некоторый корпус местных художественно-сакральных артефактов. Во-вторых, не исключено, что подменные иконы делались на стороне. Довольно трудно представить себе строгую поморскую киновию или общину, иконописцы которой занимались бы подделками, хотя бы и во спасение. Думается, такую вынужденно неблагочестивую работу проще было поручить сторонним исполнителям, работа которых даже при известном подражании стилю, требуемому заказчиком, неизбежно отличалась бы своими особенностями.

По результатам знакомства с иконными фондами музея-заповедника «Кижи» и Музея изобразительных искусств Республики Карелия (далее — МИИРК)¹ можно сказать, что изобразительный тип иконостасных икон старообрядческих моленных Поморья в XVIII—XIX веках достаточно устойчив. Пропорции фигур близки к естественным. Они иногда предстают даже несколько «головастыми», что может быть обусловлено особенностями восприятия образов, расположенных выше глаз молящихся. Обычное же соотношение высоты головы (подбородок — темя) к высоте всей фигуры (пятка — темя) 1:6—1:8. В небольших иконах, в образах домашнего назначения мы часто видим некоторую вытянутость фигур («Сретение Господне», илл. 1), сдержанную апелляцию к эстетике Средневековья. Вызвано это, вероятно, использованием старинных прорисей, отражающих средневековую традицию, на досках более-менее типовых размеров. Храмовые святые скорее могут выглядеть коренастыми, более соответствующими вкусам своей эпохи. Применить прориси

¹ Пользуясь случаем, выражаю свою благодарность сотруднику музея «Кижи» Елене Васильевне Титовой, с особой признательностью — сотрудникам МИИРК Владимиру Георгиевичу Платонову и Алле Викторовне Мельниковой, которые сориентировали меня в богатейшем наследии иконописцев выгорецкого ареала и щедро поделились своими знаниями.

на нестандартных по размерам досках, зависящих от параметров моленной, затруднительно.

Вытянутые «средневековые» фигуры домашних икон одновременно и утонченны. Ширина головы по линии бровей к ширине фигуры по линии чресел Иосифа со «Сретения» (без учета развивающихся одежд) — 1:1,9. Обычно ширина чресел у мужских фигур не превышает двойную ширину голов.

С точки зрения типологии иконостасных икон интересно посмотреть на работы иконописцев-поморцев XX века, представленных в моленных поморских общинах Прибалтики. Иконописцы следовали архетипу, выработанному их одноверцами в Поморье, на Выгу («Пророк Елисей», «Пророк Аггей», «Пророк Михей», илл. 2). Если не знать происхождение икон, их легко принять за произведения начала XIX века.

Отличие трех вышеупомянутых усть-цилемских икон от поморского иконографического типа рассмотрим на примере наиболее сохранный из них и не подвергшейся реставрации иконы «Праотец Адам» (илл. 3, 3а). Для сопоставления возьмем образ «Евангелист Матфей» (илл. 4, 4а), находящийся в МИИРК. Это работа одной из выгорецких мастерских начала XIX века, она уже публиковалась Н. Е. Плаксиной [*Плаксина*, 2015].

Отношение высоты головы Матфея к высоте всей фигуры — 1:7. Ширина чресел составляет 1,7 ширины головы. У Адама первое соотношение 1:10, второе — 2,8. Тело Адама широкое, плотное, стопы большие — и на всем этом «постаменте» — вбитая в плечи головка. Она не склоняется на изящно согбенной вые, а вжимается в поднятые грузные плечи. Мы видим не согбенность и не прямоту, а пришибленность. Так же выходят за рамки обычной пропорции Иезекииля (1:9, 1:2,2) и Иакова: (1:10, 1:2,9). Таким образом, на мой взгляд, эти три иконы — не слишком осмысленное подражание средневековому письму. Чрезмерность, нечувствие меры и красоты выдает стилизатора, эпигона.

Обращает на себя внимание разница в подготовке основы. У «Адама» это нестойкая к короблению, погнувшаяся единая доска, довольно небрежно оструганные шпонки. Основа «Матфея» состоит из надежно склеенных между собой трех досок, соединенных изящными профилированными шпонками. Ни она, ни другие иконы того же, что и «Матфея», ряда, находящиеся в Музее изобразительных искусств Республики Карелия, со временем не покоробились. Иконы поморцев выгорецкого ареала могут иметь и довольно грубо обработанные основы из единого массива, но в любом случае дерево выбрано и подготовлено правильно, доска в процессе бытования не коробится. «Адам» и «Матфей» — иконы разной производственной культуры. Выгорецкая работа с деревом — это, скорее всего, следствие влияния столярных технологий олонецких металлургических производств, на которых работали староверы края (аналогичное столярное мастерство наблюдаем в невьянской иконе на горнозаводском Урале).

В феврале 2018 года образцы паволоки, грунта и пигментов «Адама» исследованы кандидатом химических наук В. Н. Ярош и Л. О. Магазиной методами микрохимического, петрографического анализа и электронной сканирующей микроскопии. Результаты этой работы показательны. Паволока льняная, тонкая, промышленного изготовления. Покрывает часть доски, причем самое уязвимое место — нижнее поле — паволоки не имеет. (Впечатление такое, что один мастер наклеил паволоку и загрунтовал доску, а другой, нанеся графью, перевернул основу вверх ногами.) Левкас гипсовый, рыхлый, разрушившийся, не как гипсовые левкасы великопоженских икон (с растрескиванием на более или менее крупные фрагменты), а подобно меловому — осыпанием «в пыль». Технологически икона несовершенна, сделана, выражаясь словами Лескова, «на краткое время, а не в долготу дней». Краски тонкотертые, в частности, свинцовые белила несомненно фабричного изготовления. В составе темно-красной краски опуши найден сульфат бария. Баритовые белила вошли в практику живописи во второй половине XIX века.

При исследовании стратиграфии красочных слоев местами обнаружен тонкий слой подмалёвка с высоким содержанием свинцовых белил. Наличие подмалёвка (роскрыши) говорит о работе знаменщика большой иконописной мастерской.

Выявленные особенности позволяют предположить, что икона «Праотец Адам» выполнена за пределами усть-цилемского региона не ранее середины XIX века в мастерской, ориентированной на массовое изготовление икон, при котором уделялось внимание внешнему виду произведений и их соответствию запросу заказчика, а технология имела второстепенное значение. Художественные особенности иконы позволяют отнести ее к периоду распространения в России эпигонских стилизаций под старину и «под любой пошиб».

На обороте всех трех образов имеются небольшие небрежно оттиснутые печати красного сургуча. На печати «Адама» (илл. 5) можно разобрать коряво гравированные инициалы «НА» и мелкие буквы, составляющие то ли часть фамилии, то ли аббревиатуру «пилюс...». Над инициалами — смазанное изображение то ли облачков, то ли голубя. Стилистически и размерно печать подобна той, какой отмечен оборот иконы «Преподобный Кирилл Новозерский» из фондов МИИРК (Инв. И-852), опечатанной, как можно судить по истории ее бытования в качестве конфиската, представителем церковной иерархии. Если рассматриваемые три иконы — подменные, то и фальшивые печати на их обороте должны были быть выполнены так, чтобы не представлять собой, в случае скрупулезного разбирательства, дополнительного преступления, то есть не имитировать печать государственного чиновника, обычно содержащую конкретную служебную информацию (илл. 6).

Итак, в отношении трех иконостасных икон стоит рассмотреть версию, что мы имеем дело со стилизацией под поморский стиль, выполненной по заказу пажетов с целью подмены конфискованных властями образов Великопоженского скита (см. [Новиков, 2009, с. 150—151]) и вызволения своих оказавшихся в плену святынь. Будущие изыскания, выявление новых артефактов, возможно, прольют дополнительный свет на эту проблему.

Среди икон, выполняющих функцию подмены, упомяну «Распятие», обнаруженное мною в одном из усть-цилемских домов на Печоре. Массивный предмет, отлитый из серебристого сплава, предположительно, в последней трети XX века, имеет в наверху образ Саваофа и аббревиатуру ИНЦИ. Такой крест является для поморцев чужим, и его наличие на божнице поморки среди своих образов меня удивило. Выяснилось, что «Распятие» хозяева оставляют на божнице, когда надолго уезжают из дома и прячут свои иконы. Благодаря кресту божница не остается пустой, и вора не приходит в голову, что в доме есть, что поискать.

К числу «загадочных» икон можно отнести и оплечного «Спаса» (илл. 7, 7а), обнаруженного мною в ходе экспедиции в одном из северных селений усть-цилемского ареала. Образ выглядит жутковато после того, как владелец вымазал белилами белки глаз и усилил черным основные черты. Сделал он это потому, что лик был абсолютно темным и глухим, словно бы покрытым вековой потемневшей олифой. Снятие великолепной работы оклада XVIII века из красной меди с остатками огневого золочения показало, что живопись намного более поздняя, сделанная хотя и профессиональной рукой со знанием поморской культуры, но небрежно и технологически порочно. Никакого «древнего» олифного слоя на живописи нет. Поверхность лика выглядит как асфальт, легко впитывает, по словам владельца, жидко разведенную краску и держит только неразбавленную, густую. Фото области волос под десятикратным увеличением (илл. 7б) показывает, что изображение наносилось не традиционным способом — высветлениями по санкирю и затем штрихами, обозначающими волосы, а сразу темной густой краской по светлому основанию с моделировкой линий волос выпуклым наложением все той же краски. (Не этот ли прием имел в виду Лесков, говоря: «одному пишет рефтью, а другому нефтью»? [Лесков, 1957, с. 354].) Небольшой слой коричневой охры лежит в светах на почти черном личном.

Икона написана на основе, красиво и прочно соединенной с деликатно орнаментированной рамкой. Однако эта соединенность не дала невыдержанной основе «дышать» и спровоцировала разрыв сдвинувшейся с годами доски. По трещине разорвалась и паволока с плохо держащимся на ней левкасом. В конструкции основы проявилось как профессиональное знание ремесленника, так и небрежность в применении этого знания.

С какой целью была изготовлена эта икона? Использовать великолепный, видимо, оставшийся от другой иконы оклад, чтобы сделать подстаринную обманку и дорого продать одноверцу? Или изготовить подменную икону, чтобы при случае выставить ее вместо своей, подлинной? Обе версии не беспочвенны для второй половины, а может быть, и последней трети XIX века, которой можно датировать артефакт.

В ходе полутора десятков экспедиций на протяжении последних десяти лет в Усть-Цилемский район и города, где имеются усть-цилемские общины, в моем поле зрения оказались и другие иконы, о которых можно предполагать, что они были созданы с целью подмены. Их исследование требует времени и дополнительных усилий и рассматривается нами как одно из перспективных направлений в изучении особенностей бытования иконы у печорских старообрядцев.

Список литературы

Афанасьев, 2018 — Афанасьев А. В. Великопоженская икона. Фотоальбом. М.: [б. и.], 2018. С. 178—179 [Электронный ресурс]. URL: http://territory.syktsu.ru/html/pdf.js/web/viewer.html?file=http://territory.syktsu.ru/etnokulturnoe-nasledie/biblioteka/AfanasyevAV_Velikopozhenskaya_ikona.pdf (дата обращения: 18.12.2021).

Афанасьев, 2020 — Афанасьев А. В. Усть-цилемский поморский старообрядческий очаг: профессиональная обусловленность местной иконы и практика взаимодействия с «чужой» иконой // Свое — чужое: опыт культурного взаимодействия : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения — XVI» (20 ноября 2020 г.). Усолье: Усольский историко-архитектурный музей-заповедник «Усолье Строгановское», 2020. С. 65—71.

Лесков, 1957 — Лесков Н. С. Запечатленный ангел // Лесков Н. С. Собрание сочинений : в 11 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т. 4. С. 320—384.

Новиков, 2009 — Новиков А. В. Цилемский скит. Исторический очерк. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. С. 150—151.

Плаксина, 2015 — Плаксина Н. Е. Иконостас моленной Великопоженского скита: история, реконструкция, происхождение // Рябининские чтения : материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: [б. и.], 2015. С. 221—224.

Плаксина, 2016 — Плаксина Н. Е. Великопоженский скит в период правления Николая I // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 2 (26). С. 75—85.

Иллюстрации

- 1: Икона «Сретение Господне», конец XVIII века, Великопоженский скит. 31x26. (Фрагмент).
- 2: Иконы «Пророк Елисей», «Пророк Аггей», «Пророк Михей», иконы одного из поморских храмов Латвии, XX век.
- 3: Икона «Праотец Адам», середина — вторая половина XIX века, Центральная Россия. 53x24.
- 3а: Обратная сторона иконы «Праотец Адам» (см. илл. 3).
- 4: Икона «Евангелист Матфей», начало XIX века, Выг. 71x29,5.
- 4а: Обратная сторона иконы «Евангелист Матфей» (см. илл. 4).
- 5: Печать на обороте иконы «Праотец Адам».
- 6: Печать становой приставы Вельского уезда Вологодской губернии на оборотной стороне старообрядческой иконы. Частное собрание, Москва.
- 7: Икона «Господь Вседержитель», вторая половина XIX века, поморский мастер. 63x40.
- 7а: Икона «Господь Вседержитель» без оклада (см. илл. 7).
- 7б: Фрагмент иконы «Господь Вседержитель» (см. илл. 7) под увеличением.

Илл. 1

Илл. 2

Илл. 3

Илл. 3а

Илл. 4

Илл. 4а

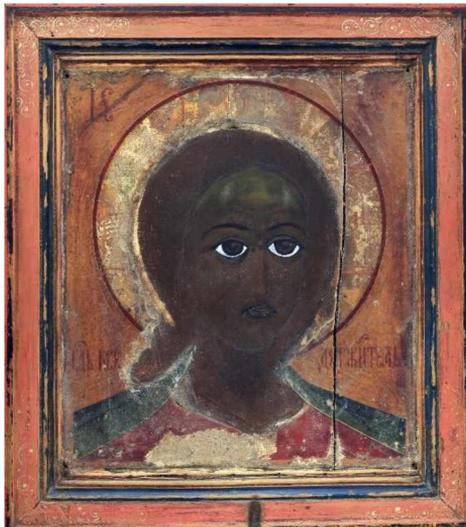
Илл. 5

Илл. 6

Илл. 7

Илл. 7а

Илл. 7б

Бунты и разбои на восточной окраине Поморья в XVII веке**Riots and robberies on the eastern outskirts of Pomorie in the XVII century**

Аннотация. В статье раскрываются исторические реалии XVII века через анализ историографии и русского уголовного права о бунтах и разбоях. Источниковой базой исследования являются акты, опубликованные археографической комиссией Академии наук и частными лицами, а также документы Российского государственного архива древних актов и некоторых других хранилищ. Используются дневники путешественников иностранцев по России, «Повесть о Горе-Злочастии».

Ключевые слова: бунты, разбои, Чердынь, Соль Камская, Кайгородок, Кунгур

Abstract. The article reveals the historical realities of the XVII century through the analysis of historiography and Russian criminal law about riots and robberies. The source base of the research is acts published by the Archeographic Commission of the Academy of Sciences and private individuals, as well as documents of the Russian State Archive of Ancient Acts and some other repositories. Travel diaries of foreigners in Russia, "The Tale of Woe-Wickedness" are used.

Keywords: riots, robberies, Cherdyn, Kamskaya salt, Koigorodok, Kungur

К восточной окраине Поморья относятся города и уезды Чердыни, Соли Камской, Кайгородка, Кунгура и Пермской вотчины Строгановых. Это была внутренняя окраина России. Её социокультурные форманты отличались от общероссийских, центральных, западных и частично поморских, как и локальные формы памяти с их эмоциональными смыслами. Историческая динамика восточного Поморья изменялась на протяжении XVII века. В ней условно выделяются периоды: смутное время, вторая четверть и вторая половина XVII века. Данное исследование основывается на междисциплинарном методологическом принципе микроисторического подхода, позволяющего выявить территориальные особенности, «очертанья живые» (А. Ахматова) на основе исследованной источниковой базы по теме статьи.

В государственной системе России XVII века условно можно выделить взаимосвязанные и взаимообусловленные компоненты: управленческий, политический, финансово-экономический, социальный и правовой. Эти компоненты рассматриваются в контексте заявленной темы. Качество жизни российского населения определял основополагающий экологический фактор, лишь частично зависимый от человека того времени. Это малый ледниковый период с характерным для него снижением солнечной активности и повышением вулканической, особенно значимый для северной части Европы. В течение всего столетия был жуткий голод в 1601—1603 годах и десятках других лет.

Голодные годы, эпидемии и скотские падежи оказывали влияние на все компоненты государственной системы России. Управленческая реакция не соответствовала чаяниям подданных: в 1717 (1669) году соликамскому воеводе Б. Г. Бухвостову предписывалось обложить прибавочно податью поморские города из-за неурожая хлеба в Сибири (Петербургский филиал архива РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 24. № 7) — здесь и далее ссылки на архивные материалы приводятся в круглых скобках и не входят в список литературы. Неадекватными ответами на вызовы природы были молебствия.

Излишняя регламентация и дробность управления государственной системой провоцировала «областную рознь» [Ключевский, 1988, с. 55]. Управленцами в центре и на местах были дворяне. Воеводами на восточной окраине Поморья в основном были стольники [Бруцкая, 2021, с. 20—21]. Удаленность от центра Московского государства позволяла воеводам, земским и волостным выборным людям перехватывать челобитные местного населения с жалобами на их злоупотребления. Восточная окраина Поморья с Москвой была связана летним и зимним путями, на которых свирепствовали разбойники. В распутицу (весной и осенью) приходилось ждать благоприятной погоды для продвижения в центр и

обратно. Требовались средства и время для прогонов и «проестей». Пространственная удаленность ослабляла правительственный контроль над окраинами. Просторы задерживали правительственные реакции на местные события, требовавшие быстрых решений.

Содержанием внешнеполитического компонента государственной системы России были бесконечные войны, определявшие внутреннюю политику. Побег с военной службы продолжались на протяжении всего столетия. Приведу лишь один характерный пример из длинного ряда подобных: соликамский воевода Д. Н. Наумов выслал на службу начальных людей и солдат Шепелева полка. В феврале 1679 года ему приказали выслать в Севск бывших под Чигирином и «бежавших с дороги» солдат этого полка. Вместо них и побитых поставить детей и родственников [АИ. 5. № 9, с. 17—18, № 36, с. 56—58]. Примеры можно множить. Важно определить тенденцию политического самоопределения ногами.

Дела Тайного приказа и других управленческих структур содержат множество розысков о беглых солдатах и стрельцах [РИБ. 21. 1]. Войны постоянно поставляли людей и оружие в разбойничьи шайки, затерянные в лесах, укрытые на становищах. Разбои отличались интернациональным характером. Адам Олеарий описал разбой отставных немецких солдат 1 августа 1633 года. Они напали на посольский обоз, «обшарили припасы, разбили и выпили бочонок пива и отняли сабли у конвойных стрельцов...» [Олеарий, 1868, с. 33].

Следствием войн было всеобщее запустение. Для их обеспечения ресурсами создавалась грабительская налоговая система: взималась ненавистная народу пятина, стрельцкие деньги [Мацук, 1988], введенный в 1690 году сбор на торжках и ярмарках конских пошлинных денег [АИ. 5. № 195, с. 342] и др., исследованные А. С. Лаппо-Данилевским, В. О. Ключевским, П. Н. Милюковым и др. Бесконечно вводились новые оклады, которые «привели к истощению народных сил, к банкротству и хроническому накоплению недоимок» [Ключевский, 1988, с. 223]. М. А. Мацук раскрыл разное понимание экономического содержания налогов и повинностей, сложившееся в советской историографии, отметив, что обнищание и недоимочность были чреватые «социальным взрывом, что всегда и во всех отношениях стоит дорого» [Мацук, 1991, с. 13].

От нищеты, от «хлебной скудости», эпидемий и скотского падежа, от воровской опасности люди уходили с насиженных мест в поисках лучшей доли, осваивая новые пространства на приграничных рубежах государственной системы России. Они бежали от самодержавия и вновь попадали под его десницу. Миграционные потоки в Поморье достаточно полно исследованы в историографии (А. А. Дмитриев, В. Н. Шишонко, Н. В. Устюгов, В. А. Оборин и др.). Умножилась людьями Чусовская вотчина Строгановых [Бруцкая, Кучумова, 2021].

Сами чердынцы описывали бедственное состояние своего уезда в начале 1680-х годов с перечислением причин: от платежей непосильных податей, «от сибирского хлебного запаса, и от ямской наметной долгой многой и беспрогонной гоньбы, и от хлебного недороду, и от многой пустоты, и от взятых во многие поборы многих даточных, и от платежу тем даточным подъемных денег во многие поборы рублевых и полтинных, и пятой, и десятой, и пятнадцатой денег, и ото всяких городовых расходов, и от воровских людей, оскудали и разорились вконец» [АИ. 5. № 77, с. 120—121].

При некоторой гиперболизации, свойственной делопроизводству того времени, причины упадка указаны с исчерпывающей полнотой. Они были характерны для восточной окраины Поморья. К приведенному перечню следует добавить более ранние расходы на добычу медных руд и приписку работных людей к Григоровскому и Кужгородскому рудникам.

Кратко описанные компоненты государственной системы России оказывали влияние на содержание правоприменения, в том числе уголовное, и способов его реализации. Именно эти компоненты предопределили разгул криминала. Он был тем выше, чем ниже качество жизни. Бунты и разбои свидетельствовали о напряженности государственной системы России, рассогласованности функционирования ее компонентов: «Недовольство

становится и до конца века остается господствующей нотой в настроении народных масс» [Ключевский, 1988, с. 123].

Во второй указной книге Разбойного приказа (1616/17 гг.) [Законодательные акты, 1986, № 80, с. 85—91] описывалась процедура дознания о разбоях. Обыски подразделялись на расспросные, лихованные (с пытками) и большие повальные. Главным аргументом для доказательства повинности в разбоях было количество свидетельских показаний за или против. «На которых людей в обыску скажут», что они разбойники, тех заключать под стражу «за пристава». Описать их имущество «и приказати беречь тутошным сторонним людем с поруками, докуды дело вершится». Проводить очные ставки «в роспросе и с пытки». Применялись очные ставки свидетелей и подозреваемых «с очей на очи». Если обвиняемый «на себя с пытке в разбое учнет говорити, и ево казнить смертью». В том случае, когда два или три свидетеля «с пыток говорят о разбое» — оговоренного «по язычным молкам без обыску пытать». Такого лихого человека, разбойника «казнити смертью, а животы ево подавати в выть» и т. п. Главным инструментом дознания была пытка, в том числе «обыскных людей», которые разбойников «добрали». С них взимались выги, лучших (двух или трех) били кнутом. «А попов, которые к своим обыскным речам, руки прикладывали ... в их пене отсылати к властям» [Законодательные акты, 1986, с. 86].

При царе Борисе был оформлен боярский приговор для Разбойного приказа. В соответствии с ним предписывалось за один доказанный разбой казнить смертью. Если разбойники были на трех разбоях, но убийства не совершали, их все равно казнить смертью; за один или два «сидеть в тюрьме до указа» [Законодательные акты, 1986, с. 87].

Здесь и далее ссылки на одну и ту же публикацию приводятся в круглых скобках.

Если обвинение не подтвердится, то человека передавали «на чистую поруку с записью на тех же обыскных людей», что он не будет «розбивать». Имущество ему возвращалось. Исковые заявления обязательно оплачивались.

В начале 1620-х годов ямщика, которого «на дороге разбойники убьют», хоронили за счет десятильника или поповских старост [Законодательные акты, 1986, № 106, с. 106]. В 1628 году Боярская дума приговорила: за сбыт краденного — пытать. Если разбойников не удалось обнаружить, то продавцов — пытать «да на них же доправить исцов иск» [Законодательные акты, 1986, № 182, с. 146].

В 1637 году по указу о наказании татей и разбойников царь Михаил Федорович приказал: разбойников «в средних и малых винах, запятнав и бив кнутом, давати на чистые поруки з записми. А иных в средних винах, запетнав, ссылати в Сибирь». На правой щеке выжечь «рцы», на лбу — «земля», на левой щеке «буки» [Законодательные акты, 1986, № 243, с. 179]. В том же году вступил в силу указ о раздельном содержании в тюрьмах разбойников и людей, судящихся по гражданским искам [Законодательные акты, 1986, № 248, с. 181].

В 1646 году состоялся указ, в котором предписывалось мировые соглашения истцов, разбойников и приводных людей в приказе не принимать во внимание, а разбойникам «указ чинить по прежнему уложению». Истцам «пеня чинить, смотря по делу» [Законодательные акты, 1986, № 312, с. 215].

Во многих уголовных делах фиксировались жалобы истцов на их запугивание. Так, в своей явке об убийстве Д. Рахманинов сообщал: «... похваляютца на меня и на людишак моих и на крестьянишек разбоем и подметом, и поклепом, и пожегою, и убийством, и всякими лихими делью» [РИБ. 2, стб. 996]. Из многочисленных документов выявляется вооружение разбойников: пищали, сабли, бердыши, копыя, луки, топоры, ножи, рогатины, ослопы и даже пушки. По явкам (описанию разбоя и ущерба от него) заводились сыскные дела («ищейный поиск»), который, как правило, по указу вели жители других местностей.

В 1649 году было принято и опубликовано Соборное уложение, достаточно полно изученное в историографии. Уголовно-правовые нормы приобрели публичный характер. Вводились понятия: преступление, наказание, умысел, рецидив и соучастие. Наказание являлось мерой устрашения, чтобы иным не повадно было совершать подобное. Были сформулированы глава 21 «О разбойных и татинных делах» (уголовное судопроизводство) и

глава 22 «Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити, чинити наказание» (различия в наказаниях за убийство). За первый разбой виновный лишился правого уха и попадал в тюрьму на три года и затем в ссылку. За второй — его казнили смертью: простой (повешение) и квалифицированной (сожжение, отсечение головы, четвертование и т. д.).

В. Строев описал процесс судопроизводства [Строев, 1833, с. 93, 94, 96] и сделал справедливый вывод, что обе главы составляют «все уголовное право Уложения, за исключением немногих статей, внесенных в другие главы» (с. 47). Он отметил, что карательное право основывалось по большей части «на правиле подобного возмездия»: убийце — смерть, поджигателю — сожжение. Оно учреждалось под «влиянием Библии и Базилика» (с. 85). Соразмерности преступления и наказания не существовало.

В 1669 году Соборное уложение дополнили новоуказными статьями о татевных, разбойных и убийственных делах. Уголовное право было ориентировано на социальный статус преступников: «... при царе Алексее бывали случаи, когда за одно и то же преступление высокие чины подвергались только царскому гневу или отставке, а дьякам, подьячим и простым людям отсекали руки и ноги» [Ключевский, 1988, с. 124] «при общей подавленности чувства права» (с. 99). Наказания разбойников были реконструированы по Верхоурскому хронографу [Бруцкая, 2019 а, с. 33—34].

Е. Н. Полякова выявила терминологию сыскных документов XVII века. Например, «вчинник» — человек, возбуждающий дело (1648 г.) [Полякова, 1993, с. 115]. «Взводить» — возводить на кого-либо обвинение (1665 г.) (с. 80). «Виска» — пытка подвешиванием за руки (1696 г.) (с. 87). «Оговорный» — обвиненный в преступлении (1691 г.) [Полякова, 1996, с. 47] и др.

Бунты и разбои описаны в большом количестве публикаций. Н. М. Карамзин считал разбойником Хлопка. В советской историографии его представляли радетелем за народ. Карамзин, вслед за ним и Ключевский, указывали причину разбоев: беспризорную челядь, изгнанную без отпусковых: «Явились шайки на дорогах; завелись пристани в местах глухих и лесистых ...» [Карамзин, 2015, с. 871]. В 11-м и 12-м томах Н. М. Карамзин писал о бунтах и мятежах, относя к ним военные действия самозванцев. Самих их причисляя к атаманам разбойников.

В. Н. Берх, описывая бунты в России, в отдельном очерке «Война с башкирцами» на основе опубликованных документов, кратко описал бунты в Кунгурском уезде второй половины XVII века, употребив как одно порядковые понятия «война» и «бунт» [Берх, 2013, с. 110—112].

Государственник С. М. Соловьев отмечал: «... в отдаленные области, и даже в качестве правителей, были отправлены люди озлобленные, то есть верные возмутители...» [Соловьев, 2013, с. 291]. В царствование Михаила Федоровича историк отмечал увеличение числа разбоев на всей территории России [Соловьев, 2013, с. 340]. «В 1617 г. царь подтвердил постановление Грозного — не мириться с разбойниками» [Соловьев, 2013, с. 44].

«Народное раздражение» он называл мятежами [Соловьев, 2013, с. 355—356], казаков С. Разина — ворами, сбившимися в шайки и учинившими бунт [Соловьев, 2013, с. 356, 415—416]. В разбоях участвовали боярские люди. На окраинах России, «где пропыются крестьяне, — первое дело разбой, где и строитель пустыни участвовал в разбоях, скрывал пограбленную рухлядь...» [Соловьев, 2013, с. 460]. С. М. Соловьев показал широкую социальную базу разбоев, с которыми правительство вело войну. Разбои поддерживались притонами, пристанищами, станами и дуванами ворованной рухляди [Соловьев, 2013, с. 510]. На городских окраинах были убогие дома, где хоронили тела казненных смертью преступников [Соловьев, 2013, с. 456]. С. М. Соловьев считал бунты и разбои следствиями смуты, голода и нищеты, приводившими к разрушению нравственных основ населения России. Он помещал разбойников в один ряд с воеводой, подьячим и земским старостой [Соловьев, 2013, с. 457].

В. О. Ключевский, продолжая его исследования, отмечал, что с начала XVII века началось благоприятное время для отбросов «общества, обрадовавшихся легкости грабежа

в замутившейся стране» [Ключевский, 1988, с. 47]. Он принял выявленные в историографии причины разбоев. Недовольство было преобладающим настроением народа на протяжении всего столетия «при общей придавленности чувства права» [Ключевский, 1988, с. 199]. В. О. Ключевский предпочитал использовать понятие «мятеж», лишь изредка употребляя слово «бунт».

Н. И. Костомаров обратил внимание на угрозы разбоями. В начале царствования Михаила Федоровича всяких чинов служилые люди обращались к царю с различными просьбами. Если милости не будет, «они от бедности станут грабить, воровать, разбивать проезжих по дорогам» [Костомаров, 1998, с. 81]. Беглые люди не хотели тянуть тягла и пополняли разбойничьи шайки [Костомаров, 1998, с. 84]. В 1610-е годы в России бесчинствовали казацкие шайки [Костомаров, 1998, с. 81—82]. Разбойники зверствовали около Перми. За многими из них следовала толпа жен, венчанных и невенчанных.

«Напрасно правительство предписывало воеводам строить засеки, собирать ратных людей, вооружать жителей и всеми мерами ловить и истреблять разбойников; разбойников стало очень много; они нападали внезапно: пограбят, пожгут, перемучат людей в одном месте и исчезают, чтобы появиться в другом; ратные люди, прибывшие в то место, где по слухам объявлялись воры, заставляли там пепелища да обезображенные трупы людей, а о ворах уже шли слухи из других мест» [Костомаров, 1998, с. 83].

В 1627 году в городах было возобновление губных старост, «но часто не по выбору, а по назначению...». Они «возбуждали против себя жалобы за свои злоупотребления: выпускали за взятки воров и разбойников...» [Костомаров, 1998, с. 106]. Уголовный разгул не прекращался. О разбойных розысках сообщалось в Москву. Затем сыщиков упразднили. Губные старосты должны были для решения уголовных дел обращаться в Разбойный приказ. В их деятельность вмешивались воеводы. «Жалобы на разбои не прекращались после этого учреждения. В особенности разбойничали люди и крестьяне дворян и приказных людей, а владельцы их укрывали. Подобное случилось тоже и в тяглых обществах». Поэтому правительство взымало пени за сокрытие информации о разбойниках, за неоказание помощи потерпевшим, кричавшим о нападении. «Но у людей того времени господствовали старинные сбивчивые понятия о преступлениях: на уголовное дело смотрели как на частную обиду; родственник, подававший иск на убийцу своего кровного, зачастую заключал с ним мировую, и дело прекращалось» [Костомаров, 1998, с. 107].

Н. И. Костомаров описывал не только уголовные преступления, но и наказания: «За убийство и разбой обыкновенно казнили смертью; тому же подвергались церковные воры, а равным образом и всякий вор, трижды попавшийся на краже» [Костомаров, 1998, с. 207]. Бояре и дворяне, как правило, смерти не предавались. Уголовное право не противоречило сословной структуре общества.

Несмотря ни на что, разбои усиливались. «Для доставления казенных денег или товаров с места на место оказывалось необходимым посылать для сопровождения ратных людей. Несколько раз правительство делало особые распоряжения против разбойничьих шашек. ... в 1637 г. преступников по разбойным делам, содержащихся в тюрьме, было так много, что потребовалось особого денежного сбора на их содержание. С этого времени разбойников стали ссылать в Сибирь» [Костомаров, 1998, с. 118].

В 1655 году прибегли к крайней мере: всем разбойникам и ворам объявлялось прощение, если они покаются и прекратят разбои. Но это не сократило уголовный беспредел. Возрастало число расследований, разбойников вешали. Но за каждым сыском следовали новые беспорядки: «Разбойничьи шайки становились все многочисленнее и смелее; народ делался все недовольнее, и таким образом, подготовлялась почва для страшного бунта Стеньки Разина...» [Костомаров, 1998, с. 223].

В 1660-х годах после войны с Польшей «умножились разбои, несмотря на то, что ловля разбойников стала одной из главнейших забот правительства, ненависть к боярам, воеводам, приказным людям и богачам, доставлявшим выгоды казне и самим себе — приводила к тому, что жители перестали смотреть на разбойников как на врагов своей страны, лишь бы только разбойники грабили знатных и богатых ... разбойник стал представляться

образцом удали, молодечества, даже покровителем и мстителем страждущих и угнетенных» [Костомаров, 1998, с. 400]. Закон был бессилён, беспрестанные бунты продолжались [Костомаров, 1998, с. 530, 548].

Н. И. Костомаров наиболее полно раскрыл основные причины бунтов и разбоев (непосильный налоговый гнет, коррупция, войны и слабость управления). Показал побеги как протест против существовавших порядков и источник пополнения разбойных шаек, неэффективность судопроизводства и наказания.

В советской историографии были приняты определения «восстания» и «крестьянские войны» (А. И. Копанев, А. Г. Маньков, И. И. Смирнов, А. А. Преображенский, В. И. Буганов, В. И. Корецкий и др.). Тем самым прерывалась преемственность с предыдущей историографией. Описывая восстание И. Болотникова, историки несколько преувеличивали его значимость для восточной окраины Поморья: «... события под Москвой оказывали большое влияние на Вятско-Пермский район» [Копанев, Маньков, 1959, с. 394]. Основывались на единственном сохранившемся источнике 1606 года.

Это положение продолжил развивать И. И. Смирнов без привлечения дополнительных источников. Он отмечал, что в орбиту борьбы были втянуты Пермь и Вятка. Пермские «даточные» люди «примкнули и активно участвовали в борьбе, кипевшей в тех городах, мимо которых двигался их отряд» [Смирнов, 1951, с. 204]. Но пермичи «из Санчюрского воротились» домой [ААЭ. 2. № 60, с. 138]. Текст повторно опубликован и совпадает с изданным Н. П. Румянцевым по копиям, полученным от пермской команды В. Н. Берха [СГГД, № 151, с. 319—321].

В XVII веке Россия вела бесконечные войны, для которых требовались все ресурсы страны, в том числе и людские. Общины выбирали ратников и содержали их. Новобранцы не всегда понимали и поддерживали цели и задачи правительственной политики — они бежали. Летопись подтверждала факт побега: в 1606 году «Великие Перми ратные люди, позабыв крестное целованье на Василье, задались за вора, ратного побили и вспят на Чердыню» [Дорони, 1958, с. 268]. Это известие подтверждается царской грамотой по челобитью Петра Благово. Когда он с 48 ратниками «Прошел в Вятский уезд ... Пермичи де ратные люди учали меж себя драться и из луков стрелять ... они хотели его убить» [СГГД, № 151, с. 319—321]. Царь Василий Иванович пожаловал смутьянов прощением.

К той же тенденции советской историографии присоединился В. А. Оборин, определив события 1606, 1648 и 1671 годов в Чердыни как «классовые выступления городской бедноты» [Оборин, 1974, с. 12].

В историографии имеются различные точки зрения на эти события. С. Ф. Платонов считал, что разные местности не всегда принимали порядок боярско-княжеской реакции: «местным характером отличалось глухое брожение восточных инородцев в Перми и на Вятке». С. Ф. Платонов дал интерпретацию, отличную от советской историографии: «Здесь не было склонности к активной борьбе с Москвой, но явно было нежелание служить царю Василию» [Платонов, 1937, с. 252]. Грамоты, уцелевшие от пермских городов, позволяют судить о напряжении народных сил и многообразии затруднений. «Хотя Пермь и уверяла устами чердынских воевод, что готова служить и людьми, и средствами, однако же прибавляла, что ей надобно себя от воров оберегать, потому что у нас место порубежное. ... Зная малочисленность и скудость пермского населения, спокойный наблюдатель не решится обвинить пермских людей за их сдержанность и осторожность, тем более что пермские отряды все-таки были в земских войсках, и потому пермичей невозможно было уличить в прямом нежелании помочь общему делу» [Платонов, 1937, с. 303].

Идеологические позиции советской историографии развивал А. А. Преображенский. Он отметил в 1640 году движение в Чердыни и Соли Камской. В 1646 году — усиление разбоев на Каме. Для их предотвращения вооруженным крестьянам разрешалось «на драке ... воров ... стрелять» [Преображенский, 1972, с. 326]. Описал розыски разинцев и сделал вывод: «Таким образом, разными путями и в различной степени горячее дыхание Крестьянской войны 1670—1671 гг. достигло далеких восточных окраин страны, вызывая ле-

денящий ужас у царских властей. «Понизовые вести» ожидалось в приказных избах с великой тревогой и наспех передавались далее» [*Преображенский*, 1972, с. 335]. Упомянул о двух крестьянах, заподозренных в связях с камскими разбойниками [*Преображенский*, 1972, с. 62].

Праота интерпретаций С. Ф. Платонова подтверждается документально. Осенью 1603 года верхотурский татарин Колодат «в ропросе сказывал: пришли нагайские и уфимские люди «с ними бились». К царевичу. Алею пришли 500 человек [*РИБ*. 2. № 49 (77)]. Угроза с юга и востока тогда была актуальной.

Вычегодско-Вымская летопись описала боевые действия 1612 года: «...вогуличи пельнские и лозвинские, и вишерские помышляли измену супротив русские земли, пермские места пограбити. И шедшу на Пельнь люди ратные вычегжаны, чердынцы с воеводою верхотурским, вогульских зачинных смутьянов переимали и перевешали» [*Доронин*, 1958, с. 269]. Действовали самостоятельно, не дожидаясь указов из Центра. Строгановы для защиты своей Чусовской вотчины в 1616 году без разрешения верховной власти собственными силами нанесли по бунтовщикам упреждающий удар на их территории [*Бруцкая, Кучумова*, 2021, с. 10]. Жители Поморья смогли усмирить воинственность вогул, откочевавших в Сибирь.

Между Пермью Великой и Верхотурьем в 1607 году шла борьба за ясак вишерских вогуличей — валюту того времени. Нелегальными путями, беспошлинно пермичи торговали на Сылве и Ирени. В. Тырков использовал административный ресурс, переходящий в разбой, в январе 1607 года «учал в Чердыни посадских людей и волостных крестьян имати и в тюрьму сажати...», выбивать из них десятую деньгу по верхотурским наказным памятям. Но царская грамота предписывала оплату производить в Перми [*АИ*. 2. № 76, с. 101—103].

После голодных лет начала века сибирские хлебные запасы на жалованье служилым людям летом 1607 года оставили в Соли Камской, а сборщикам усольцы «с земли лошадей» не дали (№ 80, с. 110, № 81 с. 110—111). Тогда Пермью Великой управлял С. Ю. Вяземский, прежде бывший тушинским воеводой [*Платонов*, 1937, с. 282]. Летом того же года без царского указа он, «стакався с пермичи», вятских торговых людей и ямщиков «мучил на правеже», доправил на них «подводы и суды, и гребцов»; посылал на Верхотурье литвина с деньгами для покупки жернова, а «те денги потонули», и князь их «доправил на Вятчанех же, на торговых людех насилством» [*ААЭ*. 2. № 78, с. 171]. Человека, посланного с царской грамотой «убил и изувечил ... норovia пермичам по посулом» [*ААЭ*. 2. № 78, с. 171].

В 1622 году земским челобитьям исследовалось дело о насильстве чердынского воеводы Бутурлина [*АИ*. 3. № 114, с. 167—168]. Разбои совершались официальными представителями власти на восточной окраине Поморья (до бога высоко, до царя далеко). Смутное время создавало благоприятную почву для воеводского самовластья.

В 1608 году были расхищены отправленные в Верхотурье хлебные запасы «с Чердыни и с Кайгородка, и с Усоля полпуда муки ржаной, четь круп, четь толокна (№ 94, с. 125). Неизвестно, найдены ли были виновные. Такая добыча дорогого стоила, ведь летом предыдущего (1607 г.) «об Ильине дни и после Ильина» в Перми Великой шли непрерывные дожди [*ААЭ*. 2. № 80, с. 172]. В 1608 году А. Дубровин с товарищами похитили более 300 рублей пермских таможенных сборов [*ААЭ*. 2. № 97, с. 130—131] и были преданы суду (разбой по личной инициативе). На протяжении всего XVII века Поморье снабжало Сибирь продовольствием. В урожайные годы — вместо него деньгами. Также металлическим оборудованием и ремесленниками до 1685 года.

В 1635 году по явке кайгородцев в Москву к судному делу были привлечены выборные чердынские и усольские люди, обвиняемые в захвате 300 подводных лошадей [*АИ*. 3. № 187, с. 343—344]. Сохранилось судное дело (сентябрь 1686 — сентябрь 1687 г.) по челобитью тобольского татарина А. Абраимова об ограблении его во время осмотра бухарских товаров в Чусовской слободе при проезде в Кунгур (РГАДА. Ф. 1111. Верхотурская

приказная изба. Оп. 2. Д. 347. Л. 1-15). Оно дополняет сведения об использовании административного ресурса из корыстных соображений последователями князя С. Ю. Вяземского.

Самовластье, близкое к разбою, проявлял Никита Строганов. Царская грамота от 1 марта 1616 года предписывала чердынскому воеводе Волкову вернуть пострадавшему, Якову Литвинову, деньги и имущество, изъятые Строгановым. В числе похищенного значились: «триодь знаменная постная и цветная да стихораль полной знаменной да святцы с канунь» [АИ. 3. № 68, с. 63]. Одной рукой брал, другой — одаривал церкви.

В голодное время (1601—1603 гг.) хлебом спекулировали и разживались на этом чердынские посадские люди Могильниковы. Это был семейный промысел с примкнувшими к ним чердынцами. Успешность хлебных «вязок» позволила Могильниковым создать особую вотчину [Богословский, 1909, с. 107]. В чердынских переписных книгах 1579 года первыми значились «Якушко Могильников да сын его Ивашко ...» [Шишонко, 1879, с. 2]. На отхожей пашне (23,5 десятины и 20 десятины сенокосов) у них работали половник и пашенный холоп с четырьмя сыновьями. Им же принадлежала соляная варница и оброчная рыбная ловля. В начале XVII века семья «приобретает новый соляной промысел недалеко от Соликамска, активизируется в торговле, ее представители занимают выборные должности земского самоуправления, назначаются таможенными головами» [Оборин, 1990, с. 155—156].

При Лжедмитрии в мае 1606 года рассматривалась челобитная кайгородского земского старосты на разбой чердынских посадских людей под водительством И. Могильникова и М. Ванкова [ААЭ. 2. № 43, с. 98—99]. Под предлогом обыска об умерших от голода чердынцы ложно обвинили Кайгородцев в отсутствии застав от морового поветрия «били батоги не по делу и в тюрьму метали... Земскую коробью разломали», похитили 150 руб. 19 алтын 4 деньги, собранные на сибирские отпуска «и на всякие мирские расходы». Пришлось занимать деньги «из великих ростов». Убытки составили 203 руб. 12 алтын 5 денег [ААЭ. 2. № 43, с. 99]. Фамилия Могильниковых становилась говорящей. Богато жить, значит «убити и ограбить» [Повесть, 1984, с. 16].

Ивану Могильникову (пермскому старосте), видимо, удалось замять дело по кайгородской челобитной. 8 сентября того же года он привез князю С. Ю. Вяземскому грамоту Василия Шуйского по собственному челобитью: царь предписал судовым гребцам Соли Вычегодской возить служивых людей по подорожным до Соли Камской, а не возвращаться домой за 230 верст [ААЭ. 2. № 50, с. 116—117]. Тогда же доставил другую царскую грамоту по совместной с М. Ванковым челобитной об устройении яма у Соли Камской [ААЭ. 2. № 54, с. 123—124].

Его подельник М. Ванков 17 сентября 1606 года привез милостивую грамоту по челобитью того же Могильникова и др. о дозволении «лучшим торговым людям к Господским праздникам и к именинам, и к родинам, и к свадьбам вино про свою нужю курити поволно» [ААЭ. 2. № 55, с. 124—125]. Так были осыпаны царскими милостями разбойники. Однако царская грамота 1630 года предписывала вернуть беглых тяглецов, поселившихся «у посадского богатея Могильникова» [Преображенский, 1972, с. 139]. Но в том же году Артемий Могильников был переведен в Суконную сотню Москвы [АИ. 3. № 164, с. 291]. Деньги не пахли и на восточной окраине Поморья. Удаленность от центра выветривала их кровавый запах.

М. Ванков был в числе чердынцев, избивших Никиту Шаховского в июне 1614 года и не позволивших править на них деньги, «доимочные» и заемные, по росписям прошлых годов. Чердынскому воеводе Л. И. Волкову по царскому указу предписывалось дать князю «пушкарей, и затинщиков, и разсылщиков» для денежных сборов. А земских людей «пред князем Никитою бив батоги нещадно», вкинуть на месяц в тюрьму [ААЭ. 3. № 48, с. 91]. Деньги в прямом смысле выбивались. Маленький локальный бунт подавлялся с показательной жестокостью. Деньги и хлеб по кабалам Никиты Строганова взыскивались с чердынцев и летом 1621 года [АИ. 3. № 287, с. 458—459].

Грузы в центр Московского государства и обратно сопровождались с великим «береженьем». Об этом свидетельствует переписка в сентябре — декабре 1680 года верхотурского воеводы Р. М. Павлова с его соликамским коллегой. Речь в ней шла о выделении соликамских стрельцов для охраны денежной и товарной казны, посланной с переводчиком П. Кулвинским и софийским сыном боярским Я. Бязевым (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 292. Л. 39—40). Воевод связывали общие дела по сопровождению ссыльных в Сибирь (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 309. Л. 7—8, 19—20). Там же переписка за июль 1682 — январь 1683 г. (Д. 315), переписка за январь — август 1683 г. (Д. 341), переписка за июль 1686 — февраль 1687 г. и др.

Переписка между воеводами Соли Камской и Верхотурья свидетельствует об общности их усилий по сыску разбойников, в том числе задержанного в Мурзинской слободе Тобольского уезда уроженца Кайгородского уезда Алексея Андреева Секирина, розыске о его прежнем «местожительстве» и родственных отношений с камскими разбойниками Григорием и Тимофеем (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 202. Л. 5—9, 18—19. Переписка за март—сентябрь 1672 г.). Почти полтора года продолжалось следствие в Соли Камской о разбойниках Ваське, Гераське и Родьке. Велись розыски других разбойниках [Бруцкая, 2019, с. 34—36]. Осенью 1693 г. кунгурскому воеводе Ф. И. Сухотину предписывалось выслать к соликамскому воеводе С. Ф. Нарышкину кунгурских крестьян, обвиненных в разбое людей Г. Д. Строганова (ФИРИ РАН. Коллекция 75. Д. 156. Л. 1).

К первой половине XVII века относится отписка из портфелей Г. Ф. Миллера от Соли Камской на Верхотурье о разбойниках по Каме и в Койгородке (РГАДА. Ф. 199. Ч. 4. Д. 310).

Особенно жесткие конфликты с местным населением случились у воеводы Х. Ф. Рьльского в 1636 году. При нём чердынцы были перевешаны за бунт. 21 человек препровождались для розыска в Москву [Бруцкая, 2021, с. 22—23]. Он же упоминался в тетради записной Тайного приказа: на него было заведено судное дело. Проводилась очная ставка с гостинной сотни Ф. Аврамовым по его имущественному иску «в Патриарше приказе на Христофоре Рьльском» в 1669 (1661 г.) Конец этого дела был отодран [РИБ. Т. 21. Кн. 1, стб. 110]. Бывший пермский воевода упоминался также в рассылке документов приказа Тайных дел в другие приказы [РИБ. Т. 21. Кн. 1, стб. 525]. Чердынский бунт был не случайным фактом в его биографии.

В 1696 году горожане Соли Камской избили воеводу И. Я. Хилкова, поддержавшего земельные захваты Г. Д. Строганова в Соликамском уезде. Лучших горожан пытали в Семеновском приказе и выслали в Азов [Бруцкая, Муравьева, 2017, с. 95—96]. «Пря и вражда» об уездных землях между с Пыскорским монастырем тянулись с конца XVI века. Челобитья подписывали «все люди Камского Усолья» и волостные, уверенные в своей правоте, требовавшие «к себе в дань и оброк» монастырские угодья (Государственный архив Кировской области. Ф. 170. Грамоты и акты Вятского архиерейского дома. Оп. 1. Д. 13 а. Л. 6—9, 13). В 1593 году обыск проводил пермский воевода С. Чаплин. Он установил, что двор на посаде Соли Камской числился за Никитою Строгановым. Затем этот двор был передан Пыскорскому монастырю. На этом месте планировалось построить монастырское подворье. Но Александр, епископ Вятский и Велико-Пермский, запретил строительство, близко примыкавшее к соликамской Рождественской церкви. В земельных спорах С. Чаплин занял позицию монастыря (л. 14—16). В том же году земские люди Камского Усолья и игумен Геннадий подписали мировое соглашение, согласно которому «покинули полюбовно» мельницу на р. Талице и пропустили «в половину» Никольской мельницы на р. Усолке (Д. 13 а. Л. 10). Сохранилась подлинная мировая запись от 1 ноября 1593 года (РГАДА. Ф. 281. Оп. 9. № 11146 (14)).

Но конфликт тлел до конца XVII века. 25 декабря 1621 года соликамскому воеводе В. Корсакову была отправлена царская грамота о запрещении соликамским посадским людям и волостным крестьянам насильственно владеть землю Преображенского Пыскорского монастыря (РГАДА. Ф. 281. Оп. 7. № 11210 (78)). Строгановы передавали спорные земли монастырю и поддерживали его тяжбы, маскируя собственные захваты.

Бунты имели и положительный эффект. М. А. Мацук отмечает правительственные льготы по освобождению поморских тягловцев от дополнительных затрат на содержание воеводского аппарата, облегчению бремени ямской гоньбы и др. [Мацук, 1992].

Бунт в Кунгуре был при воеводе А. И. Калитине [Космовская, 2012, с. 64]. Бунты были реакцией на низкое качество управления, которое не соответствовало актуальным потребностям местных сообществ, на обнищание от бесконечных поборов.

На западе Перми Великой постоянной была угроза татаро-башкирских набегов, исследованная в историографии (В. Н. Берх, В. Н. Шишонко, Н. В. Устюгов, А. А. Преображенский, В. А. Оборин и др.). Кунгур был сожжен в 1662 году. Его остатки обнаружили археологи в с. Троицкое на реке Ирени [Оборин, 1969, с. 309]. В январе 1665 года была послана царская грамота в Пермь Великую воеводе, князю С. Л. Щербатову, о производстве точного дознания о разоренных татарами и башкирами крестьянских бобыльских дворов, принадлежавших Пыскорскому монастырю, и освобождению их от налогов «впредь до указа» [РГАДА. Ф. 281. Оп. 7. № 11375 (243)].

Татарские и башкирские бунты отличались долговременностью скрытной подготовки под руководством атаманов, имплицитностью мотивов, обусловленных стилем жизни и ведения хозяйства, культурными и религиозными формантами, не совпадающими с принятыми в государственной системе России. Русские городские бунты были кратковременными, социально обусловленными. Долговременностью отличались судебные расследования о них.

Избрант Идес, голландский купец, глава русской дипломатической миссии в Китай, описал нападение тридцати разбойников на Кайгородок. В воскресный день к берегу причалило несколько судов с большими экипажами и распущенными знаменами, барабанным боем и дудками». Разбойники подожгли город с юга и севера, напали на жителей: «рубили всех, кто им попадался, разграбили двор воеводы ... забрали все, что им понравилось, направились к своим суденышкам и беспрепятственно отплыли вниз по Каме» [Идес, Брандт, 1967].

Скорее после приезда посольства (апрель 1692 г.) «распространился слух, что в последнее время много разбойников с целью напасть на нас и похитить наше имущество ... воевода придал нам сильную охрану». Необходимость охраны посольства на обратном пути из Китая обсуждалась в переписке верхотурского воеводы И. Е. Цыклера с соликамским воеводой: о посылке стрельцов и посадских людей для сопровождения иноземца Елизария Избранта с китайским товаром (РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 405).

Адам Брандт, немецкий купец и секретарь посольства, записал рассказ об этом разбое И. Н. Лопухина, задержавшегося в Кайгородке из-за распутицы. В погоне за разбойниками «выяснилось, что это была сбежавшая от своих господ голь». Некоторых разбойников поймали, пытали «и по их воровским заслугам наказали». Зырянам «нельзя доверять ни на волос» [Идес, Брандт, 1967]. Кайгородок часто подвергался их нападениям.

XVII век очень точно назывался бунташным, т. е. беспокойным, чреватым бунтами и мятежами [Словарь, с. 354]. Там же определяется бунтовство — народные волнения, мятеж, враждебные действия в отношении власти, правительства. Бунтовщик — мятежник, смутьян (с. 355). В целом в досоветской историографии эти дефиниции были синонимами. Бунты имели некоторую целенаправленность, иногда — долговременность.

Профессор Ганноверского университета Г.-Г. Нольте отмечает, что крестьянские войны советской историографии в действительности были восстаниями «простонародья внутренних российских окраин: казачества, национальных меньшинств, старообрядцев, ремесленников, торговцев...» [Нольте, 1994, с. 36]. Под внутренними окраинами он понимает местности, где Центр получал от населения больше, чем оно от Центра.

В германской истории понятий бунты понимались как массовые возмущения, распространённые в средние века и сопряжённые с насилием: «По природе своей они отличаются, с одной стороны, от войн, с другой, от обычных преступлений, но границы эти зыбки, и зачастую как раз по их поводу и идет борьба» [Бульст и др., 2014, с. 549]. Война ведется между юридически равными субъектами. Восстания «и тому подобное учиняются теми,

чей правовой статус ниже, против тех, чей правовой статус выше» (с. 549). Правомерность действий бунтовщиков зависит от их успеха. «Граница между восстанием и преступлением тоже размыта» (с. 550). Термин всегда включает в себе оценку: «кто "бунтует", тот бунтует против своего законного господина», значит, действует противоправно (550). Источники показывают, что такие действия всегда — зло. О них остаются разноречивые данные в законах, судебных делах и в нарративных источниках (с. 551).

Разбои отличались кратковременностью, кровожадностью, запредельной безнравственностью, отчаянностью и попираемостью заповедей (не убий, не укради). Это — социальная практика, обусловленная и связанная с другими формами и институтами более широкого социального поля: «...нагому-босому шумить разбой» [*Повесть*, 1984, с. 13]. Соликамский воевода сообщал в Новгородский приказ: «У Соли Камской в такое нынешнее шаткое время от таких пришлых ярыжных голых людей жить конечно опасно и страшно, потому что у Соли ярыжных набродных людей безмерно много» [*Преображенский*, 1972, с. 330]. Некоторые мрачные тайны истории разбоев навсегда канули в Лету.

Разбои сходны с другими социальными формами (например, с вооруженными формированиями), но наполняются другим содержанием: круговой порукой бездуховной стадности, толкающей человека на преступление или молчаливое согласие с ним, «... в темноту, где клубятся мерзкие твари, которым нет дела до справедливости...» (Ю. Шевчук). Разбойничьи шайки, состоявшие из злобных маргиналов, были фрагментарно и потаенно обособлены в социуме (численность некоторых из них доходила до 40 человек). Разбойничали и «добропорядочные» люди с двойным дном.

«Повесть о горе-злочастии» представляла реальную русскую действительность второй половины XVII века, рисуя «выразительную картину «бесконечной нищеты», «безмерных недостатков», «наготы и босоты» [*Повесть*, 1984, с. 102]. В ней, по мнению Д. С. Лихачева, раскрывался не единичный факт: «Впервые художественное обобщение типического собирательного образа» маленького человека «встало перед литературным произведением как его прямая задача» (с. 101).

Беглый скиталец от безысходности своего положения шел на разбой. Туда же попадал человек, не совладавший «с пороком, страстью, даже чертой характера, как бы остающейся ему чужой, воспринимаемой человеком как какое-то «не-я» ... Это ... непременно злая судьба, рок, доля, двойник человека. Этот двойник преследует человека, отражает его мысли, при этом недобрые мысли, губельные для него, в которых он как бы не виноват и которые его и не его одновременно» (с. 99). О таком положении говорят: бес попутал.

Разбойники были частью нижнего паразитарного слоя. Злодеи, они бесчестно урывали часть общественного блага, которым пользовались. Темные секреты скрывали их личностный мотив — «я — мое», их мотивацию — утверждаться любой ценой. Говоря современным языком, разбойники — деструкторы, действовавшие в ложном мире (антимире) своих шаек. Их частные взаимодействия остались в узких рамках субъективности, почти не оставив свидетельств. «В случае со злом, с нечестностью, мы ищем и находим причины. То есть сами эти понятия нуждаются в указаниях на причины, которые всегда есть» [*Мамардашвили*, 1994, с. 9].

Список литературы

АИ. 2 — Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб.: Тип. 2-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1841. Т. 2. 438, 29 с.

АИ. 3 — Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб.: Тип. 2-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1841. Т. 3. 501, 16 с.

ААЭ. 2 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской АН. СПб.: Тип. 2-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 2. 392, 3, 14 с.

ААЭ. 3 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской АН. СПб.: тип. 2-го отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 3. 496, 4, 21 с.

АИ. 5 — Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб.: Тип. 20го отделения собственной Е. И. В. канцелярии, 1842. Т. 5. 539, 17 с.

Берх, 2013 — Берх В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича. М.: Кучково поле, 2013. 352 с.

Богословский, 1909 — Богословский М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М.: Синодальная тип., 1909. VII, 321, 105 с.

Бруцкая, 2019 — Бруцкая Л. А. Смертные казни на восточной окраине Поморья в последней четверти XVII — первой половине XVIII в. // Вестник Сыктывкарского ун-та. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар, 2019. Вып. 4 (12). С. 32—46.

Бруцкая, 2021 — Бруцкая Л. А. Уникальные известия «Описания...» о воеводской службе в Соли Камской XVII в. // Пермский сборник. Пермь, 2021. Кн. 6. С. 19—25.

Бруцкая, Кучумова, 2021 — Бруцкая Л. А., Кучумова Н. Н. Чусовская вотчина Строгановых в первой половине XVII в. // Пермский сборник. Пермь, 2021. С. 10—18.

Бруцкая, Муравьева, 2017 — Бруцкая Л. А., Муравьева Г. А. Григорий Дмитриевич Строганов: некоторые «прототипы и убытки» соляной лихорадки // Пермский сборник. Пермь, 2017. Кн. 4. С. 92—99.

Бульст и др., 2014 — Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Заговоры, восстания и бунты // Словарь основных исторических понятий : избранные статьи : в 2 т. / пер. с нем. К. Левинсон. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 549—551.

Законодательные акты, 1986 — Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. : тексты. Л.: Наука, 1986. 265 с.

Доронин, 1958 — Доронин П. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. Вып. 4. С. 241—271. Текст. С. 257—271.

Идес, Брант, 1967 — Идес И., Брант А. Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). М.: ГРВЛ, 1967. 404 с. URL: uraloved.ru/istoriya/izbrant-udes-adam-brant (дата обращения: 10.10.2021).

Карамзин, 2015 — Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Эксмо, 2015. 1024 с.: ил.

Ключевский, 1988 — Ключевский В. О. Соч. в 9 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 414 [1] с.

Копанев, Маньков, 1959 — Копанев А. И., Маньков А. Г. Восстание И. Болотникова. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 454 с.

Космовская, 2012 — Космовская А. А. Воеводское управление в Перми Великой в XVII в. // Вестник Пермского ун-та. Серия. История. Пермь, 2012. Вып. 1 (8). С. 135—143.

Костомаров, 1998 — Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : в 3 т. Ростов н/Д: ФЕНИКС, 1998. Т. 2. 608 с.

Мамардашвили, 1994 — Мамардашвили М. Философия и личность // Человек. 1994. № 5. С. 5—19.

Мацук, 1998 — Мацук М. А. Взимание стрелецких денег с крестьян Прикамья (1679—1697 гг.) // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск: УрО АН СССР, 1988. С. 23—36.

Мацук, 1991 — Мацук М. А. Государственный феодализм: формы феодальной эксплуатации черносошных крестьян и посадских людей Европейского Севера и Приуралья в XVII в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 4—7.

Мацук, 1992 — Мацук М. А. Некоторые аспекты политики правительства по повышению тяг-лоспособности черносошных крестьян Поморья и Приуралья в XVII в. // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Екатеринбург, 1992. С. 19—30.

Нольте, 1994 — Нольте Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 31—38.

Оборин, 1969 — Оборин В. А. Рассказывают археологические памятники // На Западном Урале. Пермь, 1969. Вып. 5. С. 306—311.

Оборин, 1974 — Оборин В. А. Возникновение и ранняя история Чердыни // Из прошлого Чердынского края. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1974. С. 11—15.

Оборин, 1990 — Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII в. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. 166 с.

Олеарий, 1868 — Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 гг. / пер. с нем. П. Барсова // ЧОИДР. М.: Университетская тип., 1868. Кн. 1. Отдел 4. С. XIV—76.

Платонов, 1937 — Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. 2-е изд. М.: Социально-экономическое изд-во, 1937. 498 с.

Повесть, 1984 — Повесть о горе-злочастии / сост. Д. С. Лихачев, Е. И. Ванеева. Л.: Наука, 1984. 110 с.

- Полякова, 1993* — Полякова Е. Н. Словарь пермских памятников XV — начала XVIII в. (А—Г). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1993. 159 с.
- Полякова, 1996* — Полякова Е. Н. Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII в. (К—О). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1996. 208 с.
- Преображенский, 1972* — Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVII в. М.: Наука, 1972. 392 с.
- РИБ. 2* — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1875. Т. 2. X, 1229 с.
- РИБ. 21. 1* — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 21. Кн. 1. Дела Тайного приказа. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1907. VII, 1754, 94 с.
- СГГД. 2* — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип Селивановского, 1819. Ч. 2. 610 с.
- Словарь, 1975* — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1 (А—Б). М.: Наука, 1975. 371 с.
- Смирнов, 1951* — Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607. М.: Госполитиздат, 1951. 588 с.
- Соловьев, 2013* — Соловьев С. М. История государства России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2013. 1024 с.: ил.
- Строев, 1833* — Строев В. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 г. СПб.: АН, 1833 [2], VIII, 158; 20 с..
- Шпионко, 1879* — Шпионко В. Н. Книги сошного письма и меры писца И. И. Яхонтова да подьячего Т. Карпова 1579 г. с некоторыми пояснениями. Пермь, 1879. Отдельный оттиск из «Пермских губернских ведомостей» за 1878—1879 гг. // zz-project.ru (дата обращения: 25.10.2021 г.).

**Устьцилёмы Тороповы и их вклад в создание
и сохранение рукописно-книжной традиции Усть-Цильмы****Usttsilems Toropovs and their contribution to the creation and preservation
of the handwritten-book tradition of Ust-Tsilma**

***Аннотация.** Данная статья является продолжением наших публикаций, рассказывающих о вкладе различных печорских крестьянских семей в создание и сохранение печорской рукописно-книжной традиции. Публикации эти основаны на материалах созданной нами базы данных о книжниках-старообрядцах Усть-Цилемского района Республики Коми. В этой статье мы приведем материалы базы данных о книжниках из рода Тороповых.*

***Ключевые слова:** Нижняя Печора, старообрядческая книжность, создатели и хранители рукописно-книжной традиции на Печоре, Тороповы-книжники*

***Abstract.** This article is a continuation of our publications telling about the contribution of various Pechora peasant families to the creation and preservation of the Pechora manuscript and book tradition. These publications are based on the materials of the database created by us about the scribes-Old Believers of the Ust-Tsilemsky region of the Komi Republic. In this article we will cite the materials of the database about the scribes from the Toropov family.*

***Keywords:** Lower Pechora, Old Believer bookishness, creators and keepers of the manuscript-book tradition in Pechora, the Toropov-scribes*

В данной статье, продолжая наши исследования вклада отдельных печорских фамилий в создание и сохранение печорской рукописно-книжной традиции [Волкова: 2010; 2014; 2019; 2019 а; 2019 б, 2019 в, 2019 г, 2019 д, 2019 е, 2020; Волкова, Вокуева, 2019], мы обратимся к роду Тороповых.

Впервые Тороповы как жители Усть-Цилемской слободки появляются в «Переписной книге Пустозерского уезда» 1679 года (РГАДА. Ф. 1209 (фонд Архив прежних вотчинных дел). Оп. Поместный приказ. Кн. 366. Л. 37), (опубликовано: [Мацук, 1993, с. 165—168]) Там перечислены 11 человек по фамилии Тороповы: «Пашко Петров сын Торопов, у него три сына: Федька, Юшка да Гришка 10 лет». Еще брат Ивашко Петров Торопов с тремя сыновьями и тремя племянниками умершего брата Сидора [Мацук, 1993, с. 166]. В другом документе — «Книге переписной государственных черносошных крестьян Пустозерского уезда» 1719 года (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157. Л. 20—23), (опубликовано: [Вокуева, 2006]) — число крестьян Тороповых возрастает: их уже 17 человек. Здесь же указано, что в числе «новокрещенных из самоядцов» был и мальчик: «Захар Гаврилов сын Торопов — 10 (лет)» (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. 1. Д. 157. Л. 23) [Вокуева, 2006, с. 368]. В среде устьцилёмов неоднократно встречаются такие записи об «усыновлении» ненецких детей, оставшихся без родителей. Эти сведения о начале рода Тороповых нам любезно предоставила Т. Д. Вокуева.

В настоящее время фамилия Тороповы является одной из распространённых в Усть-Цильме. За разными ответвлениями этой фамилии закрепились разные родовые прозвища: Анисимовы, Боровские, Васькиных, Ераскиных, Карпухинцевых, Кокоричковых, Меркушиных, Никаноровых и др.

О Тороповых-книжниках в нашей базе данных сохранилось довольно много материала. Начну обзор с представителей семьи **Ермолая Максимовича Торопова**, о которых сохранилось более всего сведений.

Сам Ермолай Максимович оставил читательскую запись на известном сборнике, составленном и переписанном Иваном Степановичем Мяндиным, переписчиком рукописей и редактором древнерусских повестей [Мальшев, 1985; Волкова, 2006]. Это сборник ИРЛИ, УЦ 66, содержащий целый ряд его литературных редакций древнерусских повестей

(см. о сборнике: [Волкова, 2005, с. 42—44]). Запись Ермолая Максимовича читается на л. 478, сделана скорописью тонким пером: «Сию книгу читаль Ермолай Максимовъ Тороповъ крестьянинъ Устьце[лемс]каго села 1874 го 1 июня». Эта запись свидетельствует о том, что в 70-х годах XIX века литературное творчество И. С. Мяндина было знакомо представителям семьи Тороповых и один из них даже считал необходимым отметить факт своего знакомства со сборником Мяндина на одном из его листов.

Второе поколение этой семьи — сыновья Ермолай Максимовича — Никанор Ермолаевич и Меркурий Ермолаевич. Особенно много сведений сохранилось о **Никаноре Ермолаевиче Торопове**. Никанор Ермолаевич фигурирует в списках книжников, составленных В. И. Малышевым на основе устных рассказов печорцев во время его поездок в Усть-Цильму. Из этих списков известно, что умер Никанор Ермолаевич в 1937 году, был наставником, жил в с. Усть-Цильма, был владельцем старинных книг и их переписчиком [Малышев, 1960, с. 16, 24]. На рукописном сборнике ИРЛИ, Усть-цилемское собрание (далее — УЦ), 75 последней четверти XIX века, в 8-ку, на 93-х листах, переписанном печорским полууставом нескольких почерков, в картонном переплете с кожаным корешком (см. описание: [Малышев, 1960, с. 124—125]), сохранилась любопытная запись. Составитель ее — Петр Петрович Чупров — не только указывает на писца рукописи, но и хвалит его почерк: «1897-го года 15 мая Никоноръ Ермалаевъ господинъ Тороповъ онъ писалъ книгу сию, принадлежит она ему и такъ онъ баско писалъ 1897-го года. Росписался туд же Пштръ Петровъ Чупровъ руку приложилъ» (л. 7 об.—8, карандаш).

Что же заинтересовало Никанора Ермолаевича в рукописи, из которой он переписал, как свидетельствует описание В. И. Малышева, только лл. 1—7 и 33—34? Состав сборника УЦ 75 весьма разнообразен. В нем сделаны и выписки о женах из Пчелы, из книги Мудрость Менандра, сборника кратких изречений (моностихов), выбранных из сочинений знаменитого древнегреческого драматурга Менандра, выписки из правил о исповеди и чиноуповедании. Читателям в нем и разнообразны слова: Нифонта Кипрского, Иоанна Златоуста, духовные стихи (о браке в Кане Галилейской, на Рождество Христово, о умилении души, об Иоасафе царевиче, о распятии Господнем, о втором пришествии Христове и др.), эсхатологическая «Повесть о двенадцати снах царя Шахаиши», памятник демократической сатиры «Повесть о Шемякином суде». На листах, переписанных Никанором Ермолаевичем (В. И. Малышев выявил их по почерку), читаются выписки из поучения о злых женах, о еде, блудодеянии, пьянстве, ворожбе. По-видимому, именно эти темы показались усть-цилемскому наставнику наиболее интересными. А на рукописной Азбуке конца XIX века (в 8-ку, на 4 лл., полуустав, в бумажной обложке), найденной в д. Степановской (ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собрание (далее — УЦ н.) 224 — здесь и далее сведения о рукописях УЦ н. взяты нами из неизданного рабочего описания Усть-Цилемского нового собрания, хранящегося в Дрвлекхранилище ИРЛИ), Никанор Ермолаевич оставил на нижней корке обложки шутовскую запись, сейчас уже плохо читающуюся: «Никаноръ Тороповъ руку приложилъ, ногу придвинул, глаза...». О том, что следовало дальше в этой записи, можно догадаться по предыдущей записи Алексея Дуркина, читающейся там же, на обложке: «... Алексей Дуркинъ руку приложил, глаза вытороциль...». В. И. Малышев общался лично с Никанором Ермолаевичем (по-видимому, незадолго до его смерти), когда впервые приехал на Печору, о чем можно судить по примечанию в его книге «Усть-Цилемские рукописные сборники...», где он пишет, что во время поисков рукописных книг в Усть-Цилемском районе большую помощь ему оказали многие местные жители, в том числе и Никанор Ермолаевич Торопов [Малышев, 1960, с. 44].

Никанору Ермолаевичу принадлежало старопечатное Евангелие учительное (М., 1652, переплет — доски в коже, с тиснением и следами двух застёжек) с владельческой записью Н. Е. Торопова: «Книга Никанора Торопова» (подклейка верхней крышки переплета) и владельческой записью-скрепой полууставом XIX века: «Архангелогородской полковой роты солдата Ивана Титова сына Калинина собственное» (л. 30—514). Еванге-

лие сейчас хранится в Научной библиотеке СПбГУ (ОРК 5197, по описанию А. А. Савельева (далее — Савельев) № 43 [Савельев, 1997, с. 78—79], куда оно поступило после экспедиции 1965 года.

Меркурий Ермолаевич, по-видимому, брат Никанора Ермолаевича и сын Ермолая Максимовича, также упомянут В. И. Малышевым в списке владельцев значительных собраний рукописей из с. Усть-Цильма [Малышев, 1960, с. 24; Малышев, 1956, с. 463]. Ему принадлежала рукопись на бересте. Вот что пишет В. И. Малышев в своем отчете об экспедиции в Усть-Цильму 1955 года о берестяных книгах, хранившихся у устьцильмов: «...Встречались огромные книги, написанные на бересте (часть одной такой книги хранится и сейчас в Нарьянмарском краеведческом музее, другая книга была в 1937 г. у М. Е. Торопова» [Малышев, 1956, с. 463].

Третье поколение семьи Ермолая Максимовича Торопова — это его внуки, сыновья Никанора Ермолаевича — Михаил, Яков и Василий. **Михаилу Никаноровичу Торопову**, вероятно, перешли какие-то книги из библиотеки отца, так как в 1968 году он передал в НБ СПбГУ (ОРК 5721; Савельев, № 31) [Савельев, 1997, с. 76] книгу XVII века — «Службы и житие Николая Чудотворца» (М., 1643). В книге были утрачены листы в начале и конце кодекса. При реставрации книги в конце XVIII века утраченные фрагменты были восстановлены от руки полууставом. В XIX веке книга принадлежала некоему Егору Кожеву, о чем он и сообщил владельческой записью на подклейке нижней крышки переплёта: «Сия книга Егора Кожева». Возможно, за инициалами одного из Тороповых, передавшего в ИРЛИ две рукописные книги — М. Н., не раскрытые в описании Усть-Цилемского нового собрания, скрывается Михаил Никанорович Торопов. Он подарил Ленинградским археографам сборную рукопись первой четверти XIX века, в 8-ку, на 98-ми листах, написанную полууставом и скорописью разных почерков, в картонном переплете, покрытом кожей. Рукопись содержит вечерние службы в недели Пасхи и Четыредесятницы, тропари, кондаки, каноны (ИРЛИ, УЦ н. 32). Вторая рукопись содержит чин «на разлучение души от тела», написана в середине XIX века полууставом на 65-ти листах. Рукопись маленького формата — в 16-ю долю листа, в картонном переплете.

Яков Никанорович Торопов, очевидно, также сын Никанора Ермолаевича, упомянут в одном из списков книжников, приводимом в книге В. И. Малышева «Усть-Цилемские рукописные сборники» [Малышев, 1960, с. 24]. Он явно читал рукопись ИРЛИ, УЦ 75, принадлежавшую его отцу Никанору Ермолаевичу, так как оставил на ней свою запись-автограф «*Яковъ Тороповъ*» (внизу л. 46 об., скорописью). Яков Никанорович, по-видимому как и его отец, занимался перепиской рукописей. Одна из таких рукописей сохранилась — ИРЛИ, УЦ 226. Это старообрядческий синодик, в 8-ку, на 10-ти листах, почерк — подражание печатному шрифту. Она представляет собой школьную тетрадку без обложки, бумага в линейку. Заглавия и начальные буквы написаны красными чернилами [Малышев, 1961, с. 593—594]. Рукопись получена от жены Якова Никаноровича. Она содержит только Помянник, в котором перечислены и сгоревшие в Великопоженском ските в 1743 году, и умершие по реке Тобышу, а также пустозерские узники — Аввакум, Лазарь, Федор, Епифаний.

Василий Никанорович Торопов, по всей видимости брат Якова Никаноровича и другой сын Никанора Ермолаевича, также был владельцем старинных книг. Восемь старопечатных книг из его собрания сейчас хранятся в Научной библиотеке Санкт-Петербургского университета. Все книги изданы в XVII веке. Самая ранняя из них — Апостол, изданный в Москве в 1606 году (НБ СПбГУ, ОРК 5187; Савельев № 6) [Савельев, 1997, с. 70]. В конце XVIII — начале XIX века книга была реставрирована, утраченные листы заменены рукописными (написаны полууставом, использована киноварь, инициалы, имеется заставка, подражающая печатной). Исследователи определили, что для реставрации Апостола 1606 года были использованы листы (274—288, 298—300) из более позднего Апостола 1697 года (ОРК 5187; Савельев, № 5 [Савельев, 1997, с. 70]). Несколько книг из собрания Василия Никаноровича относятся к середине XVII века. Это Миней служебная на

апрель (М., 1625), (ОРК 5191; Савельев, № 13 [Савельев, 1997, с. 71—72], к которой приплетены рукописи XVIII века, содержащие Тропарь священномученику Антипе, службу новоявленным мученикам Антонию, Иоанну и Евстафию, «иже в Литве пострадавших» (8 л.). От Василия Никаноровича в НБ СПбГУ в 1965 году поступило и упомянутое выше Евангелие учительное из собрания Никанора Ермолаевича Торопова. Другая служебная минея — на октябрь (М., 1645) из собрания Василия Никаноровича, переданная археографам в 1967 году (ОРК 5640; Савельев, № 35) [Савельев, 1997, с. 77], интересна своей записью-скрепой 1660 года: «*Лета 7168 году сия книга глаголемая месяц октябрь церкви Козмы и Домьяна, что за Яузой в Тоганской слободе*» (л. 1—9). А через год — в 1968 году — из того же собрания в СПбГУ поступила еще одна Минея — за январь (М., 1644), хранящаяся под шифром ОРК 5716 (Савельев, № 32) [Савельев, 1997, с. 76]. Была в собрании Василия Никаноровича и книга Поучения Ефрема Сирина и Аввы Дорофея (М., 1652), (ОРК 5038, Савельев № 44) [Савельев, 1997, с. 79], самых почитаемых на Печоре авторов. Интересная вкладная запись-скрепа сохранилась на Триоди постной (М., 1630), поступившей от Василия Никаноровича в 1965 году (ОРК 5186; Савельев, 18): «*Лета 7144 (1636) месяца марта в 11 день сию книгу глаголемую Триодь постную положили в дом Покрова пречистые Богородицы и великому во пророцех Ивану Предтечи и страстотерпцу Христову Георгию и святому пророку Илии Сергей Борисов сын Поздеева да старуха Анна Гаврилова дочь по своих душах и по своих родителех в поминовение вечное, и из дому сию книгу пречистые Богородицы не имати никому, а хто учнет тою книгу властоватися, и да будет он под тяготою церковною, и хто будет у тое церкви священник или диякон или кто от притча церковного или от прихожан сию книгу от церкви божие отлучить, и не буди на нем и на дому его милости божия от ныне и до века. Аминь*» (л. 4—59); а запись на л. 430 об. уже подтверждает, что книга стала церковной: «*Сия книга глаголемая Триодь постная церкви святаго великомученика Георгия, а подписал ж церкви черей Василий*». Другая запись говорит уже о том, что через 30 лет книга, видимо, оказалась вне церкви, так как в 1690 году церковь, в которую она поступила вкладом — Иоанна Предтечи «*погоре ... месяца января в 9 день*» (л. 510 об.) [Савельев, 1997, с. 73] Эти старопечатные книги, по-видимому, происходят из библиотеки Никанора Ермолаевича — отца Василия Никаноровича.

Есть в нашей базе данных одна запись, возможно, указывающая на родоначальника этой семьи, отца Ермолая Максимовича. На рукописном Цветнике, хранящемся в НБ СГУ (УЦ р. 211) сохранились биографические записи о разных представителях рода Тороповых, среди которых на л. 5а упомянут и **Максим Торопов**: «*Максим Торопов родился 1835 го*». Возможно, это отец Ермолая Максимовича. Там же имеется и читательская запись **Василия Максимовича Торопова**, скорее всего, также сына Максима Торопова и брата Ермолая Максимовича: «*Сию книгу читал Василей Максимович Торопов*» (форзац, чернила).

Таким образом, созданная нами база данных о печорских книжниках, помогла выявить целую династию книжников из рода Тороповых, включающую четыре поколения книжников, старший из которых Максим Торопов. Наши предположения о родственных связях вышеупомянутых книжников, безусловно, нуждаются в проверке архивными документами. Наша задача обратить будущих исследователей на эту семью и подтвердить наши предположения архивными разысканиями. Важно, что все они были так или иначе связаны со старинной книгой: хранили ее, передавали по наследству, читали и оставляли на полях прочитанных книг свои автографы.

Обратимся и к другим представителям фамилии Тороповых и рассмотрим, что о них имеется в нашей базе данных. Особенно интересная фигура среди книжников рода Тороповых — Усть-Цилемская наставница **Екатерина Ивановна Торопова**. Именно ей принадлежал тот самый Торжественник, составленный И. С. Мяндиным, который после долгих приключений попал наконец в нашу университетскую библиотеку и дал материал для целого ряда дипломных работ и статей [Волкова, 2003; Волкова, 2005, с. 52—57]. Из этой рукописи Н. С. Демкова и Е. М. Шварц во время экспедиции в Усть-Цильму сделали ряд

выписок (скопированы повести о царевне Персике, о царице Динаре, об образе Спаса, «иже на убрусе»), которые хранятся под одним шифром в Усть-Цилемском новом собрании ИРЛИ (№ 368) вместе с выписками из другой мяндинской рукописи — «Цветника», который пока не найден: может быть, он хранится в каком-то усть-цилемском доме, а может быть его уже и нет в Усть-Цильме или какой-то другой печорской деревне — увезен за пределы Республики Коми или физически не сохранился. Торжественник после смерти Екатерины Ивановны перешел к ее соседке Федосье Семеновне Носовой, сын которой и передал рукопись в нашу библиотеку для научных исследований. Несколько рукописей Екатерина Ивановна передала ленинградским археографам. Это сборник середины XIX века, в 8-ку, на 29-ти листах, написанный скорописью, в картонном переплете (ИРЛИ, УЦ н. 7), содержащий Слово Евагрия мниха «о умилении души», Слово «на Преображение Господне», слово Нила «о бесстрастии души и тела», духовные стихи. Другой сборник, подаренный Екатериной Ивановной, конца XIX века (ИРЛИ, УЦ н. 9, в 8-ку, на 26-ти лл., написанный скорописью разных почерков) содержит выписки из Поморских ответов, из Скитского патерика, из Пращицы, из сочинений Афанасия Александрийского и др. В рукописи ИРЛИ, УЦ н. 13 из собрания Е. И. Тороповой (второй полов. XVIII века, в 8-ку, на 26-ти лл., написанной скорописью) содержится список Повести о царице и львице, а в рукописи УЦ н. 15 (в 8-ку, на 19-ти лл., полуустав) — Житие Алексея, человека божия начала XIX века. Было в собрании Екатерины Ивановны и Слово Палладия мниха «о втором пришествии Христове и о страшном суде» (УЦ н. 17, конец первой трети XIX века, в 8-ку, 49 лл., переплет — картон, покрытый кожей), а под номером 21 в Усть-цилемском новом собрании ИРЛИ сейчас хранится Сказание о лестовке конца XIX века, подаренное Е. И. Тороповой. Это один лист с рисунком лестовки и текстом, написанным полууставом.

Были получены старинные книги и от **Прасковьи Ивановны Тороповой**. Вот что о ней пишет В. И. Мальшев: «П. И. Торопова (Усть-Цильма), наконец, передала нам поморский Торжественник (середина XVIII в.). В прошлые годы от нее всегда был один ответ: “Книга не продажная, книга каши не просит, пусть лежит. Вот умру, дети тогда пускай как хотят”» [Мальшев, 1958, с. 399]. Сейчас эта рукопись хранится в Усть-Цилемском собрании ИРЛИ под №151. Уточненная датировка ее — вторая четверть XVIII века. Рукопись в 4-ку, на 330-ти листах, переписана скорописью нескольких почерков. Переплет — доски, покрытые коричневой кожей с тиснением. Содержание рукописи составляют поучения и слова поморских (выговских) писателей на господские и богородичные праздники, а также слова на праздники отдельным святым (Иоанну Предтече, Иоанну Богослову, Николаю Мирликийскому, апостолам Петру и Павлу, Зосиме и Савватию соловецким), в неделю мясопустную, о посте, во святую пятидесятницу и др. [Мальшев, 1960, с. 162—163]. На рукописи сохранились владельческие записи устьцилемца Артемия Никитича Тиროнова от 1875, 1881, 1886 годов. От П. И. Тороповой в 1968 г. была получена и старопечатная книга — Минея служебная на февраль (М., 1622) с рукописными дополнениями XVIII века полууставом — кондак св. Феодору (л. 94 об.), тропарь и кондак св. Василию (л. 254). Переплет: доски в коже, со следами двух застежек (НБ СПбГУ, ОРК 5717; Савельев, №11 [Савельев, 1997, с. 71].

Известно еще несколько имен книжников из рода Тороповых, которые указал в своих списках В. И. Мальшев, но о них не сохранилось больше никаких сведений, кроме упоминания археографом. В их числе Тороповы **Иван Васильевич** (Усть-Цильма) [Мальшев, 1960, с. 24], **Евдокия Игнатьевна** (Роцинский ручей) [Мальшев, 1960, с. 25], **Лазарь Дементьевич** (XIX в.) [Мальшев, 1962, с. 456], **Федор Михайлович** [Там же]. Был в роде Тороповых и наставник Великопоженского скита — **Торопов Сергей** [Там же]

По владельческим записям мы выявили еще несколько имен представителей рода Тороповых. В их числе **Торопов Иван Григорьевич**, которому принадлежали Поморские ответы — рукопись ИРЛИ, УЦ 214 конца XVIII века (в 4-ку, на 539-ти листах, написанная скорописью и полууставом, переходящим в скоропись, нескольких почерков, в дощатом переплете, обтянутом тисненой кожей, выговской работы, с красным обрезом [Мальшев,

1961, с. 588—589]. На обложке верхней и нижней крышек переплета читаются идентичные карандашные записи: «Сия книга Ивана Григорьевя Торопова». До него (а, возможно, и после него) книга принадлежала другому устьицелюму — Алексею Игнатьевичу Дуркину, который оставил несколько читательских записей от 1878 года на разных листах рукописи, в одной из них указав ее прежнего владельца: «Сию книгу читываль Алексей Игнатъевич Дуркинъ. Эта книга дяди Вани Золотеревых» (л. 538 об.). В другой записи, более ранней, от 1865 года «дядя Ваня Золотерев» назван уже как Иван Мяндин: «1865 года июня 27 купилъ сию книгу Ивана Мяндина за 4 руб. сереб[ром]. Алексей» (л. 539 об.). Побывала рукопись и в собрании одного из Тороповых — Ивана Григорьевича.

Еще один Торопов — **Игнатий Васильевич** — оставил владельческую запись на рукописи, сейчас хранящейся в Древлехранилище ИРЛИ — УЦ 53. Это сборник 20-х годов XIX века, в 8-ку, на 64-х листах, написанный поморским полууставом; переплет рукописи склеен из бумаги, корешок не сохранился [Мальшев, 1960, с. 104—106]. Сборник имеет интересное содержание: в нем читаются слова нравственно-назидательного характера из Пролога, повести о купцах, чудеса Варлаама Хутынского, выговское сочинение Андрея Борисова. На листе 64 об. читается любопытный документ, возможно, связывающий допечорскую судьбу рукописи с Воронежской губернией. Это свидетельство от 1815 года, выданное из Петропавловского волостного правления (Богучаровского уезда Воронежской губернии) крестьянской девице Вассе Амосовой (из деревни Лижмы) о том, что она в ревизские «скаски» записана «и с прежнее ея жилище», подписанное волостным писарем Семеном Рудаковым. Прежнее место жительства, судя по фамилии Вассы — Амосова, скорее всего, находилось на севере, в Архангельской губернии, откуда, видимо, и переехала в Воронежскую губернию Васса. Позднее книга каким-то образом попала на Печору. Возникают вопросы и с ее печорскими владельцами. На л. 62 рукописи крупной размашистой скорописью сделана запись: «Волости Роценьскаго Ручья крестьянину ... Игнатию принадлежить Торопову. При семь находился Иванъ Вокуевъ руку [приложил]». А в записи на л. 63 об. Иван Вокуев превращается в совладельца рукописи: «1881 года ... сия книга принадлежитъ крестьянину Ивану Вокуеву, Игнатию Торопову». О том, что эта рукопись была в семейной библиотеке Тороповых, свидетельствует и помета на л. 62 об.: «Аким Торопов». Держал в руках Игнатий Васильевич Торопов и другую рукопись, найденную ленинградскими археографами — ИРЛИ, УЦ н. 8. Это сборная рукопись конца XIX века, в 8-ку, на 64-х листах, написанная скорописью разных почерков, в картонном переплете, содержащая «Сказание о двенадцати снах царя Шахаиши», Чудо Георгия Победоносца о змее, поучения, слова и духовные стихи. На 31 об. читается скорописная запись: «Милостивы государь Игнатей Тороповъ Василь[е]вицъ руку приложилъ».

Остатки родовых библиотек сохранились у ряда представителей рода Тороповых XX века, и некоторые рукописи были ими подарены археографам. Например, одним из таких наследников родовой библиотеки был **Иван Меркурьевич Торопов**, по-видимому сын Меркурия Ермолаевича, о котором мы рассказали выше. Он передал три поздние рукописи, которые, видимо, приобрел уже сам для своих читательских нужд, ленинградским археографам в 1973 году в Нарьян-Маре, где он тогда проживал. Эти рукописи сейчас хранятся в Усть-Цилемском новом собрании ИРЛИ: под номером 347 хранится крюковая рукопись конца 10-х годов XIX века (в 8-ку, на 10-ти листах, написанная поморским полууставом, без обложки), содержащая стих-плач детей по умершей матери; под номером 348 — старообрядческий Синодик первой четверти XIX века, также в 8-ку, на 10-ти листах, написанный почерком, подражающим печатному шрифту; под номером 365 — Сказание, каким святым «благодати исцеления от Бога дань» (рукопись 10-х годов XX века, в 8-ку, на 8-ми листах, написанная полууставом, без обложки).

Одна рукопись — ИРЛИ, УЦ н. 8 — поступила в Усть-Цилемское новое собрание ИРЛИ от А. И. Торопова. Инициалы в описании рукописи не расшифрованы, но, так как на ней оставил помету-автограф Игнатий Васильевич Торопов, о чем было написано выше, можно предположить, что книга перешла к его сыну. Сходные инициалы принадлежат и

представительнице рода Тороповых из Усть-Цильмы — А. И. Тороповой, которая передала в ИРЛИ в 1970 году в Усть-Цильме три рукописи. Это Чин и Устав обручанию и венчанию... всеми молитвы над приносимыми плодами овощными и от приносящих «начатки всякого снедиа православным христианом» (ИРЛИ, УЦ н. 244, XVII в. (последняя четверть), в 8-ку, 15 л., полуустав, без обложки); отрывок из сборника XVII века, содержащий поучение отца духовного о христианском житии, без начала, поучения священникам и дьяконам и устав причащения предсмертного больного, без конца (ИРИ, УЦ н. 245, 15 л., полуустав, без обложки) и Службы богородичны и пророку Илье (ИРЛИ, УЦ н. 246, XVII в., в 4-ку, 69 л., полуустав, без переплета). Возможно, при описании этих рукописей произошла ошибка — под инициалами А. И. скрывается один человек. Скорее всего, они относятся во всех четырех случаях к женщине из рода Тороповых.

Две рукописи получены ленинградскими археографами от **Е. И. Тороповой**. Возможно, под этими инициалами скрывается Екатерина Ивановна Торопова, о которой у нас речь шла выше. Первая рукопись — ИРЛИ, УЦ н. 20 (вторая половина XIX века, в 8-ку, 20 л., полуустав, переплет бумажный с утраченным верхним листом) содержит Повесть «о милостивом человеце»; вторая — ИРЛИ, УЦ н. 21 — Сказание о лестовке (I лист с рисунком лестовки, конца XIX века, написанный полууставом).

Еще от одной представительницы рода Тороповых — **Ф. М. Тороповой** — в 1973 году был получен лицевой сборник конца XIX века, в 8-ку, на 24-х листах, написанный полууставом, в картонном переплете, содержащий нравоучительные повести из Пролога, Великого Зеркала, Учительного Евангелия, сопровождаемых 8-мью миниатюрами в красках (ИРЛИ, УЦ н. 358).

Есть книги, полученные от Тороповых и в научной библиотеке Сыктывкарского университета. От **Н. К. Торопова** (инициалы не расшифрованы в описании), жителя с. Окунев Нос, в 1980 году поступило несколько рукописей: Канонник (конволют XVIII, XIX и XX веков, в 8-ку, на 232-х листах (НБ СГУ, УЦ р. 20) [*Памятники письменности*, 1989, с. 147—148]; Сборник духовных стихов (НБ СГУ, УЦ р. 22. XIX—XX века, в 8-ку, 31 л.) [*Памятники письменности*, 1989, с. 149]; фрагмент богослужебного сборника (НБ СГУ, УЦ р. 26, начало XIX века, в 8-ку, 8 л.) [*Памятники письменности*, 1989, с. 150—151].

Ряд рукописей подарила сыктывкарским археографам **Торопова Марфа Васильевна**: объемный богослужебный сборник (НБ СГУ, УЦ р. 21, XVIII—XIX века, в 8-ку, 101 л.), переписанный поморским полууставом нескольких почерков, в картонном переплете с кожаным корешком [*Памятники письменности*, 1989, с. 148—149]; фрагмент Мессяцеслова (НБ СГУ, УЦ р. 28, начало XX века, в 8-ку, 18 л.) [*Памятники письменности*, 1989, с. 151]; фрагмент Скитского покаяния (УЦ р. 29, начало XX века, в 8-ку, 18 л.) [*Памятники письменности*, 1989, с. 152]. Дарила Марфа Васильевна рукописи и ленинградским археографам: Канон Пасхе (последняя четверть XVII века, в 16-ю долю листа, полуустав, инициалы в красках, переплет склеен из рукописей XVII века, корешок матерчатый — ИРЛИ УЦ н. 292); Канон по усопшим (третья четверть XIX века, в 8-ку, 19 л., полуустав (почерк И. С. Мяндина), в картонном переплете с матерчатым корешком (ИРЛИ, УЦ н. 316). А на одной рукописи Марфа Васильевна даже оставила дарственную запись. Это Сборник служебный (первая четверть XIX века, в 4-ку, 279 л., полуустав — ИРЛИ, УЦ н. 31). На обложке верхней крышки переплета она записала скорописью: «Дарю в Академию наук на память о Тороповой Марфы Васильевна 19.7. [19]63 г.».

Целый ряд имен представителей рода Тороповых сохранился на листах рукописных книг, найденных на Печоре, в виде помет-автографов. Оставившие их Тороповы не указали, как именно они связаны с данной книгой — являются ли ее владельцами, читали ли ее или просто держали в руках и захотели оставить свой след на одной из ее страниц. Но эти пометы, как и писцовые, владельческие и читательские записи, важны для характеристики печорской рукописно-книжной традиции, так как они фиксируют сам факт обращения данного человека к старинной книге, который они сочли важным увековечить своим автографом. Мы постарались выявить, какие это были книги, чтобы понять круг интересов

этих людей, имевших возможность прикоснуться к данной рукописи, будучи ее владельцем или просто позаимствовав ее у родственника или односельчанина.

Так, в руках у **Андрея Феофановича Торопова** был сборник риторических текстов, сейчас хранящийся в ИРЛИ (УЦ 23, середина XVIII века, в 4-ку, 171 л., полуустав и полуустав, переходящий в скоропись, нескольких почерков; в дощатом переплете, покрытом орнаментированной кожей) [Мальшев, 1960, с. 77—78]. На л. 153 об. читается запись крупной скорописью: «*Андрей Феофанович Торопов писал на книгу перомъ в день ф субботу 1902 года 19 ноября*». Очевидно, автора записи привлекло содержание рукописи, в которую включено известное сочинение «Риторическая рука» Стефана Яворского и примеры, сочиненные выговцами к поморской Риторике, что свидетельствует о литературной образованности Андрея Феофановича или как минимум его интересе к таким теоретико-литературным сочинениям.

Оставил свою помету-автограф на одной из рукописей и **Василий Иванович Торопов**. В его руках побывало Житие Климента, папы римского (ИРЛИ, УЦ н. 18, XIX век (середина), в 8-ку, 34 л., полуустав, переплет — картонный): на верхней крышке переплета он написал карандашом свое полное имя «Василей Ивановъ Тороповъ». А **Федор Торопов** держал в руках и, по-видимому, читал (хотя об этом прямо не написал) апокриф «Страсти Христовы» (ИРЛИ, УЦ н. 16, первая четверть XIX века, в 4-ку, 94 л., переплет — картон, покрытый кожей). Он использовал традиционную формулу для обозначения автографа на полях рукописи: «*Писаль Федоръ Тороповъ*» (л. 91 об.), а на листе 93 добавил: «Тетрадь Федорова», обозначив таким образом свой статус владельца рукописи. Отметим, что в другой рукописи — НБ СГУ, УЦ р. 211, из которой мы выше приводили сведения о дате рождения Максима Торопова, указана и дата рождения Федора Торопова: «Федор Торопов родился 1841 го» (л. 5 а). Таким образом, Максим и Федор были почти ровесниками и, возможно, родственниками. Оставил Федор Торопов и какие-то пометы, как указано в описании рукописи, и на «Уставе святых апостол» (ИРЛИ, УЦ н. 39, XIX век (середина), в 8-ку, 29 лл. скоропись, переплет — картон, обшитый холстом).

На сборнике последней четверти XVIII века (ИРЛИ УЦ н. 297, в 4-ку, 281 л., написанном полууставом и скорописью, в дощатом переплете, покрытом кожей с кожаными застежками) оставил свою помету еще один Торопов **Григорий**. На листе 279 об., под текстом, он написал: «*Подписаль сию книгу Сборникъ пизжемецъ Григорей Тороповъ*». Книга привлекла его, по-видимому, своим интересным содержанием: в ней он мог прочитать слова и поучения отцов и учителей церкви, статьи из Киево-Печерского патерика, из Старчества, Пролога и других книг. Активно читали ее и представители другого печорского рода — Ермолиных. Игнатий Иванович Ермолин отметил, что «Книга сия душеполезная» (л. 1), а Акулина Ивановна Ермолина «Сию книгу читала ... марта 16 дня 1904 года» (л. 280). В последние годы сборник хранился в д. Чукчино и был передан археографам Агафьей Антоновной Дуркиной. Отметим, что кто-то из семьи Дуркиных вел фенологические записи на рукописи, отметив в 1927 году, что Пижма «выметала поновому 1 мая, постарому 18 апреля» (л. 280 об.) и Печора «тронулас постарому 19 апреля а поновому 2 мая» (л. 281 об.). Возможно, **Григорий Торопов**, оставивший помету на рукописи ИРЛИ УЦ н. 297, — это **Григорий Карпович Торопов**, 1783 года рождения, житель Усть-Цильмы, названный В. И. Мальшевым в одном из его списков владельцев рукописей и писцов [Мальшев, 1962, с. 456].

Какой-то «**Антонов Торопов**», не раскрывший своего имени, оставил помету на рукописном сборнике ИРЛИ, УЦ н. 183, первой трети XVIII века, в 8-ку, на 213-ти листах, написанном полууставом и скорописью нескольких почерков, в дощатом переплете, покрытом кожей. В описании рукописи отмечается, что это переплет работы И. С. Мяндина (листы при переплете — черновики его деловых бумаг). На л. 63 читаем его короткий автограф: «*Антонов Торопов подписал*». Сборник интересен своим содержанием: в него вошел ряд литературных текстов: Слово о злых и добрых женах, Житие Николая Мирликийского, выписки из Великого Зерцала, Слово об Иосифе Прекрасном в трех вариантах,

Слова и поучения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Василия Великого, Илариона Великого и др.

Из приведенных материалов видно, что в роде Тороповых было много культурных людей, ценивших и хранивших старинные книги, иногда и переписывавших понравившиеся произведения, понимавших важность работы археографов и передавших в государственные хранилища Ленинграда и Сыктывкара целый ряд рукописей и старопечатных книг.

Список литературы

Вокуева, 2006 — Вокуева Т. Д. Книга переписная государственных черносопных крестьян и канцелярских служащих Ижемской и Усть-Целемской слободок Пустозерского уезда Архангельской губернии 1719—1724 гг. // Сельская Россия: Прошлое и настоящее (Исторические судьбы северной деревни) : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Республика Коми, с. Усть-Цильма, 10—13 июля 2006 г.). М.; Сыктывкар, 2006. С. 362—368.

Волкова, 2003 — Волкова Т. Ф. К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И. С. Мяндина («Торжественник» из собрания Е. И. Тороповой) // Университетские библиотеки: прошлое, настоящее, будущее : материалы международной научно-практической конференции. 8—11 декабря 2003 г., Санкт-Петербург, Россия. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 163—170.

Волкова, 2005 — Волкова Т. Ф. Древнерусская литература в кругу чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей. Сыктывкар, 2005.

Волкова, 2006 — Волкова Т. Ф. Иван Степанович Мяндин — редактор древнерусских повестей (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 839—890.

Волкова, 2010 — Волкова Т. Ф. Мяндины — переписчики, хранители и читатели старинной книги // Вторые Мяндинские чтения : материалы всероссийской научно-практической конференции. 11—12 июля 2010 г., с. Усть-Цильма : в 2 т. Сыктывкар, 2010. Т. 1. С. 86—98.

Волкова, 2014 — Волкова Т. Ф. К вопросу о крестьянских старообрядческих книжных собраниях на Нижней Печоре: род Чупровых (По материалам Банка данных «Печорская книжность») // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Екатеринбург, 2014. Вып. 1 (7). С. 193—205.

Волкова, 2019 — Волкова Т. Ф. Вклад крестьян Поташовых в сохранение Печорской рукописно-книжной традиции // Рябининские чтения 2019 : материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера / Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 500—502.

Волкова, 2019 а — Волкова Т. Ф. Ермолины-книжники (к вопросу о создателях и хранителях печорской рукописной традиции) // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе : труды IV Международной научной конференции (Мир старообрядчества. Вып. 10) / сост. Ю. С. Белякин, Е. В. Воронцова, Н. В. Литвина. М.: Изд-во Московского университета, 2019 (Труды исторического факультета МГУ: Вып. XXX. Сер. II: Исторические исследования, XX). С. 39—52.

Волкова, 2019 б — Волкова Т. Ф. Книжники-старообрядцы из пижемского рода Бобрецовых // Acta Neophilologica. 2019. Т. XXI (2). С. 243—252.

Волкова, 2019 в — Волкова Т. Ф. Книжники-старообрядцы Усть-Целемского края: род Михеевых // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар, 2019. Вып. 2 (10). С. 30—38.

Волкова, 2019 г — Волкова Т. Ф. Печорский старообрядческий род Хозяиновых в истории книжной культуры Усть-Целемского края // Семнадцатый Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Мир славянской письменности и культуры в православии, социогуманитарном познании : материалы междунар. науч.-практ. конф. / сост. О. В. Терехова. Челябинск: ЧГИК, 2019. С. 222—228.

Волкова, 2019 д — Волкова Т. Ф. Книжники из печорского рода Палкиных // Двадцать шестая годовичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина: Февральские чтения, посвященные 130-летию со дня рождения П. А. Сорокина: Национальная конф. : сб. материалов. Сыктывкар: издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 18—23. 1 опт. компакт-диск (CD-ROM).

Волкова, 2019 е — Волкова Т. Ф. Пижемцы Остаповы и их вклад в создание и сохранение печорской рукописно-книжной традиции // Старообрядчество: история, культура, современность : материалы конф. 21—22 ноября 2019 г. М., 2019. С. 32—37.

Волкова, 2020 — Волкова Т. Ф. Книжники из печорского рода Тирановых // Acta Neophilologica, Олыштын. 2020. Вып. 2 (XXII). С. 235—245.

Волкова, Вокуева, 2019 — Волкова Т. Ф., Вокуева Т. Д. Книжники из печорского рода Дуркиных (по материалам архивов и банка данных «Печорская книжность») // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 4 (28). С. 258—268.

Мальшев, 1956 — Мальшев В. И. Пижемская рукописная старина (отчет о командировке 1955 г.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 461—493.

Мальшев, 1958 — Мальшев В. И. Отчет о командировке на Печору в 1956 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 398—408.

Мальшев, 1960 — Мальшев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. 215 с.

Мальшев, 1961 — Мальшев В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 561—604.

Мальшев, 1962 — Мальшев В. И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XIX веков // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 455—457

Мальшев, 1985 — Мальшев В. И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность. По материалам Пушкинского Дома : сборник научных трудов. Л., 1985. С. 323—337.

Мацук, 1993 — Мацук М. А. Коми Край от Бориса Годунова до Петра I: Очерки истории коми крестьянства конца XVI—XVII вв. Сыктывкар, 1993. 182 с.

Памятники письменности, 1989. — Памятники письменности в хранилищах Коми АССР : каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги. Вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. Сыктывкар, 1989. С. 136—242.

Савельев, 1997 — Савельев А. А. Книги кириллической печати с берегов Печоры в собрании научной библиотеки Санкт-Петербургского университета // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера. Сыктывкар, 1997. С. 66—85.

Сюжет о творческой «Инициации» в поздней прозе А. М. Ремизова

The plot of the creative "initiation" in the late prose of A.M. Remizov

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям реализации сюжета о творческой «инициации» автобиографического героя в поздней прозе А. М. Ремизова. Данный сюжет рассматривается с точки зрения его художественной значимости в контексте всего творчества писателя. Автор статьи анализирует концепцию восприятия и ощущения А. М. Ремизовым собственного места в русской литературе.

Ключевые слова: А. М. Ремизов, концепция писательского творчества, русская проза первой половины XX века

Abstract. This article is devoted to the peculiarities of the implementation of the plot about the creative "initiation" of the autobiographical hero in the late prose of A.M. Remizov. This plot is considered from the point of view of its artistic significance in the context of the writer's entire work. The author of the article analyzes the concept of perception and sensation of A.M. Remizov's own place in Russian literature.

Keywords: A. M. Remizov, concept of writing creation, Russian prose of the first half of the XX century

Тема творчества и отношения к собственному месту в русском литературном процессе была для А. М. Ремизова едва ли не главной на протяжении его долгого писательского пути. В книгах автобиографического характера он последовательно развивает мысль о своем писательском предназначении, избирая для манифестации этой темы самые разнообразнейшие приемы: от обращения ко вполне реальным фактам биографии членов своей семьи — дяди Н. А. Найдёнова, матери М. А. Ремизовой, наделённых словесным даром [Ремизов, 2000, с. 101, 114], до включения в текст эпизодов, указывающих на иномирную сущность автобиографического героя, его отмеченность нездешними силами (эпизод с юродивым) [Ремизов, 2000, с. 152].

Помимо указания на то, какую роль в творческом самоопределении сыграла его родословная и как случайности предопределили его творческую судьбу, Ремизов обращается к вопросу о влиянии обстоятельств юности на формирование его писательских предпочтений. Поворотной точкой в биографии героя становится время его политической ссылки (после участия в студенческой демонстрации его отправляют сначала в Пензу, затем в Усть-Сысольск и Вологду).

В разное время интерпретации сюжета о ссылке в прозе Ремизова были посвящены работы как отечественных, так и зарубежных исследователей. В частности, статьи и главы монографии «Жанр романа и творчество А. Ремизова (1920—1950-е годы) А. М. Грачевой [Грачева, 1993, с. 418—448; 2000, с. 589—604; 2010], в которых исследователь восстанавливает череду реальных событий жизни Ремизова, предшествовавших заключению под стражу и отправке в ссылку, а также проясняет действительное отношение будущего писателя к революционным идеям начала XX века.

По всей видимости, книга «Ивернь» (1987), подробно описывающая скитания автобиографического героя в период ссылки, задумывалась как своеобразная манифестация мотивов скитальчества и изгнания: «С Таганки из Каменщиков до Рязанского вокзала ехал я с околоточным. <...> Я все прошу: «заедете домой по дороге!» Но околоточный не решился: «а ну как!» — «Да нечего бояться, я только на минутку: взгляну». И это говорилось безотчетно, и только потом я понял, что значит «на минутку: взглянуть» — да ведь это и есть последнее слово жизни при переходе в какую-то другую жизнь (курсив наш. — А. Д.). Так без всяких задержек ехали до Рязанского вокзала — гляжу по сторонам, я сколько раз смотрел, а как в первый раз: я прощался» [Ремизов, 2000, с. 301]. Практически в начале книги начинается звучать мотив перехода в иное, еще непонятное, состояние. Герой прощается с прошлым, но сколько-нибудь конкретного будущего себе не представляет. Многие

исследователи отмечают, что во время ссылки автобиографический герой проходит своеобразный процесс инициации [Раевская-Хьюз, 2000, с. 608; Розанов, 2004, с. 308; Слобин, 1997, с. 28—31]: уезжает революционером, а возвращается писателем.

О том, насколько последователен этот переход и подкреплен ли он какими-либо предпосылками, отчасти свидетельствует название одного из центральных разделов книги — «Кочевник». В нем отражается желание найти свое место в жизни, но о месте в литературе речь пока не идет, по крайней мере, на эксплицитном уровне. В статье, посвященной реализации схемы волшебной сказки в книге «Иверень», О. П. Раевская-Хьюз указывает на тот факт, что «в письмах периода работы над книгой он (Ремизов. — А. Д.) часто называет «кочевником» всю книгу» [Раевская-Хьюз, 2000, с. 605]. Вероятно, потому, что скитания, движение и поиск не имеют конца в художественном мире Ремизова, пока жив создатель текста.

Интересно объяснение этого названия, которое можно найти у В. Шкловского: «Кочевник» <...> это то, о чем книга: в эти годы кочевье — его судьба как ссыльного. Из ссылки Ремизов возвращается писателем, т. е. становится «профессиональным кочевником» — профессиональным бездомным» [Шкловский, 1973, с. 182]. Утверждение о «профессиональной бездомности» здесь следует считать несколько метафоричным, отражающим представление о вечном поиске, в котором должен пребывать художник слова.

В теме восприятия ссылки Ремизов идет наперекор сложившейся в русской литературе традиции, которая полагала время отлучения от привычной среды и обыденных занятий идеальным временем для творчества [Розанов, 2004, с. 301]. Скитания героя в поисках удобного пристанища становятся главной темой раздела «Кочевник», но нигде он не может обрести желанный покой.

Описание ссылки у А. Ремизова — это повествование о неустроенности бытовой стороны жизни и о преодолении ее, о дружбе между ссыльными, конфликтах и взаимопомощи. В этой ситуации автобиографический герой пытается найти собственное предназначение, чтобы не растеряться в безликости выданного ему проходного свидетельства. Однако все попытки его заняться делом: переводить, писать научные сочинения, заканчиваются ввиду банальных житейских обстоятельств.

Так, написание работы «История и развитие хлопчатобумажной промышленности» оборвалось, потому что «Пенза город мукомольный. Одна фабрика Сергеевых: писчебумажная, да водочный завод Мейергольда. К водке у меня никогда пристрастия не было, я и без водки — хмелен, но бумага, водяные бумажные знаки — не заняться ли мне историей и развитием писчебумажной промышленности? В Лермонтовской библиотеке я нашел юбилейный отчет фабрики Сергеевых и две тоненькие книжки: "Писчебумажные мельницы в царствование Алексея Михайловича"» [Ремизов, 2000, с. 323]. Казалось бы, актуальность новой темы очевидна, материала немного, что предполагает возможность собственного исследования, но и эта работа не состоялась: «О «писчебумажных мельницах царя Алексея Михайловича» я прочитал с карандашом и выписками, — а дальше? Слыхано ли, чтобы ученое сочинение по одной книжке? Нет, ученого из меня не выйдет» [Ремизов, 2000, с. 333]. Герой несколько не оправдывает себя, наоборот, мысль о собственной бесталанности постепенно входит в его сознание, подкрепляясь все новой и новой неудачей.

Позже он занимается переводом книги австрийского философа В. Иерусалема, что представляется достаточно сомнительным мероприятием в русском провинциальном городе: «Продолжаю перевод Иерусалима, пространные разыскания о природе «суждений», как из детских простейших вырабатываются в сложные самого Иерусалима. Вот кто книжек-то перечитал! Ему с ними, как с камушками разбираться — конца страницам не видно» [Ремизов, 2000, с. 333]. В комментариях к «Иверню» О. П. Раевская-Хьюз отмечает, что этот перевод так и остался неопубликованным [Раевская-Хьюз, 2000, с. 630], также не известно, возвращался ли Ремизов позднее к этому тексту.

Поиски своего высшего предназначения, препятствия, связанные с этим поиском, по мысли О. П. Раевской-Хьюз, встраиваются в модель волшебной сказки [Раевская-Хьюз — б, 2000, с. 606], описанной В. Я. Проппом. Автобиографический герой встречает на своем

пути помощников — ссыльных товарищей и совершенно случайных людей, которые решают его (в основном бытовые) проблемы. Насколько верно выдерживается схема сказки — отдельный вопрос. Однако при помощи подобных параллелей Ремизов отстраняет жизнь автобиографического героя от реальности, создавая некий параллельный мифологический пространственно-временной континуум [Вахненко, 2007, с. 12]. Таким образом, окончательное определение пути, по мысли автора, происходит не в этом мире, а в другом, что отчасти снимает ответственность за этот выбор с автобиографического героя.

Глава о вступлении в «большую» литературу, которое происходит уже в Вологде (после пребывания в ссылке в Пензе и в Усть-Сысольске), описывает творческую атмосферу в среде ссыльных, литературные вечера, проводившиеся на квартирах Б. Савинкова, А. Луначарского. Вступление же автобиографического героя в литературу преподносится читателю как недоразумение, продолжение цепи случайностей, сопровождающих героя от рождения: «А попал я в литературу “по недоразумению” (Наперед скажу, меня с кем-то спутали). А ведь как убедительно говорили люди и не простые: “брось и оставь!” (Отзыв Чехова, Короленки, Горького.) Да, видно, судьбу конем не объедешь» [Ремизов, 2000, с. 270]. Однако сам по себе подобный способ декларации указывает на своеобразный игровой ход писателя, создающего собственную мифологизированную творческую биографию: попытка объяснить закономерность — писательство — через случайное стечение обстоятельств.

Именно мотив случайности происходящего является одним из центральных в ремизовском творчестве. По точному замечанию М. В. Козьменко, природа случайности у Ремизова определена как «недифференцированное “нечто”» [Козьменко, 1982, с. 26], которое управляет человеческой жизнью. При таком положении вещей с человека отчасти снимается ответственность за происходящее: высшие силы и жизненные обстоятельства позволяют ему действовать только единственно возможным способом.

В связи с особенностями такого «случайного» мироощущения первые литературные опыты героя преподносятся как проявление общей среди ссыльных потребности писать; он пишет будто не сам по себе, а заодно с другими: «В тот год (1902) три имени в русской литературе <...>: А. В. Луначарский <...>, Б. В. Савинков <...> и мое в «Курьере» «Эпиталама» (Плач девушки перед замужеством), за таинственной подписью Николай Молдаванов» [Ремизов, 2000, с. 452]. Помещая свое имя последним в этом ряду, автобиографический герой будто еще раз подтверждает мысль о том, что он — один из множества начинающих авторов, не обретший еще самостоятельного голоса в мозаичной картине русской литературы переходного периода.

Тем не менее, в дальнейшем «писатель по недоразумению», выступивший «за компанию» с друзьями, превращается в писателя по призванию: «*Такое должно было совершиться*: (курсив наш. — А. Д.) никогда не думая, что из меня выйдет писатель, я, все-таки, непрерывно писал и добивался точных выражений со своего глаза, и мне хотелось писать» [Ремизов, 2000, с. 453]. Легкое лукавство ощущается в этой фразе, так как стремление к признанию, к публикации собственных произведений как-то не согласуется с вышеозначенной концепцией «Сизифова труда». Более того, фанатическая жажда усовершенствования собственных текстов порождает мотив неустойчивости психического состояния автобиографического героя и Художника вообще.

В таком контексте становится ясным, что недоразумению в выборе пути места быть не может. По этому поводу Г. Н. Слобин замечает, что состояние писателя в момент вдохновения есть некоего рода помешательство, «приобретающее в контексте всего творчества Ремизова значение высокого безумия» [Слобин, 1997, с. 31]. Этот мотив проходит через главы книги «Иверень», повествующие о заключении и пребывании в ссылке автобиографического героя, причем эта психическая неустойчивость воспринимается им как свидетельство собственного писательского таланта. В момент, когда автобиографическому герою необходимо добиться разрешения остаться в Вологде (куда он был направлен из Усть-Сысольска для лечения болезни глаз), он с товарищами «сочиняет» историю о розовых

лягушках, которых он якобы видит. Это позволяет ему получить заключение врача о психической неустойчивости и, как следствие, избежать возвращения в Усть-Сысольск: «Да это, как во сне: вдруг или как занавес подымется и попадешь в другой мир. Например, вот пустое место, — и я покружил в воздухе, — и вот разорвалось, смотрите, вы видите: лягушки — и вверх и вниз». «Какие лягушки?» «Розовые» [Ремизов, 2000, с. 450]. Эпизод с розовыми лягушками помещается Ремизовым непосредственно перед главой о собственном вступлении в литературу, что, конечно, не случайно. Следуя этой логике, сначала необходимо сойти с ума и только потом увидеть собственный путь.

Параллельно с утверждением автобиографического героя в новом (писательском) статусе происходит и художественное переосмысление им своей внешности. Собственный портрет, оцененный ранее как непривлекательный и даже в какой-то мере ущербный: «Нос чайником <...> глаза пуговики, <...> а в особых приметах: «косноязычный» [Ремизов, 2000, с. 302], приобретает совсем иные коннотации. Особенно это касается признака «косноязычный», который начинает восприниматься в качестве некоего знака отмеченности свыше, а не как физический недостаток.

В связи с этим необходимо следует упомянуть о специфике образа юродивого, сложившегося в русской культуре: в парадигме признаков, формирующей этот образ, наличие выраженного физического изъяна понималось как знак отмеченности высшими силами, указание на то, что подобный человек находится вне привычной системы меры вещей. В этом свете заявление рассказчика «мое косноязычие оттого, что ваше красноречие для меня не звучит и пользоваться затертыми выражениями это против моей природы!» [Ремизов, 2000, с. 309] звучит как протест против попыток шаблонно оценить произведение начинающего автора.

По нашим наблюдениям, в этом высказывании формулируется отношение писателя к «сказанному», «написанному», «прозвучавшему» слову. В вопросах понимания творчества мотив речевого дефекта становится одним из центральных и имеет метафорическую природу: общеизвестно, что Ремизов был превосходным чтецом, поэтому вышеозначенное косноязычие — не речевой дефект, а один из инструментов поиска собственного творческого «я». Как сам писатель, так и его современники неоднократно отмечали, что ремизовский, иногда вычурный, стиль многими критиками и читателями был воспринят или как неудачная попытка стилизации языка древнерусских памятников, или как своеобразный «рекламный» ход автора, стремящегося привлечь внимание к собственной персоне таким экстравагантным способом. По словам О. П. Раевской-Хьюз, в ссылке «рассказчик <...> принимает свою особенность не как необычную внешность или неудачливость, а как свой особый путь» [Раевская-Хьюз — а, 2000, с. 606]. В художественном мире Ремизова подобная «смена масок» превращается практически в закономерность. Характеристика «косноязычный», воспринимаемая окружающими как дефект, в его собственной оценке преподносится как знак подтверждения литературного таланта.

Не случайно, что при самохарактеристике автобиографический герой заостряет внимание именно на речевом признаке, потому что именно слово, его произношение есть выражение писательской позиции и авторского стиля. Характеристика «косноязычный» несколько раз графически выделена автором в тексте: «Не раз прочту о себе: "косноязычный"» [Ремизов, 2000, с. 438], «Я косноязычный», — сказал я неожиданно для себя отчетливо и ясно и вышел» [Ремизов, 2000, с. 445]. Следует отметить, что косноязычие автобиографический герой понимает и как выражение его конфликтных отношений с внешним миром. Эта причинно-следственная связь также свидетельствует о понимании героем собственной непохожести на других литераторов, о претензии на свое, особенное место в писательском кругу. «Творческая гордыня» [Тыркова-Вильямс, 1993, с. 336], желание писать «на особый лад», по воспоминаниям современников, часто становилась одной из причин того, что Ремизова не так часто приглашали участвовать в каких-либо книгоиздательских проектах, принявших особо крупные масштабы после революции.

В период ссылки оформились творческие взгляды писателя. Лейтмотивом в книге «Иверень» звучит неоднократно повторяемое автобиографическим героем и другими персонажами слово «декадент». Оно подается как исчерпывающая характеристика и оценка

первых творческих опытов автобиографического героя: «И наконец-то из Арзамаса письмо: отзыв Горького. Письмо было на имя Савинкова <...> я не в счет — “декадент”» [Ремизов, 2000, с. 453], «И еще упомянув <...> и меня — “декадент” <...> начал чтение» [Ремизов, 2000, с. 521]. Характеристика эта в глазах ссыльных, знавших о такой оценке литературного творчества героя, воспринималась неоднозначно, представлялась относящейся более к манере его поведения, нежели к художественным особенностям первых публикаций. Однако автобиографическому герою отчасти импонирует такая оценка манеры его письма, так как она отвечает его притязаниям на необычность и непохожесть на остальных литераторов.

В художественном мире Ремизова пребывание в ссылке предстает как период мировоззренческих исканий и сомнений. Несмотря на то что вразрез с литературной традицией Ремизов не воспринимает ссылку именно как те время и место, где можно осуществить все творческие замыслы, этот период вынужденной несвободы оценивается как возможность острее ощутить потребность в свободном волеизъявлении, которое происходит через выражение в написанном и напечатанном слове.

Список литературы

1. *Вахненко 2007* — Вахненко Е. Е. Концепция времени и пространства в автобиографической прозе А. М. Ремизова 1920—1950-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2007. 26 с.
2. *Грачева 2010* — Грачева А. М. Жанр романа и проза Алексея Ремизова (1910—1950-е годы). СПб., 2010. 536 с.
3. *Грачева 2000* — Грачева А. М. Между Святой Русью и Советской Россией. Алексей Ремизов в эпоху Второй русской революции // Ремизов А. М. Собр. соч. : в 10 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 5. Взвешенная Русь. С. 589—604.
4. *Грачева 1993* — Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // Лица : биографический альманах / сост. А. В. Лавров. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1993. Вып. 3. С. 419—448.
5. *Козьменко 1982* — Козьменко М. В. Мир и герой Алексея Ремизова (к проблеме взаимосвязи мировоззрения и поэтики писателя) // Филологические науки. 1982. № 1. С. 24—30.
6. *Раевская-Хьюз 2000 а* — Раевская-Хьюз О. П. Волшебная сказка в книге А. Ремизова «Иверень» // Ремизов А. М. Собр. соч. : в 10 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. С. 604—614.
7. *Раевская-Хьюз 2000 б* — Раевская-Хьюз О. П. Комментарии // Ремизов А. М. Собр. соч. : в 10 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. С. 615—678.
8. *Ремизов А. М.* Собр. соч. : в 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М.: Русская книга, 2000. 704 с.
9. *Розанов 2004* — Розанов Ю. В. Северный маршрут Алексея Ремизова: поэзия и правда // Вопросы литературы. 2004. № 6. С. 299—310.
10. *Слобин 1997* — Слобин Г. Н. Проза Ремизова 1900—1921 / пер. с англ. Г. А. Крылова. СПб.: Академический проект, 1997. 206 с.
11. *Тыркова-Вильямс 1993* — Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего. Встречи с писателями // Воспоминания о серебряном веке / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1993. С. 322—342.
12. *Шкловский 1973* — Шкловский В. Зоо, или Письма не о любви // Шкловский В. Собр. соч. : в 3 т. М.: Художественная литература, 1973. Т. 1. С. 125—237.

**Речевой жанр «Просьба» в практике обучения русскому языку
как иностранному****Speech genre “Request” in the practice of teaching russian as a foreign**

Аннотация. В статье обобщены имеющиеся в научной литературе характеристики речевого жанра «просьба»: его коммуникативная цель, семантическое содержание, коммуникативно-прагматические условия использования и лингвокультурные особенности. Эти знания необходимы преподавателю русского языка как иностранного, который обучает студентов разным единицам языка и речи, в том числе речевым жанрам. Особое внимание в статье уделено выявлению и характеристике моделей языковой реализации рассматриваемого жанра и их вариантам. Отдельную часть статьи составляет перечень и описание учебных упражнений разных типов, последовательное выполнение которых призвано обеспечить усвоение иностранными студентами, изучающими русский язык, речевого жанра «просьба» в прагматическом и лингвистическом аспектах.

Ключевые слова: речевой жанр, русский язык как иностранный, лингвокультура, учебные упражнения

Abstract. The article summarizes the characteristics of the speech genre “request” available in the scientific literature: its communicative purpose, semantic content, communicative-pragmatic conditions of use and linguocultural features. This knowledge is necessary for a teacher of Russian as a foreign, who teaches students different units of language and speech, including speech genres. Particular attention in the article is paid to identifying and characterizing the models of linguistic implementation of the genre under consideration and their variants. A separate part of the article is a list and description of educational exercises of different types, the consistent implementation of which should ensure the assimilation of the speech genre “request” pragmatically and linguistically.

Keywords: speech genre, Russian as a foreign, linguoculture, exercises

I. Современная лингвистика не перестает обращаться к проблемам жанроведения, поскольку не теряет своей актуальности необходимость основательного изучения принципов функционирования речевых жанров в рамках конкретных дискурсов, исследования прагматических условий их реализации, выявления языковых способов объективации соответствующих им чувств и мыслей. Такой интерес оправдан тем более, когда вопросы характеристики речевых жанров решаются в ключе теории и практики обучения русскому языку как иностранному.

Речевые жанры могут рассматриваться как модели, с помощью которых вербально оформляются типичные ситуации социального взаимодействия, в дискурсе выражаются мысли.

И. А. Зимняя выделяет три основные стадии перехода мысли в высказывание, которые определяются как мотивационно-побуждающая, формирующая и реализующая [Зимняя, 1969]. Первая стадия, по мнению ученого, — это сплав мотива и коммуникативного намерения адресанта. На этом уровне смысловыражения говорящий «знает» только о чем, а не что говорить, он знает тему высказывания и форму взаимодействия со слушателем, которая определена его коммуникативным намерением: нужно ли ему получить информацию, запросить или выдать ее.

Вторая стадия речепорождения — формирующая. Это, как пишет И. А. Зимняя, уровень собственно формирования мысли посредством языка, который ответственен за логическую последовательность и синтаксическую правильность речевого высказывания [Зимняя, 1985, с. 52]. Этот уровень складывается из двух подуровней — смыслообразующего и формулирующего. Смыслообразующая стадия формирующего уровня образует и развертывает общий замысел говорящего, формируя смысловую канву высказывания. На второй, формулирующей, стадии происходит лексическое, грамматическое и артикуляционное оформление высказывания.

Третья стадия — реализующий уровень речепорождения. Это собственно артикуляция (произнесение) и интонирование высказывания.

Описывая механизм порождения речи, нужно помнить, что различные ситуации общения, разные стили и жанры речи предполагают использование неодинаковых способов разворачивания мысли в текст. Отличия в целях и задачах коммуникации требуют от говорящего изменения стратегии речевого поведения, разных тактик речевой деятельности. Порождение речевого произведения в разных коммуникативных ситуациях опирается на неодинаковые речемыслительные механизмы [Смирнова, 2010].

Кроме того, речевые модели отличаются в разных национальных культурах, а некоторые из них являются уникальными «жемчужинами» в этническом многообразии вербального оформления типических ситуаций. Например, жанр «разговор по душам» в русском общении и сходный в некоторых характеристиках с ним жанр «авторская песня» не обнаруживаются в других коммуникативных культурах, о чем пишет Л. Н. Дьякова [Дьякова, 2005]. Следовательно, изучение иностранного языка предполагает формирование нового жанрового мышления на новом, изучаемом языке. Н. Ю. Смирнова отмечает, что «сложнейший процесс "вхождения" личности в новую для нее коммуникативную стихию, которая опирается на иностранный язык, неизбежно затрагивает особый аспект речевого мышления — речевые механизмы» [Смирнова, 2010, с. 3].

II. Одним из первичных речевых жанров, необходимых иностранным студентам, в том числе обучающимся в рамках медико-биологического профиля, в практике общего овладения русским языком, а также для реализации профессиональных компетенций, является «просьба».

Данный речевой жанр неоднократно привлекал внимание лингвистов. Коммуникативная цель просьбы, ее семантическое содержание, коммуникативно-прагматические условия использования, модели реализации и лингвокультурные особенности получили описание в работах Л. А. Бирюлина, В. Е. Иосифовой, Е. Г. Которовой, Д. Х. Можде, А. А. Мосейко и др.

Побудительность является ведущим целеполаганием адресанта, которое отражает, с одной стороны, его волеизъявление, с другой — побуждение к действию адресата [Формановская, 2007, с. 306]. Описание жанра «просьба» с помощью семантических примитивов выглядит так: 1. «Я полагаю, что ты в состоянии сделать X», 2. «Я хочу побудить тебя сделать X», 3. «Я говорю: хочу, чтобы ты сделал X» [Которова, 2016, с. 68; Можде, 2014, с. 161].

По наблюдениям Л. А. Бирюлина, просьба осуществляется в строго определенных коммуникативно-прагматических условиях. Во-первых, адресант не может навязывать адресату определенное поведение, а обращается за добровольным сотрудничеством. Во-вторых, просьба вышестоящего по социальному статусу не может быть обязательна, если она не обусловлена соответствующей конвенцией, в противном случае она должна восприниматься как приказ. В-третьих, просьба допускает возможность отказа. В-четвертых, обращаясь с просьбой, говорящий стремится объяснить ее причины и мотивы, чтобы убедить адресата в том, что у него есть достаточные основания для просьбы [Бирюлин, 1992, с. 27].

Каждая коммуникативная культура имеет свой арсенал речевых жанров, модели которых могут различаться в зависимости от культуры. Это несовпадение коммуникативных матриц обусловлено не только особенностями грамматического и синтаксического строя языков, их лексического состава и семантического наполнения, но и особенностями речевого этикета. Так, Е. Г. Которова и А. А. Мосейко обнаруживают отличия просьбы в русской, британской и немецкой лингвокультурах. К таким отличиям исследователи относят дистанцию между коммуникантами (в русской лингвокультуре она меньше в сравнении с лингвокультурой немецкой) [Которова, 2016, с. 75]; набор ситуаций, когда жанр просьбы оказывается востребованным (для носителей русского языка он более широкий); возможность коммуникативного давления на адресата (в русском языке оно допустимо и оценивается обеими сторонами как естественное) [Мосейко, 2015, с. 136] и место императивной формы выражения просьбы (в русском языке оно центральное) [Которова, 2016, с. 75].

Сами модели выражения просьбы, языковые способы ее объективации необходимо предъявлять изучающим русский язык как иностранный, реализуя принцип сознательности, который предусматривает сознательное отношение студентов к процессу обучения, осмысление ими учебного материала и своих действий по овладению им. Остановимся на моделях воплощения речевого жанра «просьба» в русском языке более подробно.

Одной из частотных моделей просьбы является модель с императивными конструкциями. Императив — наиболее простая форма выражения просьбы, она предельно ясна и конкретна для адресата с точки зрения иллокутивной цели говорящего. В разных ситуациях повседневного, бытового и учебного, общения, а также профессионального взаимодействия обучающиеся уже на этапе освоения русского языка как иностранного элементарного уровня знают и учатся использовать глаголы в форме повелительного наклонения с целью побудить адресата к действию: *Скажи(те)*, *Напиши(те)*, *Дай(те)*, *Возьми(те)*, *Дыши(те)*, *Открой(те)* и пр.

Вариантом воплощения данной модели рассматриваемого речевого жанра является конструкция, в которой выраженная императивом просьба сопровождается разъяснением условия, причины или цели необходимого поступка, оформленного соответствующим придаточным с союзами или без них: *(Если) есть у тебя инструкция, действуй по инструкции*; *Думай(те) хорошо, потому что задания сложные*; *Чтобы предупредить гипертонию, каждый день измеряй(те) давление* и пр.

В качестве элемента, сопутствующего императивной просьбе, может выступать также выражаемое противительными союзами противопоставление должного, желаемого, просимого и текущего поведения собеседника: *Действуй(те) по инструкции, а не рассуждай(те)*. Подчеркнем, что данный вид просьбы обладает оттенком наставления, который, в отличие от всех предыдущих конструкций, потенциально конфликтен в тех случаях, когда его адресуют старшему по возрасту, опытному человеку, а также человеку с более высоким социальным статусом в институциональном дискурсе.

Императивные конструкции часто используются в сочетании с актуализаторами вежливости — словом *пожалуйста*, устойчивыми выражениями *будьте добры*, *будьте любезны*, *будь другом* и т. п. Создано этикетной рамки просьбы, которая организует любой текст в границах принятых, дозволенных в данной культуре норм, способствует также включение в ее общую канву этикетных жанров благодарности и комплимента.

Второй моделью, по которой речевой жанр «просьба» воплощается в русском языке, является косвенная просьба — вопросительное предложение, призванное побудить адресата к действию, но при этом подчеркнуть альтернативность и гипотетичность его ответа-реакции. Вариантов реализации этой модели несколько. Прежде всего, это вариант с модальным глаголом *мочь* с частицей *не*, которая подчеркивает альтернативность действия. Схема такой просьбы выглядит следующим образом: глагол *мочь* в настоящем времени — *Ты не можешь + инфинитив?*, *Вы не можете + инфинитив?*; глагол *мочь* в прошедшем времени с частицей *бы*, указывающей на гипотетичность действия, — *Ты не мог (не могла) бы + инфинитив?*, *Вы не могли бы + инфинитив?*

Модальное значение в косвенной просьбе может не оформляться напрямую глаголом *мочь*, и тогда конструкция выглядит так: *Ты не + глагол (в настоящем / простом будущем времени — напишешь; в прошедшем времени с частицей бы — написал(а) бы)? Вы не + глагол (в настоящем / простом будущем времени — напишете; в прошедшем времени с частицей бы — написали бы)?*

Модальная часть косвенной просьбы в вариантах данной модели часто включает в себе смысловой компонент «трудно». Представление адресанта о том, что просьба может быть обременительна для собеседника, эксплицируют следующие слова: *трудно*, *сложно*, *затруднить*, *обременить*: *Тебе (вам) не трудно / не сложно (будет / было бы) + инфинитив?*, *Тебя (вас) не затруднит / не обременит (не затруднило бы / не обременило бы) + инфинитив?*

Третья модель воплощения речевого жанра «просьба» основана на использовании в речевом высказывании перформативного глагола *просить* с называющими предмет

просьбы глаголами в инфинитиве или предложно-падежными формами: *Прошу помочь... / Прошу о помощи..., Прошу направить... / Прошу о направлении...* Такой способ воплощения жанра просьбы характерен прежде всего для письменной речи в регламентированном дискурсе.

III. Основная цель изучения речевых жанров в курсе русского языка как иностранного — это поэтапное развитие коммуникативной компетенции путем пополнения арсенала речевых формул для выражения интенции в различных жизненных ситуациях русской речевой культуры, формирование вторичной языковой личности.

Изучение вариантов воплощения речевых жанров — это не механическое заучивание способов воплощения интенции в соответствии с ситуацией общения, но также один из способов познакомиться с русской речевой культурой, понять менталитет и характер взаимоотношений носителей языка.

Следуя коммуникативному, интегративному и речедетельностному подходам в обучении русскому языку как иностранному, был сформирован примерный перечень упражнений, наиболее подходящих для изучения речевых жанров.

Последовательность представления данных упражнений должна быть организована в три этапа в зависимости от их цели.

1. Знакомство с вариантами речевого жанра на материале диалогов из фильмов, художественных произведений и др.

2. Формирование умения самостоятельного подбора модели реализации жанра в соответствии с особенностями ситуации общения.

3. Формирование навыка репродукции речевого жанра по изученным моделям посредством предкоммуникативных и коммуникативных упражнений.

Первую группу составляют некоммуникативные упражнения. Они обеспечивают первичное закрепление формальных и семантических признаков при определении речевого жанра «просьба», имеют рецептивный характер.

А) Упражнения, направленные на представление речевого жанра.

1. Определить речевую интенцию, представленную в предложенных высказываниях с учетом контекста ситуации общения. Обучающимся нужно ответить на вопрос «Какая цель у говорящего? Зачем он начинает / продолжает разговор?».

2. Найти в предложенных высказываниях такие, в которых выражена просьба.

3. Определить социальные роли собеседников в предложенных диалогах (возраст, социальный статус, время и место состоявшегося диалога). Обучающимся нужно ответить на вопрос «Кто эти люди? Где и когда они разговаривают?».

Спрогнозировать развитие данного диалога в условиях родной для иностранного студента речевой культуре (каким образом будет протекать подобный диалог, например, в условиях китайской, индийской или арабской языковой культуры общения).

4. Найти в предложенных высказываниях известные схемы / модели, которые отражают способ воплощения жанра просьбы.

Б) Упражнения, направленные на закрепление и проверку знаний о функционировании речевого жанра.

1. Игра в «снежный ком». Необходимо выразить заданную интенцию, используя ранее изученные схемы: от простого к сложному варианту воплощения речевого жанра «просьба».

2. Соотнести начало фразы с ее окончанием в зависимости от заданной интенции; самостоятельно закончить предложенную фразу, не меняя заданной интенции. Например, задается интенция просьбы. Дано неполное предложение, продолжив которое иностранный студент должен выразить эту интенцию. При этом предложенные учебные предложения должны легко соотноситься с ранее изученными схемами-вариантами воплощения речевого жанра с заданной интенцией.

3. Составить выражение, используя заданную схему речевого жанра, описать ситуацию, уместную для использования получившегося высказывания (социальный статус участников

диалога, сфера общения). Например, дана схема: *Прошу* + инфинитив. Иностранному студенту необходимо составить высказывание, которое будет отвечать этой схеме, и описать ситуацию, при которой уместно использовать данное высказывание в речи.

4. Составить выражения с различными интенциями, используя заданную группу слов. Например, дан набор слов: *ребенок, закрыть, окно, холодно, комната*. Иностранному студенту необходимо составить высказывания с интенциями речевого жанра «просьба».

Вторую группу упражнений представляют предкоммуникативные упражнения.

1. Написать реплики к комиксу (картинкам), используя заданные интенции. Например, на картинке нарисовано открытое окно, младенец и родители. Видно, что на улице холодно. Одному из родителей необходимо выразить интенцию просьбы. Иностранному студенту необходимо составить высказывания типа: *«Мама, закрой, пожалуйста, окно: ребенок может заболеть»*.

2. Составить диалог / полилог по заданной схеме интенций (работа в группах, у каждой группы своя тема). Разыграть получившийся диалог по ролям.

Приведем пример.

Тема: «Разговор матери и ребенка в магазине».

Пример схемы диалога:

А. просьба (первому собеседнику необходимо попросить сделать что-либо второго собеседника);

Б. возражение (второму собеседнику необходимо не согласиться на предложение первого собеседника совершить какое-то действие);

В. приказ (первому собеседнику необходимо настоять на совершении вторым собеседником какого-то действия);

Г. отказ-угроза (второму собеседнику необходимо повторно отказаться от совершения действия и постараться предотвратить последующие попытки первого собеседника склонить его к чему-либо);

Д. вопрос-предложение (первый собеседник должен в более мягкой форме попросить совершить его какое-то действие).

3. Отработка речевых жанров в форме фронтального опроса. Студентам заранее задана реакция на реплики преподавателя, например просьба. Преподаватель использует различные речевые жанры, обращаясь к студентам, и ждет ответа.

4. Просмотр видеоролика или прослушивание аудиозаписи, содержащей диалог с изучаемым речевым жанром. Воспроизведение диалога студентами в парах по памяти. Повторное воспроизведение диалога по памяти после повторного ознакомления с диалогом в виде текста.

Третью группу составляют коммуникативные упражнения, которые связаны с развитием и совершенствованием умения осуществлять речевые поступки в условиях, приближенных к реальным.

1. Игра-квест. Основному игроку необходимо найти какой-либо предмет или отгадать слово. Остальным участникам игры разрешается использовать лишь один жанр, например речевой жанр «просьба», чтобы дать подсказку основному игроку. Основному игроку необходимо вступить в диалог с каждым участником игры. Таким образом, участникам игры приходится расширять функции одного жанра, чтобы основной игрок смог пройти квест.

2. Решение кейса. Описана проблемная ситуация, в которой участвует несколько игроков. Студенты обсуждают данную ситуацию на предмет, как необходимо было бы поступить каждому из участников гипотетической конфликтной ситуации, чтобы примирить ее участников. Проблема героев должна заключаться в несоблюдении речевого этикета, которая приводит к коммуникативным неудачам, например, в употреблении такого варианта воплощения речевого жанра «просьба», который противоречит правилам общения в русской лингвокультуре. После обсуждения проблемной ситуации студенты объединяются в малые группы и разыгрывают сценку по ролям, воплощая свой вариант развития событий.

6. Ролевая игра в фанты. В каждом фанте описана коммуникативная цель. Участнику игры необходимо успешно реализовать речевой поступок. При этом фант может доставать пара студентов, один из которых должен всячески мешать коммуникации: не принимать совета или не выполнять просьбу, замечать грамматические ошибки в репликах своего напарника, задавать вопросы на посторонние темы.

Необходимость и потенциал работы с речевыми жанрами, в том числе с жанром «просьба», на занятиях русского языка как иностранного не вызывают сомнений. Во-первых, этот жанр входит в арсенал базовых речевых жанров русской коммуникативной культуры. Во-вторых, на его примере можно отрабатывать механизм превращения мысли в дискурс, начиная с формирования у говорящего установки на общение и заканчивая рождением текста. В-третьих, изучение вариантов воплощения речевых жанров позволяет как закрепить лексико-грамматические (повелительное наклонение, времена и вид глаголов) и фонетические темы (интонационные конструкции утвердительного и вопросительного предложений), так и познакомиться с русской речевой культурой, понять характер взаимоотношений носителей изучаемого языка.

Список литературы

Бирюлин, 1992 — Бирюлин Л. А. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. 41 с.

Дьякова, 2005 — Дьякова Л. Н. Жанр разговора по душам и русская авторская песня // *Жанры речи*. Саратов, 2005. Вып. 4. С. 273—279.

Зимняя, 1969 — Зимняя И. А. Речевой механизм в схеме порождения речи // *Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком* / под ред. А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 5—16.

Зимняя 1985 — Зимняя И. А. Вербальное мышление (психологический аспект) // *Исследование речевого мышления в психолингвистике*. М., 1985. С. 51—72.

Которова, 2016 — Которова Е. Г. Модель речевого поведения «просьба» в русском и немецком языках: сопоставительное исследование // *Жанры речи*. Саратов, 2016. Вып. 1. С. 65—77.

Можде, 2014 — Можде Д. Х. Просьба в современной русской речи в непрямой форме // *Вестник РУДН*. Серия. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 3. С. 175—182.

Мосейко, 2015 — Мосейко А. А. Этикетная модель просьбы в британской и русской лингвокультурах // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2015. Вып. 10. С. 132—138.

Смирнова, 2015 — Смирнова Н. Ю. Процесс порождения речи с точки зрения психолингвистики // *Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докладов VII международной научно-практической конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации»*. Саратов, 2015. С. 158—163.

Смирнова, 2010 — Смирнова Н. Ю. Формирование жанрового мышления в условиях искусственного двуязычия : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 22 с.

Формановская, 2007 — Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007. 278 с.

Сакральные топосы Усть-Цильмы в устной традиции¹

Sacred toposes of Ust-Tsilma in the verbal tradition

Аннотация. В работе делается обзор фольклорных рассказов, связанных с особыми для старообрядцев Усть-Цильмы (северо-восток европейской части России) объектами местного культурного ландшафта: Великопоженским монастырем на реке Пижме (приток Печоры) и кладбищем на реке Тобыш (приток Цильмы). Источниками послужили преимущественно материалы экспедиций филологов Сыктывкарского государственного университета 1980—1990-х, 2005—2020-х годов, которые хранятся в Фольклорном архиве вуза.

Ключевые слова: старообрядчество, фольклор, Усть-Цильма, сакральные локусы, устная история

Annotation. This article describes the folklore stories, which connect with the objects of local cultural landscape being special for the Old Believers of Ust-Tsilma (the north-east of European part of Russia). These sacred loci are the Velikopozhensky monastery on the Pizhma River (tributary of Pechora) and the cemetery on the Tobysh River (tributary of Tsilma River). This research is based on the materials of expeditions by philologists of Syktyvkar State University in 1980s—1990, 2005—2020 which are keeping in the Folklore archive of the university.

Keywords: old belief, folklore, Ust-Tsilma, sacred loci, oral history

Для специалистов, так или иначе связанных с русской этнической историей, Усть-Цильма, район в бассейне реки Печоры (северо-восток бывшей Архангельской губернии), входит в ряд старообрядческих центров севернорусской культуры с их специфическими проявлениями. Особенности усть-цилемского очага проступают в разных гранях духовной жизни — в говорах, фольклоре и народных верованиях, рукописно-книжной традиции, иконе, декоративно-прикладном искусстве.

Фольклорную традицию Усть-Цильмы можно охарактеризовать как позднюю по времени сложения: Усть-Цилемская слободка отсчитывает свой век с начала 1540-х годов, наиболее бурный в демографическом отношении период связывается с появлением здесь последователей староверия и приходится на конец XVII — первую пол. XVIII века. Обобщая разные точки зрения по этому поводу, Т. А. Бернштам отметила: «Наплыв старообрядцев в усть-цилемское “гнездо” не только увеличил его население, но способствовал переселенческому движению из Усть-Цильмы в ближайшие районы: в течение этого периода были заселены реки Цильма, Пижма и Нерица...» [Бернштам, 2001, с. 80]. То есть к этому времени складывается само пространство традиции (Усть-Цилемский район — в его современных пределах), и, очевидно, на протяжении XVIII века происходит формирование местной устно-поэтической традиции на основе фольклорной памяти, фольклорного знания выходцев из разных мест Русского Севера и центральной России, оказавшихся в общих природно-хозяйственных и конфессиональных условиях.

Начало деятельности по собиранию усть-цилемского фольклора относится к самым первым годам XX века (поездки на Печору Н. Е. Ончукова в 1901, 1902 годах), потому более или менее глубокие научные реконструкции можно относить не ранее чем к концу XIX — первой трети XX столетия. В целом эту традицию можно оценивать как классическую севернорусскую — с развитым музыкальным эпосом, причетными и песенными формами и другими характеристиками. Если же говорить о наиболее заметной специфике

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 19-012-00593 «Грани духовного наследия Усть-Цильмы: фольклор, книжность, язык (новые источники)».

(причем — в содержательном, а не в стилевом отношении), то ее мы находим прежде всего в устной народной истории Усть-Цильмы.

Наиболее значительный и интересный пласт усть-цилемских устных рассказов исторической направленности связан с событиями и топосами местной старообрядческой истории. Наши характеристики основаны по преимуществу на анализе материалов, полученных путем сплошного обследования в ходе филологических экспедиций СГУ 1980-х, 2005—2020-х годов, что сообщает им известную относительность (т. е. целенаправленного сбора материала по названной теме нами не осуществлялось). Часть этих записей уже становилась предметом наших публикаций (см. [Канева, 1996; Канева, 2008] и др.), основные темы и мотивы рассказов, записанных собирателями СГУ до 2013 года, отражены в указателе [Канева, 2013 а]. Кроме того, некоторые результаты специального изучения местночтимых святых и поклонных мест Усть-Цильмы опубликованы сыктывкарским историком Т. И. Дроновой [Дронова, 2007 б]. Продолжающиеся полевые разыскания, проводимые филологами Сыктывкарского университета, пополняют источниковую базу по этой теме, в связи с чем обобщение и представление данных и, как следствие, обозначение вопросов для новых направлений собирательской работы представляются актуальными.

Данная работа нацелена на характеристику устных преданий, относящихся к двум почитаемым местам Усть-Цилемского края: это условная территория Великопоженского монастыря на реке Пижме (притоке Печоры) и кладбище на месте общежительства на реке Тобыш (притоке Цильмы).

Монастырь на Великих Пожнях без преувеличения считается центром духовной жизни на Печоре в XVIII — первой половине XIX века. Он известен событиями гари — самосожжения, произошедшего в декабре 1743 года, после которого общежительство было восстановлено, но уже не смогло достичь прежнего расцвета (см.: [Парамонова, 1993]. С официальным его закрытием в середине XIX столетия на месте монастыря (скита) появилась деревня Скитская, существующая и сегодня.

Устные рассказы фиксируют наиболее значимые моменты истории Великопоженского общежительства. Если обобщить известные нам тексты и попытаться выстроить некую «хронику» событий, своего рода метатекст пижемского варианта местной устной истории, то ее начало можно отсчитывать с появления гонимых ревнителем старой веры в этих необжитых и даже в природном отношении еще не оформившихся местах. По отдельным записям, первые староверы приходят на эти земли, где «даже не было и леса — гольна земля была. Ни птиц, ни зверей — никого не было. Только через много лет начал расти лес и появилась всякая живность» [Дронова, 2007 б, с. 33]. В другой записи в эти пижемские первовремена вообще действует один персонаж: «Первым на Пижму пришел старовер. Он был духовником. Он пришел, когда не было еще и реки Пижмы...»; но это не просто первопоселенец или первопредок — это устроитель реки: «Им было спущено 2000 ручьев небольшими каналами, и река проложила русло» [Дронова, 2007 б, с. 33]. В этом тексте (хотя и в единичной фиксации) явственно проступают черты персонажа, типологически соотносимого с одиноким культурным героем мифологических преданий, действующим в эпоху первовремен. Примечательно, что в народном сознании, для которого характерны анахронизмы, появление общежительства на Пижме предшествует появлению самой Усть-Цильмы («Скит самый первый был. В ските уже всё было, а в Усть-Цильме всего один домик только был» [АФ 0388-8, зап. в 1989 г.]¹).

«Золотой век» пижемской истории — расцвет монастыря с его вполне устроенной хозяйственной и духовной жизнью. Приведем отдельные выдержки об этом из полевых записей: «Тогда выгоняли ведь, гнали людей-то, дак они, бедны, пришли там, осётовались»²,

¹ Здесь и далее таким образом приводятся ссылки на шифры аудиозаписей, которые хранятся в Усть-Цилемском собрании Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (г. Сыктывкар, Республика Коми); указывается также год записи. Расшифровки выполнены автором статьи. Угловыми скобками с многоточием (<...>) показаны пропуски несущественных для данного текста фрагментов.

² Устроились, обустроились.

церковь и всё построили...» [АФ 03372-61, зап. в 2014 г.]; «Поселились они, расплодилось. <...> Сами монастырь строили. <...> Они своим житьём жили, они <...> поля распахи-вали сами, сами сеяли горох да, ячмень да, рожь да. <...> Кто пёк, а кто варил. Их много людей, одних мужиков пятьдесят рабочих было, а остальные служили. У их всё совме-стно было. Служили грамотны, которы читают да поют, те служат, те на работу не ходили» [АФ 0323-36, зап. в 1986 г.]; «... тут и фермы были, поля чистили, снимали хлеб — всё они сами, всю Пижму, обрабатывали все луга, чистили луга. Общежитие, <...> столовые — всё у их было коллективно» [АФ 0388-9, зап. в 1989 г.]; «У них основное было занятие — земледелие, скотоводство в основном. У их даже нельзя было стрелять, они не охотились тогда — кровь, грешно было убивать. Законы у них очень строгие были» [АФ 0310-14, зап. в 1984 г.].

Сакральный статус места бывшего монастыря поддерживается в устной традиции па-мятью о произошедшей здесь трагической гибели первых поколений скитников в огне, ко-торая, безусловно, придает им статус героев-мучеников. И в современных записях оче-видно почтение к единоверцам, не отступившим от заветов отцов: «*Эта старообрядческа вера очень была твёрда. И они откуда ле прибежали, чё ле много там людей прибежало. И у их был там построенной дом, и они беда много образв принесли. И они в этом доме жили и молились все, и стали их прижимать, эту веру менять, эту веру. Дак они всё равно на своём выстояли, дак они сами себя ли они подожгли ли кто — они ведь все сгорели. Они все сгорели, это мамка сказывала» [АФ 03362-23, зап. 2013 г.]; «Веру-то не хотели бро-сить, дак там сожгли-то себя» [АФ 03390-15, зап. в 2016 г.] и т. п. Примечательна одна запись, хранящаяся в материалах усть-цилемской экспедиции филологов Московского государственного университета 1978 года: «*Одного отпустили на веревке сверху, чтобы имел представление, что они сами себя сожгли, но не сдались*»¹. Здесь можно усматривать появления в устном нарративе мотива намеренного сохранения свидетеля этого важней-шего события для поддержания памяти о нем среди потомков.*

Героизация великопоженцев в устной традиции получила свое воплощение в мотиве превращения их душ (или отдельных из великопоженцев — «достойных») в птиц — лебе-дей, голубей, куропаток: «*... из веры гонили, а в мирску веру не захотели идти. Здесь была правильна вера. Они не захотели идти, да на силу гонят, дак они сами свой дом подожгли в часовне да чё ли да и. Всё сгорело, они сгорели, дак пепел-от стал, дак из пеплу-то куро-птёми полетели все на крыльях. Так я слыхала. <...> Птицы есть куропатки — дак они куропатками полетели» [АФ 03138-17, зап. в 2005 г.]; «... Дак даже со стороны-то смот-рели, дак как из дому-то, из огня-то как голуби полетели подверх» [АФ 03362-23, зап. 2013 г.]; «*Часовня сгорела, дак, говорят, лебеди полетели*» [АФ 0350-80, зап. в 1988 г.]; «*Новы², которы достойны, шибко молились, дак лебедями вылетели. И все сгорели*» [АФ 03372-61, зап. в 2014 г.]; «*Говорят, одна это птица кака-то только вылетела. Ну, у кого-то душа вылетела как птицей, душа ведь она всё равно, говорят, не умирает дак. Что будто всё горело, и птица вылетела. Ну, я слыхала там, — то ли читала, то ли слыхала там — что птица вылетела, когда они не хотели стару веру бросать, дак их сожгли дак, что птица только вылетела...» [АФ 03390-15, зап. в 2016 г.].**

Могильник (кладбище), появившийся на месте гари, разграничил пространство позже возникшей здесь деревни Скитской на сакральное и профанное: место, соотносимое с терри-торией скита, называли «Монастырь», и здесь долгое время не селились; дома (собственно деревню) строили за кладбищем, и это место называли «Замогильник»: «*Тут была листвен-ница, здесь деревня Замогильник называлась, Замогильник — так и называлась, после рас-строились³, километра полтора, наверно...» [АФ 0310-14, зап. в 1984 г.]. Территория Мона-стыря почти до середины XX века оставалась своего рода заповедной — здесь соблюдался запрет на гуляния и увеселения: «*... Вот до этой лиственницы — если хотят посидеть-по-гулять, выпить, так идут за могильник, здесь в Монастыре нельзя было. Песни петь можно было только до этой лиственницы» [АФ 0310-14, зап. в 1984 г.]; «*Раньше ведь песни там не***

¹ Архив кафедры фольклора МГУ. ФЭ-12: т. 12, с. 2800, № 73.

² Новы́, новы́е — другие.

³ Построились, построили дома.

пели и не играли это ничё вот. Тут друга деревнюшка была только, хошь выпьют, а поедут ле пойдут там в другу деревню песни петь, а тут ничё...» [АФ 0322-66, зап. в 1987 г.]; «У нас здесь и молились, песни не пели, в этом месте и не пили водку. <...> Мы выросли, там жили, за могильником, были молоды, девчонки мы там были много, здесь ребята были, будут нас провожать — мы песни тоже опасались петь в этом месте. Молоды были, 18-20 лет, мы боялись песню здесь запеть, ищё всё это како-то было не по себе, потому что отец так нам это внушил это, и такое у нас осталось до сих пор» [АФ 03416-51, зап. в 2018 г.]. Дочь местного наставника Сидора Ниловича Антонова (1892—1983) Агафья Сидоровна Бобрецова, переживая по поводу частых трагических кончин односельчан, объясняла их, в частности, возможным возмездием за обмирщение монастырского пространства: «Не по месту жить будешь — место изведёт. Да, может, такó у нас и делается нынче?.. <...> Кто-то кого-то убьёт, кто-то повесится, кто-то чё-то где-то утонет — какие-то смерти таки все, не доживут до самой смерти, до больших годов не доживут. Может, в самом деле, место изводит? <...> Может, нельзя так жить здесь было людям — как попало?.. <...> Не знаю, не знаю... Бог на разбóре. <...> Подумаю сама-то собой, говорю: может, это чё-то земля-мати таких не принимает, так жить нельзя было. <...> Всё отец, еше раз скажу, говорил: не по месту живёшь — место изведёт. <...> Нельзя было жить, как мы живём!» [АФ 03416-51, 58, зап. в 2018 г.].

Тем не менее, могильник (кладбище) в Скитской, остается памятным местом. В конце XIX века здесь был установлен большой деревянный крест, а в конце 1970-х годов построен молитвенный амбарец. Сюда отправляются местные жители с молитвами об избавлении от бед или с благодарностью за помощь небесных покровителей: «И потом с того места пепел собрали и снесли на могильник, и туда построили избушку, и все овецались погорелым. Бывает, скот заболевает, ли сами заболеют какой болезнью, и всё овецались» [АФ 0367-37, зап. в 1988 г.]. В отдельных рассказах об обетах в качестве основного мотива посещения скитского кладбища обозначено испрашивание прощения у покойных единовѣрцев: «“По ответу” говорят, ходят “по ответу” — это как бы проститься, попросить прощения, с умершими вот этими самосожженцами попрощаться» [АФ 03360-63, зап. в 2013 г.].

Важно также отметить, что устная народная память связывает Великопоженский монастырь с другими пижемскими местами, появившимися после пожара или после закрытия скита: это деревни Чуркинская, Никоновская, Степановская и др., основателями которых стали избежавшие сожжения скитники или выходцы из него, и Еленинский / Еленский ручей, одноименный камень и Палагино озеро, названные именами скитниц Елены и Пелагеи.

Оценивая корпус устных рассказов о ските на Великих пожнях и об освоении Пижмы, можно без большой натяжки говорить о том, что в местной устной истории Великопоженский монастырь выступает своего рода «осью разворота», «первособытием» народной летописи и важнейшим топосом («первоместом») в местном культурном ландшафте¹.

В отличие от пижемской святыни, которая по праву считается колыбелью усть-цилемского старообрядчества, но которая как бы «растворилась» в мирском пространстве, место Тобышского общежительства (вероятно — скита), менее крупного и известного, значительно удаленного от жилья, более явственно сохраняет статус сакрализованного топоса и в современной ситуации.

История Тобышского общежительства практически не представлена в научной литературе, но оно хорошо известно местным жителям, прежде всего, цилемцам (Тобыш — приток Цильмы). Ежегодно по большой воде место «у покойных» — кладбище из двух десятков могил на берегу Тобыша — по обету посещают группы верующих для поклонения могилам, их каждения и совместной молитвы в устроенной там же часовне². Деревянные надгробия из бревен регулярно обновляются посетителями; многие из паломников

¹ Устным преданиям о Великопоженском монастыре посвящены другие наши публикации: [Канева, Матвеева, 2005; Канева, 2013 б].

² Многие местные жители указывают, что в прежние годы на Тобыш отправлялись пешком или на вёслах. В последние же годы эти поездки приобретают характер коммерчески организованных мероприятий с использованием маломерного водного транспорта.

именно таким образом выполняют обеты. Кроме того, обычай посещения «покойных» считается обязательным для проезжающих мимо рыбаков (Тобыш — река промысловая), а в прошлом — и для оленеводов. Напомним, что это место является удаленным и труднодоступным: ближайшая к нему деревня расположена в ста с лишним километрах по реке, наземной дороги туда фактически не существует (кроме лесных и прибрежных тропинок).

Появление поселения на Тобыше (так же, как и Великопоженского монастыря) рассказчики уверенно связывают с гонениями на приверженцев старой веры, бежавших ради ее сохранения в эти глухие места (причем гонителем в устных рассказах иногда выступает Иван Грозный, санкционировавший появление Усть-Цилемской слободки задолго до раскола русской православной церкви): *«А это по Тобышу это беженцы бежали, из веры их гнали, вот за крест-от. Иван Грозный был, ну, была стража така, что веру не любили. Иван Грозный царь был, царь был в России-то, но он веру страшно не любил эту, крест-от, а он за цепеть, вот цепеть — нынче молятся как все люди, а эти за крест. <...> Из веры гнали, дак они бежали вот куда-то в леса, в пусты места, дак вот и сюда заселились тоже так»* [АФ 0342-3, зап. в 1988 г.]; *«Было давно, это ишо мы не были. Из веры гонили — ну, это Богу да чё не давали молиться. Это с Усть-Цильмы же люди, наверно, несколько человек вздумали уехать куда-то дальше, это там Богу молиться. И вот есть речка Тобыш, от Усть-Цильмы туда, и вот по речке Тобышу они, эти люди, уехали как спасатьсе, чтобы там это жить как себе надо»* [АФ 0307-4, зап. в 1986 г.]; *«Вот они там по Тобышу заселились, несколько там их. Гнали их. Они были нашей веры, вот и сбежали»* [АФ 0307-27, зап. в 1986 г.] и т. п. В ряде сообщений обозначена возможная связь происхождения Тобышского скита от старообрядческого общежительства в верховьях Цильмы — Цилемского (Омелинского) скита¹ (см., например: *«Был скит у Омелиных по Цильмы, они оттуда, видишь, выплыли. <...> Их стали там разгонять, ли чё было-то... <...> И вот, я не знаю, сколько их человек, это в Тобыш они уехали лодкой»* [АФ 03437-51, зап. в 2020 г.]).

Как и в повествованиях о Великопоженском монастыре, рассказчики пытаются представить хозяйственный уклад жизни насельников Тобыша: *«По Цильмы они плыли, по Цильмы тут, дак в Тобышу остановились — Тобыш на Цильму выпадывает речка. Там были настроены избушки, они жили там, рыбу ловили, ну, и поля, наверно, сеяли — надо было хлеб-от какой ле, где ле старались мясо [добыть], тут охотились, может»* [АФ 0353-15, зап. в 1984 г.]; *«...они <...> там охотились, <...> там <...> таки были целы пóжни начищены, <...> там садили люди, и всё они жили со своих кровяных мозолей»* [АФ 03362-24, зап. в 2013 г.]; *«...и вот они там жили, они занимались промыслом, рыбой, а устьцильма их снабжали, оттуда, от их возили рыбу, пушину, вот, они там всё так жили. <...> Избы были построены, две избе, они в этих избах жили. Потом они все выумирали там»* [АФ 0342-33, зап. в 1988 г.].

По большинству устных сообщений, общежительство на Тобыше прекратило свое существование вследствие умирания скитников (по старости, от голода) или внезапной смерти от болезни; лишь одна рассказчица вводит в свое повествование мотив убийства тобышских поселенцев представителями власти [АФ 0307-4, зап. в 1986 г.; АФ 03108-1, зап. в 1990 г.]. Но независимо от особенностей кончины тобышские «покойные» и место их упокоения снискали славу особо почитаемых, «святых»: *«А есть здесь Тобыш, в Тобыше есть там свято место...»* [АФ 03362-24, зап. в 2013 г.]; *«Вот весной больша вода будет, и по Тобышу ездят. Там святые похоронены. <...> Вот говорят, что надо по овету обязательно там к святым съездить...»* [АФ 03395-63, зап. в 2016 г.]; *«Они достойны — шибко молились...»* [АФ 03316-90, зап. в 2011 г.]; *«Считаются страдальцами...»* [АФ 03437-13, зап. в 2020 г.].

Поддержанию в народной традиции памяти о тобышском общежительстве определенным образом способствует устная история о другом локусе Усть-Цилемского района — Ивановом кладбище, которое находится непосредственно в селе Усть-Цильма. В фольк-

¹ См.: [Новиков, 2009].

лорных преданиях они оказались генетически связанными друг с другом историко-топонимическим сюжетом о происхождении названия усть-цилемского кладбища от имени первого похороненного в этом месте — некоего Ивана с Тобыща. В устных рассказах он предстает как последний из тобышских страдальцев за веру. В обобщенном виде повествования о нем можно представить следующим образом. Иван, оставшись один (в отдельных рассказах — «Иван с младенцем»), соорудил себе плот / лодку / гроб, в котором воды Тобыща вынесли его в Цильму и далее чудесным образом против течения Печоры — в село Усть-Цильма. Тело Ивана «далось» местным жителям с третьего раза; его похоронили прямо у пристани (где и обнаружили) или «на полях», однако явление Ивана в снах с жалобой на то, что «его топчут», вызвало перезахоронение на кладбище, получившее свое название по его могиле («Иваново»). В нескольких рассказах встретилось утверждение об обнаружении Ивана непосредственно на кладбище, один из рассказчиков сообщил о «тайном вывозе» Ивана с Тобыща в Усть-Цильму на оленях [АФ 03252-4, зап. в 2007 г.]. Отдельные рассказы связывают появление Ивана в Усть-Цильме с Ивановым днем¹. Иваново кладбище также выступало как обетное место: «К Ивану ходят на могилы-то в Усть-Цильму. Там могила есть больша, там амбарчик есть и там молятся. Иван тоже был большой божественник. На могилу ходят, цветы всякие рвут, травы. <...> В амбаре молебны поют. Вот если ты заболеешь, так обещайся к Ивану, в Иван день молебен петь. И поди там скажи старушке: “Поите мне молебен”, — рублевку отдашь, положишь там, свечку тебе поставят и споют молебен» [АФ 0345-1, зап. в 1988 г.].

Таким образом, тобышская история оказалась более развернутой во времени и пространстве: цикл легендарных преданий об Иване соединяет тобышскую святыню и Иваново кладбище в Усть-Цильме, и эта история актуализируется обычаем ежегодного посещения последнего в Иванов день.

Добавим также, что рукописные списки сгоревших на Пижме и умерших на Тобыще именуются у многих жителей Усть-Цилемского района. Их поминовение включается в современные поминальные практики, что, безусловно, также поддерживает устную память о местных сакральных локусах. Интересна версия появления тобышского помянника: в результате пристрастных расспросов собирателей о том, откуда известны имена тобышских страдальцев за веру и самого Ивана, в полевых записях появилось сообщение о том, что список был обнаружен непосредственно при Иване.

Наконец, обратим внимание на рассказы о личных впечатлениях от посещения тобышской святыни: они хотя и немногочисленны, но интересны не только в плане отражения религиозных практик или редких мотивов легендарного характера (например, о чудесной помощи «покойных»), но и своим эмоциональным тоном. Отдельные тексты выглядят как воспоминание о путешествии в особое, заповедное место, как будто это не типичные берега северных рек, знакомые с детства, а какая-то особая, едва ли не чудесная земля. Так, например, в двух разновременных рассказах одной жительницы Усть-Цильмы о своей поездке на Тобыщ возникают восторженные оценки: «Каки там места! <...> А могилы, девка, там каки!» [АФ 03321-21, зап. в 2011 г.]; «Каки там леса нагнулись! <...> Приехали, я всё любовалась: какой лес, кака река!» [АФ 03362-24, зап. в 2013 г.]. Даже небольшая избушка для ночлега (которая по размерам ненамного превосходит обычный охотничий домик) описывается паломницей гиперболизированно: «Стоит больша така изба, така больша изба — как с эти полторы-то избы будет, така — больше ещё, может; может, и с две²...» [АФ 03321-21, зап. в 2011 г.]. Подробный рассказ о поездке к «покойным» и произведенном там ритуале поминовения сопровождается экспрессивным заключением: «У-у-у, как мне это всё подравилось! Ужас!» [АФ 03362-24, зап. в 2013 г.]. Глубокое впечатление от посещения тобышской святыни отмечается и другими рассказчиками: «... эти святые места остались, потому что люди были действительно верующие, беглые, от

¹ По записям СГУ 1980-х—1990 гг. имеется публикация, см. [Канева, 1999]. См. также: [Дронова, 2007 а].

² Рассказчица сравнивает со своим просторным домом на две половины.

веры тогда уходили. И это место — там и молельный дом, там иконы, и там бабушки ездят и зимой, и летом молятся, и устьцильма уже стали ездить, возят специально, катерок туда в определенные дни людей возят. Я там, например, тоже бывала раз, помоллилась, [к] каждому гробику пошла. Там интересны очень кресты, интересны могилки, они с этими ящичками такие. Так что это место святое. Там никто ничего не трогает, всё открытое. И там такое, приедешь туда и чувствуешь себя, как будто ты новый человек оттуда уехал совершенно...» [АФ 03374-10, зап. в 2015 г.]; «Как будто обновлённый приезжаешь оттуда...» [АФ 03437-11, зап. в 2020 г.].

Итак, история местного старообрядчества поддерживается в усть-цилемской устной народной традиции, прежде всего, благодаря реально существующим мемориальным местам: это кладбища в деревне Скитской на Пижме и «у покойных» на Тобыше, а также — в некоторой степени — и усть-цилемское Иваново кладбище. С каждым из них связана своя группа рассказов, которые обладают как яркой спецификой, так и общими чертами. СобираТЕЛЬСкая работа последних лет значительно увеличила корпус этих текстов, выявила немало новых деталей, и, возможно, нам еще стоит ожидать новых наблюдений.

Список литературы

- Бернштам*, 2001 — Бернштам Т. А. Былины на Печоре. I. Этническая история региона // Былины Печоры : в 2 т. / сост. и подгот. текстов В. И. Ереминой, В. И. Жекулиной, В. В. Коргузалова, А. Ф. Некрыловой; отв. ред. А. А. Горелов. СПб.; М.: Азбука-Классика, 2001. С. 79—87.
- Дронова*, 2007 а — Дронова Т. И. Иван день в традиции староверов-беспоповцев Усть-Цильмы // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 106—118.
- Дронова*, 2007 б — Дронова Т. И. Легенды и предания о местночтимых святых и поклонных местах Пижемского края (по материалам исследований нижепечорских староверов-беспоповцев) // Рябининские чтения — 2017 : материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск: ФГУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник “Кижский”», 2007. С. 33—35.
- Канева*, 1996 — Канева Т. С. Церковный летописец и устная историческая проза Усть-Цильмы // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры : сборник статей. Сыктывкар: Коми научный центр РАН, 1996. Т. 2. С. 102—108.
- Канева*, 1999 — Усть-цилемские предания об Иване / вступит. статья, подгот. текстов Т. С. Каневой // Русский фольклор : материалы и исследования. СПб.: Наука, 1999. Вып. XXX. С. 423—430.
- Канева*, 2008 — Канева Т. С. История Усть-Цилемского края в устной традиции (по результатам системного описания) // Народные культуры Европейского Севера : материалы научной конференции (15—17 октября 2007 г., г. Архангельск). Архангельск: ПомГУ, 2008. С. 89—98.
- Канева*, 2013 а — Усть-цилемские историко-легендарные нарративы, относящиеся к одной местности: указатель основных тем и мотивов / сост. Т. С. Канева // Усть-цилемская фольклорная традиция. Справочно-библиографическое мультимедийное издание / авт.-сост. Т. С. Канева. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2013.
- Канева*, 2013 б — Канева Т. С. Усть-цилемские устные рассказы о старообрядцах и старообрядчестве в современных полевых записях Сыктывкарского университета // Народная культура Пижмы : материалы Всероссийской научно-практической конференции «За веру и крест», посвященной 300-летию основания и 270-летию самосожжения Великопоженского скита (10 марта 2013 г., с. Замежная Усть-Цилемского района Республики Коми). Усть-Цильма: ООО «Полиграф-Плюс», 2013. С. 43—49.
- Канева, Матвеева*, 2005 — Канева Т. С., Матвеева Л. Е. Устные рассказы о Великопоженском ските в усть-цилемской фольклорной традиции // Старообрядчество: история, культура, современность : материалы VII Международной научной конференции (22—24 февраля 2005 г., Боровск — Москва) : в 2 т. М.: Изд., 2005. Т. 2. С. 234—240.
- Новиков*, 2009 — Новиков А. В. Цилемский скит. Исторический очерк. Архангельск: Поморский ун-т, 2009.
- Парамонова*, 1993 — Парамонова Т. Б. Бегство на Великие Пожни // Родники Пармы : научно-популярный сборник. Сыктывкар, 1993. С. 45—52.

**Французская кондитерская «Рабон» в Санкт-Петербурге
во второй половине XIX — начале XX века****French confectionery "Rabon" in St. Petersburg in the second half
of the XIX — early XX century**

***Аннотация.** Санкт-Петербург, исторически являясь многонациональным центром культурной и светской жизни России, хранит множество свидетельств французского пребывания в конце XIX — начала XX века. Долгое время этот хронологический период оставался в тени реконструкции событийной жизни французской диаспоры Северной столицы, которая в XVIII веке занимала лидирующие позиции в исследованиях российских и зарубежных историков. При этом на рубеже веков город пережил серьезные преобразования, в том числе растет популярность заведений общественного питания. Французские рестораны, кафе, кондитерские, сосредоточившиеся преимущественно на Невском проспекте, манили обывателей угощениями и изысканной обстановкой. Особенности деловой деятельности этих предприятий в Санкт-Петербурге остаются малоисследованными. В статье на основе неопубликованных источников фонда 563 «Кондитерская фабрика «Рабон» А. Ф. Буше. Петроград. 1845—1917» Центрального государственного исторического архива прослеживается деятельность Жозефа Обри и супругов Буше — владельцев кондитерской «Рабон». Фонд содержит более десяти дел: акты на приобретение и эксплуатацию помещения и техники, доверенности на ведение торговых и судебных дел фирмы, переписку с Фабричной инспекцией, большой объем личным писем, записных пометок А. Буше и др. Большая часть документов составлена на французском языке, что диктует необходимость их перевода и ввода в научный оборот для широкого круга исследователей. На их основе реконструируется событийная жизнь французских подданных, организация фабрики и процесс модернизации производства. Сравнительный анализ деловой деятельности и биографии двух владельцев лавки показывает, что ассимиляция в новой среде Альберта и Марии Буше была продуктивна и естественна по ходу развития предприятия в отличие от его предшественника Жозефа Обри.*

Ключевые слова: история, Франция, предпринимательство, Буше, Обри

***Abstract.** St. Petersburg, historically a multinational center of the cultural and social life of Russia, keeps many evidences of the French stay in the late 19th — early 20th centuries. For a long time, this chronological period remained in the shadow of the re-construction of the eventful life of the French diaspora in the Northern capital in the 18th century. held a leading position in the research of Russian and foreign historians. At the same time, at the turn of the century, the city underwent serious transformations, including the growing popularity of catering establishments. French restaurants, cafes, confectionery shops, concentrated mainly on Nevsky Prospekt, attracted ordinary people with treats and an exquisite atmosphere. The specifics of the business activities of these enterprises in St. Petersburg remain poorly researched. In an article based on unpublished sources of the fund 563 "Rabon" confectionery factory by AF Boucher. Petrograd. 1845—1917 "of the Central State Historical Archive, traces the activities of Joseph Aubry and the Boucher spouses — the owners of the Ra-Bon confectionery. The fund contains more than ten cases: acts for the acquisition and operation of premises and equipment, powers of attorney for the conduct of commercial and judicial affairs of the company, correspondence with the Factory Inspectorate, a large volume of personal letters, notes by A. Boucher, etc. Most of the documents are written in French language, which dictates the need for their translation and introduction into scientific circulation for a wide range of researchers. On their basis, the eventful life of French subjects, the organization of the factory and the process of modernization of production are reconstructed. A comparative analysis of the business activities and biographies of the two shop owners shows that assimilation in the new environment of Albert and Maria Boucher was productive and natural in the course of the development of the enterprise, in contrast to his predecessor Joseph Aubry.*

Keywords: history, France, entrepreneurship, Boucher, Aubrey

Мороженое из сирени! Мороженое из сирени
Полпорции десять копеек, четыре копейки буше.
Сударышни, судари, надо ль? не дорого можно без прений...
Поешь деликатного, плошадь: придется товар по душе!¹

Санкт-Петербург в течение XIX столетия испытал на себе изменения в самых различных сферах жизни русского общества. Последствия «эпохи гласности», международного финансово кризиса 1858—1859 годов, отмены крепостного права и политика Александра II внесли значительные перемены в уклад столичной жизни [Вишняков-Вишневецкий, 2008, с. 3]. Активно росло население города, менялся его социальный состав, урбанизация постепенно захватывала все отрасли жизни. Уже с начала века популярность завоевывают заведения общественного питания разного класса. Традиционно это сфера деятельности была в руках иностранных предпринимателей. Уступая по численности немцам, французы, тем не менее, всегда пользовались успехом, открывая свои мастерские, магазины, салоны, кафе привозя парижский лоск убранства, секреты производства, а главное — культуру жить красиво.

Жозеф Обри — один из представителей французских предпринимателей рубежа веков. Он родился во Франции, в департаменте Верхняя Савойя 18 октября 1845 года. Известно, что, окончив службу к 1869 году, он прибывает в Северную столицу в мае 1877 года. В сопроводительных его приезду документах, включавших письмо-характеристику из мэрии округа Мерсюи, служебную справку об освобождении от воинской повинности и разрешение французского консула на поселение в Санкт-Петербурге, француз характеризуется как «добропорядочный член уважаемого честного семейства» Обри. О его деятельности в течение первых десяти лет после переезда ничего не известно. Первые точные данные относятся к 22 сентября 1887 года, когда Городской управой Санкт-Петербурга было выдано свидетельство на имя Жозефа Франсуа Обри с дозволением открыть в Спасской части 1 участка по Невскому пр., д. 30 магазин кондитерских изделий (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.).

Дом на углу Невского проспекта и Екатерининского канала на тот момент принадлежал Е. В. Ольхиной. Согласно «списку иностранных» гостей на 1833 год, в числе купцов третьей гильдии упоминается Жан Батист Рабон, 37 лет. Он состоял в купечестве с 1850 года и содержал кафе-ресторан в доме на Невском пр., 30 [Краско, 2011, с. 11]. Здесь в 1859 году разместился Купеческий клуб, позже Учетный и Ссудный банк.

Кондитерская «Рабон», открытая Обри, работала как небольшое ручное производство, первоначально полагаясь на французских мастеров и поставщиков. Записная книжка Обри хранит адреса французских контактов, должников и даже рецепты кондитера. Кроме того, с 1889 по 1915 год владельцы «Рабон» заключали договоры исключительно с французскими подданными об их работе в лавке. Например, сохранилась переписка мастера кондитерской «Рабон» с парижским бюро о найме французского подданного Альфреда Флемейнга и трудовые соглашения с ним (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 3. Л. 16). Можно предполагать, что приезжие работники в лавке занимались более специализированным трудом. К этому выводу ведет факт использования как посредника парижского агентства по найму, очевидно, подыскивавшего персонал с опытом и подготовкой. Таких служащих было около семи человек. Остальные же, 3—4, выполняли черную, подсобную работу и часто были приходящими.

Отметим, что Жозеф Обри, в отличие от других представителей французской диаспоры в Санкт-Петербурге, переезжает в город самостоятельно, без семьи. И первый заключенный им договор на съем помещения указывает, что лавка предоставляется без жилья. Архивные документы хранят судебное дело о разводе Обри с Аделаидой Меннер. В рамках дела подробно рассмотрены обстоятельства, вынуждающие расторгнуть брак, а именно

¹ Стихотворение Игоря Северянина, написанное в 1912 г. В строчках упоминание «буше» (от фр. *bouchée*) — маленького кусочка или порции мороженого ценой четыре копейки.

неоднократные адюльтеры супруги (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 9. 24—29). Развод в семье переживают крайне болезненно, Обри, не скупясь, описывает свою «несчастную супругу» в письмах к другу Леону (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 9. Л. 30—36). Несмотря на обстоятельства, Обри получает теплые послания от своих детей — Жозефа и Марии. Из поздравительного письма сына ко дню рождения от 19 марта 1899 года: «Дорогой папа, я умею писать, и я хотел бы, чтобы мое первое письмо пришло по случаю вашего праздника. Поэтому получите, дорогой Папа, наилучшие и сердечные пожелания от своего маленького Жоржа...» (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 9. Л. 12).

Обширная переписка Жозефа Обри с семьей, с которой он был разделен, послания друзей из Франции, ведение дел с французскими коллегами в Санкт-Петербурге и, одновременно, сколько возможный контроль дел во Франции говорят о жизни предпринимателя на две страны. Естественным образом формировался узкий круг общения кондитера, который за время своего владения лавкой «Рабон» не имел существенных дел с местным населением (кроме продаж товаров) и в том числе с местной городской Управой. В 1897 году Жозеф Обри заключает очередной трудовой договор с Альбертом Буше, «выписывая» французского гражданина для работы в кондитерской. Согласно договору, прямые обязанности служащего указаны размыто, следует «выполнять все поручения господина Обри», не покидать лавку в часы ее работы без разрешения (в часы работы лавки с 5 утра до 6 вечера) и соблюдать установленные правила работы в кондитерской. В свою очередь Обри, как наниматель, обязуется оплатить дорогу из Парижа до Санкт-Петербурга с учетом багажа, предоставить жилье и отопить его (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 3. Л. 2).

С 1884 года совладельцами предприятия Обри стала семья Буше, а в 1903 году предприятие полностью перешло к А. Ф. и М. М. Буше, что подтверждают трудовые договоры, которые заключает уже А. Буше как владелец «Рабон» (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 3. Л. 10—12). Можно предполагать, что Буше выкупил дело у Обри, но дальнейшая судьба основателя кондитерской неизвестна.

Пример Альберта Буше в роли иностранного предпринимателя в большей степени схож с типичным представителем французской диаспоры. Несмотря на сохранившуюся практику найма исключительно французского персонала, Буше ассимилировался в российское общество значительно больше и быстрее предшественника. С одной стороны, на это влияло то, что его семья находилась в Санкт-Петербурге: супруга Мария полноценно как совладелец вела дело вместе с Альбертом. С другой стороны, оставаться успешным и востребованным на рынке услуг можно было, только двигаясь в ногу со временем.

В 1905 году Буше подписали новый контракт с Правлением Санкт-Петербургского Учетного и Ссудного Банка о найме в принадлежащем Банку доме помещения под магазин и нескольких комнат для жилья. Стремясь внедрить новые средства производства, новые товары, предприниматели вводят первое необходимое усовершенствование — устанавливают ледник в подвале кондитерской, что позволяло сохранять свежесть сырья. А уже с 1907 года используют электрический двигатель (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 3. Л. 245). Казалось бы, технически процесс производства совершенствовался, но одновременно с этим возникали бюрократические трудности, для урегулирования которых требовалось контактировать с различными русскими службами. А именно хозяев кондитерской обременял фабрично-заводской надзор. К концу XIX века в России происходит развитие фабричного законодательства и создается институт фабричной инспекции [*Смоленская*, 2014, с. 242). Несмотря на то что эти явления несли прогрессивный характер, тем не менее они находились еще в стадии доработки, в том числе из-за случаев, подобных делу Буше.

В 1908 году Мария Буше подала прошение на имя министра торговли и промышленности по делу о снятии фабрично-заводского контроля над кондитерской «Рабон»: «Из-за постановления в мастерской электрического двигателя, которым лично управляет мой муж, как и всей мастерской, в коей производится выделка кондитерских продуктов ручным способом как-то: пироги, пирожное, конфеты и т. п. 7-ю подмастерьями, 4-же мужика занимаются исключительно черною работою / надзор фабричной инспекции я нахожу совершенно излишним».

Мне лично приходилось встречать в Петербурге при многих чайных магазинах электрические двигатели для размола кофе, вряд ли подчиненные надзору фабричной инспекции, и на самом деле, было бы странным, магазин, торгующий кофе, из-за одного электрического двигателя подчинять фабричной инспекции, как равно и мою кондитерскую. Электрический двигатель при моей кондитерской есть ничто иное, как и вышеприведенные аппараты при чайных магазинах, а равно и во многих частных домах электрического двигателя, гораздо большей силы, устроенного для домашнего электрического освещения» (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 7. Л. 5).

Однако, несмотря на перегруженность фабричной инспекции, которая уже к 1906 году имела около 25 обязанностей (во Франции, к примеру обязанностей было не более 14), прошение было отклонено [Смоленская, 2014, с. 246]. В ответ на это в декабре 1909 года Марией Буше была направлена жалоба с повторным требованием удовлетворить рассмотренное дело (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 7. Л.4). В результате в январе Правительствующий сенат в январе 1911 года заслушал дело и постановил признать жалобу, «заслуживающей уважения» (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 6.Л.8). Согласно прилагаемым объяснениям, наличие электрического двигателя при практически ручном производстве не может быть причиной отнесения кондитерской «Работ» к категории предприятий фабрично-заводской промышленности (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 6. Л. 9). Кроме того, было решено, учитывая этот прецедент, ремесленные предприятия, запрашивающие освобождение от контроля, как представляющие наименее значительную опасность для рабочих с точки зрения профессионального риска, рассматривать каждый раз как отдельный случай и определять принадлежность заведения к категории ремесленной или фабрично-заводской промышленности.

Грядущий военный конфликт обострил положение предпринимателей Санкт-Петербурга. Окупать свое дело становилось все сложнее. Мария Буше вынужденно занимала средства, в том числе у генеральши И. В. Аничковой, в размере 300 рублей. Язык их переписки, даже факт того, что письмо было написано на небольшом клочке бумаги, карандашом, говорит о доверительных и близких отношениях двух дам.

Кондитерская продолжала свою работу и в период отсутствия как Альберта, так и Марии Буше. Сохранились доверенности супругов друг на друга на ведение дел в отсутствие партнера (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 7. Л. 1—2). Кроме того, в архиве сохранилась доверительная на цеховую города Верро, Лифляндской губернии, Степаниду Осиповну Кюббарь. Ей вверено в течение 1915 года управлять и заведовать кондитерской (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 7. Л.3) на равных правах с супругой Буше. Начиная с 1916 года архивный фонд кондитерской Буше «Работ» хранит дело, свидетельствующее о длительном отсутствии Альберта Буше в Санкт-Петербурге. А именно — переписку Марии Буше с мужем, детьми, родными и друзьями (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 10. Л. 245). Причина отсутствия — отъезд Альберта Буше на фронт. Более чем сотня его писем отправлены из территориальных войск № 34 или № 248. Их содержание позволяет точнее представить общественное настроение Франции относительно вступления в Первую мировую войну [Юдин, 2013, с. 81]. Если обратиться к письмам Буше, то уже в первых посланиях с фронта сквозит ожидание конца войны и стремление вернуться домой. Из письма от 23 декабря 1916 года: «Моя дорогая Мари. В настоящий момент я получаю ваше письмо от 28 октября и спешу на него ответить, хотя я писал вам в последние дни, но уверяю вас, что мне очень неприятно узнать, что вы больны, и особенно, что я не могу приехать к вам, потому что мне снова сказали, что нет разрешения на поездку в Россию, вы видите, в какой ситуации я оказался, бывают времена, когда я больше не в своем уме...» (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 10. Л. 245. Л. 2—3).

С 1916 по 1917 год вся корреспонденция от родственников и друзей приходит мадам Буше регулярно. В том числе письма от сына Жозефа, призванного служить еще в 1911 году. Письма согласуются друг с другом, новости в них часто повторяются. Разлученные члены семьи не прерывали связь поддерживать друг друга в период мирового военного конфликта (ЦГИА СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 10. Л. 245). Однако, как и большая часть

иностранцев предпринимателей среднего звена, вскоре, а именно 27 декабря 1917 года, Буше утратили свою фабрику: она была национализирована постановлением СНК и передана в ведение Главного управления предприятиями кондитерской промышленности.

На основе неопубликованных источников ЦГИА по делу кондитерской «Рабон» проведена реконструкция деятельности Жозефа Обри и семьи Буше в Санкт-Петербурге. Метод микроисследования позволил проследить практику организации кондитерского предприятия, провести анализ развития успеха и неудач предпринимательской деятельности Обри и Буше.

Список литературы

Вишняков-Вишневецкий, 2008 — Вишняков-Вишневецкий К. К. Иностранцы в промышленной жизни Санкт-Петербурга во второй половине XIX века. СПб., 2008. 170 с.

Краско, 2011 — Краско А. В. Французские купцы в Санкт-Петербурге. Расширенное содержание доклада, прочитанного 7 июля 2011 года на конференции «Роды французского происхождения и их русские потомки» [Электронный ресурс] // Сайт РНБ. URL: http://nlr.ru/nlr_visit/dep/artupload/media/article/RA2422/NA18454.pdf (дата обращения: 15.11.2021).

Смоленская, 2014 — Смоленская О. А. История становления фабричной инспекции в Российской Империи во второй половине XIX века // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2014. № 4. С. 242—246.

Юдин, 2013 — Юдин Н. В. Общественные настроения во Франции в начале Первой мировой войны (по донесениям префектов) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 3. С. 80—91.

Хоромы в былинах, причитаниях и песнях Печоры

Khoromy in epics, lamentations and songs of Pechora

Аннотация. Работа нацелена на сопоставительный анализ образа хором в музыкально-поэтических жанрах русских традиций Печоры (Усть-Цилемский район Республики Коми и Ненецкий автономный округ Архангельской области). Источниками исследования стали опубликованные записи печорских былин и песен, изданные и архивные тексты причитаний. Впервые былины, причитания и песни Печоры сопоставлены в плане реализации образа жилой постройки — хором. Печорский фольклор отражает величину исследуемой постройки: хоромы — масштабное строение, хоромина имеет скромные размеры. В былинах хоромы чаще всего принадлежат знатным особам: богачу Дюку Степановичу, царю Василию Окуловичу, хоромина же — крестьянскому сыну Илье Муролцу. Высокие хоромы являются символом благополучной жизни в свадебной песне, а в свадебном причитании появляются в тексте при испрашивании невестой отцовского благословения. В игровых хороводных песнях белокаменные хоромы становятся местом встречи молодого человека и девушки.

Ключевые слова: хоромы, былина, причитание, песня, Печора, картина мира

Abstract. The work is aimed at comparative analysis of a khoromy's image in musical and poetic genres of the Russian traditions of Pechora (the Ust-Tsilemsky district of the Komi Republic and the Nenets Autonomous district of the Arkhangelsk region). The published records of Pechora epics and songs along with issued and archival texts of lamentations were sources of the research. For the first time epics, lamentations and songs of Pechora are compared in terms of implementing the image of a residential building — a khoromy. The Pechora folklore shows the size of the investigated building: a khoromy is a large-scale structure, a khoromina has a modest size. In the epics a khoromy most often belongs to the noble elite: to a wealthy man Duke Stepanovich, to Tsar Vasily Okulovich, but a khoromina to a peasant son Ilya Muromets. A high khoromy is a symbol of prosperous life in a wedding song, and in a wedding lamentation it appears in the text when the bride asks for her father's blessing. A white stone khoromy becomes a meeting place for a young man and a girl in game round-danced songs.

Keywords: khoromy, epic, lamentation, song, Pechora, world picture

Жилище в традиционном сознании является символом семейного благополучия, пространственным центром человеческого мира [Дивьян, 2000, с. 2]. А. К. Байбурин отметил, что это «один из ключевых символов культуры», и с данным понятием были соотнесены все важнейшие категории картины мира у человека [Байбурин, 1983, с. 3] (см. [Плотникова, Усачева, 1999; Никитина, Кукушкина, 2000; Югай, 2019]). Неслучайно данные образы находят отражение и в текстах фольклорных произведений, где разные персонажи живут в *домах, избах, дворцах, шатрах*, действие происходит в *палатах, хоромах и теремах*.

Цель работы — сопоставительный анализ образа *хором* в музыкально-поэтических жанрах русских традиций Печоры (Усть-Цилемский район Республики Коми и Ненецкий автономный округ Архангельской области). Задачи определены следующим образом: рассмотреть контексты употребления слова *хоромы* в былинах, причитаниях и песенных жанрах Печоры и раскрыть их значение. В работе применены сравнительно-текстологический и описательный методы.

Источниками исследования стали публикации печорских былин в «Своде русского фольклора» [Былины Печоры, 2001] и в более поздних изданиях [Ангеловская, 2013; Ангеловская, Канева, 2018] (343 текста), опубликованные [Базанов, 1962; Дронова, 2013; Канева, 2013; Колпакова, 1973; Леонтьев, 1939; Леонтьев, 1979; Песни Печоры, 1963] и архивные¹ материалы по причитаниям (порядка 500 записей), сборники песен [Власов и др.,

¹ 1) Архив кафедры фольклора Московского государственного университета, ФЭ-12 (записи из Усть-Цилемского р-на Коми АССР, 1978 г., 1980 г.); 2) Колпакова Н. П. Свадебный обряд на Севере (машинопись диссертации): Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, кол.165,

1992; Канева и др., 2008; Леонтьев, 1979; Ончуков, 1908; Песни Печоры, 1963] (около 800 текстов). Печорский фольклор начал изучаться еще в начале XX века, однако его исследование не прекращается и по сей день, и в настоящее время публикуются выполненные на его основе работы, посвященные описанию разных фрагментов фольклорной картины мира (см. [Ильина, 2013; Канева, 2009; Канева, 2010; Канева, 2015; Канева, 2017]).

В. Г. Смолицкий заметил, что в различных фольклорных жанрах по-разному распределяются бытовые реалии. Например, в песенной необрядовой лирике действие главным образом разворачивается вне дома (например, в поле, в лесу). Поэтому редкие примеры описания жилища в данном жанре сопоставимы с материалом в свадебно-обрядовой поэзии, где дом и его внутреннее пространство упоминается гораздо чаще, чем в других песенных жанрах. Это, по мнению исследователя, связано с тем, что содержание сводится к повествованию о том, как невеста прощается с домом родителей и переходит в чужую семью. Семейно-обрядовый фольклор в большей степени сохраняет бытовые реалии, где поэтическая идеализация действительности зачастую не выходит за рамки возможного в отличие от былин [Смолицкий, 1993, с. 7—9].

В тематической группе «Жилые постройки», составленной нами по результатам выборки данных из музыкально-поэтических жанров печорского фольклора, *хоромы / хоромины* находятся в одном ряду с *домом, теремом, избой, квартирой, палатами, шатром* в составе различных определительных сочетаний (см. табл.). В былинах нами выявлено 6 употреблений, в причитаниях — 7, в песенных жанрах — 13. В общем ряду данная номинация не столь популярна. Для сравнения: в былинах самым популярным является *шатер* (190 употреблений), в причитаниях — метафорическое обозначение дома *витое гнездо* (45), в песенных жанрах — *терем* (69).

В говорах низовой Печоры слово *хоромина* имеет значение «любое деревянное строение» [Ивашко, 2005, с. 403], а к слову *хоромы* приводится пример «Маленьки *хоромы* сам рубил» [Ивашко, 2005, с. 403]. Таким образом, обе постройки имеют различия в размерах: первый вариант является более скромным по сравнению со вторым. Данные отличия отметил и В. И. Даль, который слово *хоромы* определяет как жилые деревянные строения, а *хоромину* — как жилой дом, неполную избу, одну комнату [Даль, 1980, с. 561].

Печорский фольклор также отражает величину и другие характеристики рассматриваемой постройки. Например, сочетание *широкие хоромы* [Былины Печоры, Т. 1, № 147: 18¹] (масштабная постройка) относится в печорских былинах к жилищу необычайно богатого богатыря Дюка Степановича. *Новыми хоромами* [Былины Печоры, Т. 2, № 274: 124] названо жилище царя Василия Окуловича (также весьма состоятельного персонажа). *Хороминой же* (более скромным вариантом данного строения) в былинах названо жилище крестьянского сына Ильи Муромца (*посторонья хоромина* [Былины Печоры, 2001, Т. 1, № 40: 8]), в котором он находился до своего выздоровления. Однако неожиданно *хороминами* назван и дом князя Владимира [Былины Печоры, 2001, Т. 2, № 203: 39] (они же *дворец, палаты*). Даже летописцы и писатели Древней Руси по отношению к царским жилищам использовали слова *палаты, хоромы* [Смолицкий, 1993, с. 16].

Высокие хоромы являются символом благополучной жизни в тексте-обращении невесты к отцу в печорской свадебной песне:

Не отдай меня, батюшка, в замуж,
Ты не зарься на **высокие хоромы**,
Не с **хоромой** жить да с человеком [АФ 0730-10: 16].

п.25, л. 144—158; 3) Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета: Усть-Цилемское, Нарьян-Марское собрания (записи 1986—2000-х гг.) (далее в основном тексте — АФ).

¹ Здесь и далее таким образом указывается номер текста, через двоеточие — порядковый номер первого из цитируемых стихов (строк).

Данная формула выявлена нами и в свадебном причитании Печоры — испрашивании невестой отцовского благословения:

Ты кормилица, гора высокая,
Я прошу у тебя, наконаюся
Не житье-бытье, да не имущество.
Не **хоромы** прошу я тя **высокие**,
Не полосы да я широкие,
Не чисты да гладки поженки [Колтакова, 1973, № 498: 4].

В игровых хороводных песнях местом встречи молодого человека и девицы, где парень пытается узнать имя спутницы, становятся необычные хоромы:

Есть за речкою **хоромы**,
Белокаменные,
Белокаменные,
Верхи бархатные [Леонтьев, 1979, № 262: 19—22].

В данном примере есть указание на материал, из которого данная постройка выполнена (белокаменная), также она по-особенному украшена (верхи бархатные). Ситуация предсвадебного общения пары, гуляния-игры соответствует описанию этого необычайно торжественного места встречи¹.

В свадебных песнях мы видим *хоромы* с отрицательной коннотацией. Это наблюдается, когда речь идет о «неправильном» доме будущего мужа:

Мало спалось — много грезилось:
Да что на нашей на улицы,
Что на нашей на улицы
Да тут **пуста** есть **хоромина**,
Да тут **пуста** есть **хоромина**,
Тут **пуста**, **непокрытая** [Песни Печоры, 1963, № 110: 13—14].

Таким образом, именно *хоромы*, а не *хоромины* являются предметом мечтаний, символом обеспеченности.

В словенском языке слово *hràma* обозначало строение, жилье, храм, покой, а в одном из диалектов польск. стар. *hròmina* использовалось для номинации *хижины* или *хаты* [Фасмер, 1987, с. 265]. Связь *хоромины* и *хаты* нашла отражение и в печорских причитаниях, где формулы с данными номинациями имеют ярко выраженное отрицательное значение: *злая лихая хата*, *лихая хоромина*. Такие определения используются в похоронно-поминальных плачах при передаче тех случаев, когда, например, после переезда в новый дом человека постигла скорая смерть:

Уж ты **зла хата** **уживчата**,
Ты **уживчата** да **не разживчата**
Ты повыжила мою да лебедь белую,
Ты повыжила да серу утицу [Базанов, 1962, № 38: 6—7];

Ты не пришел ко мне, бедный злосчастный,
Ты во **злу** **лиху** да во **хоромину**
Котора повыжила ты да повыгнала,
Тя, кормилица да чадо милого [Базанов, 1962, № 20: 195].

¹ Т. С. Канева отметила, что мотив «парень с девицей гулял в хороме, пытал ума-разума» выступает как изображение «игрища» — хоровода-знакомства, хоровода-ухаживания, и имеет символическое значение любовных, брачных отношений, благополучного завершения досвадебной игры-гуляния (см. [Канева, 2004]).

В первом примере мать оплакивает свою дочь, а во втором — сына. Таким образом, *хата* и *хоромина* становятся синонимичными в причитаниях и относятся к некоему строению, связанному с печалью и горем, к дому, который выжил человека, и его постигла смерть.

В четырех случаях в печорских контекстах *хоромы* шатаются, клонятся или переворачиваются вверх дном¹:

Так играл [Соломан] — те **хоромы** рассыпались,

Новы-то хоромы приклонились [Былины Печоры, 2001, Т. 2, № 274: 124];

За досадушку ему за великую,

Как ле вон послал, плечьми ободвери вывертывал [сила Скурлы],

Повернуть хотел **вверх дном хоромину** [Былины Печоры, 2001, Т. 2, № 203: 39].

В приведенных примерах мы видим, что царь Соломан играет в турий рог настолько сильно, что от звука страдают *хоромы*; во втором примере демонстрируется необычайная сила посланника Скурлы, противника князя Владимира, который с легкостью мог бы повредить строение.

Интересно отметить, что С. Е. Никитина и Е. Ю. Кукушкина в исследовании «Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах (опыт тезаурусного описания)» выделяют номинацию *хоромное строеньеице* [Никитина, Кукушкина, 2000, с. 69—75]. Данное определенное сочетание не встретилось нам в музыкально-поэтических жанрах Печоры.

Таким образом, не самая популярная в количественном отношении художественная единица оказалась весьма интересной в плане сравнительной характеристики и на примере печорского фольклора продемонстрировала различные грани художественной реализации.

Номинации *хоромы* и *хоромина* четко разделены по своему значению: первые — большие, принадлежат знати в былинах, символизируют благополучие в песенных жанрах и свадебном причитании; вторые — гораздо более скромные по размеру постройки, принадлежащие в былинах Илье Муромцу, сыну простых крестьян. *Хоромины* могут выживать человека и символизировать человеческое горе. В похоронно-поминальных причитаниях (в формуле с синонимичной номинацией *хата*) *хороминой* названо местожительство покойного. В данных печорских плачах находит отражение только форма *хоромины*. В песенных жанрах формула *пустая непокрытая хоромина* относится к жилищу жениха, чужому месту для невесты. *Хоромины* в музыкально-поэтических жанрах Печоры объединяет принадлежность к миру «чужому», даже в некотором смысле агрессивному и враждебному.

Список литературы

Ангеловская, 2013 — Ангеловская Л. В. Новые записи усть-цилемских былин в Фольклорном архиве Сыктывкарского университета // Народная культура в слове и тексте : сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2013. С. 228—239.

Ангеловская, Канева, 2018 — Ангеловская Л. В., Канева Т. С. Пижемская эпическая песня о Бутмане: новые записи. Нотировки Е. А. Дороховой // Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: К юбилею Ю. А. Новикова (Из истории русской фольклористики. Вып. 10.). СПб.: Свое издательство, 2018. С. 126—153.

Базанов, 1962 — Русская народно-бытовая лирика. Причитания Северного края в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942—1945 гг. / Вступ. ст. и коммент. В. Г. Базанова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 598 с.

Байбури, 1983 — Байбури А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1983. 188 с.

¹ Стоит отметить, что для печорских былин данная сюжетная ситуация не редкость. В некоторых случаях это маркирует иномирность героев. Например, гридня дрожит от свиста Соловья-разбойника, крыльцо качается и перила клонятся, когда в дом пытается зайти Идолице. Однако в ряде случаев это указывает и на необычайную силу «своего» героя: от поступи Игнатия и Добрыни Никитича сгибаются лесенки, от поступи Ильи Муромца пол скрипит и половицы чуть не ломаются.

Былины Печоры, 2001 — Былины Печоры / изд. подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; отв. ред. А. А. Горелов. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1—2 (Свод русского фольклора. Былины : в 25 т.).

Власов и др., 1992 — А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села) / сост. А. Н. Власов (отв.), З. Н. Бильчук, Т. С. Канева. СПб.: ИнКА, 1992. 354 с.

Даль, 1980 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: русский язык, 1980. Т. 4. 561 с.

Дронова, 2013 — Дронова Т. И. Семья и брак староверов Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в повседневной и обрядовой жизни (середина XIX — начало XXI века). Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2013. 192 с.

Ивашко, 2005 — Словарь русских говоров Низовой Печоры : в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. Т. 2. 403 с.

Ильина, 2013 — Ильина Ю. Н. Культурные коды в реализациях мотива приложения (сравнения) умершего (на материале усть-цилемских причитаний) // Народная культура в слове и тексте : сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2013. С. 89—95.

Канева, 2004 — Канева Т. С. Тема «гуляния» в усть-цилемском песенно-игровом фольклоре (к вопросу о логике хороводного текста) // Этнопоэтика и традиция. К 70-летию члена корреспондента РАН Виктора Михайловича Гацака : сборник статей. М.: Наука, 2004. С. 158—159.

Канева и др., 2008 — Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни. Научное издание / сост.: Т. С. Канева (отв.), А. Н. Власов, А. Н. Захаров, Ю. И. Марченко, З. Н. Мехреньгина, Е. А. Шевченко. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. 352 с.

Канева, 2009 — Канева Т. С. «Книга», «письмо-грамота» в печорском эпосе // Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов музеев» к 20-летию отдела редкой и рукописной книги Научной библиотеки Сыктывкарского университета (15—16 мая 2008 г., г. Сыктывкар) / отв. ред. Е. В. Прокуратова. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. С. 268—274.

Канева, 2010 — Канева Т. С. «Страна советская» в усть-цилемских причитаниях (по записям экспедиции 1942 г.) // Образный мир традиционной культуры : сборник статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 286—293.

Канева, 2013 — Печорские причитания и заметки о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г. (из полевых дневников А. М. Астаховой) / публикация и комментарии Т. С. Каневой // Из истории русской фольклористики. М.: Наука, 2013. Вып. 8. С. 109—146.

Канева, 2015 — Канева Т. С. Война в усть-цилемской причете: образно-тематическая характеристика // Традиционная культура : научный альманах. 2015. № 2. С. 7—18

Канева, 2017 — Канева Т. С. Лес в печорском фольклоре (реализация образа в музыкально-поэтических жанрах) // Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума : сборник трудов к 90-летию Таисии Яковлевны Гринфельд-Зингурс. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 72—85 (Серия «Слово и текст в контексте культуры». Вып. 1).

Колпакова, 1973 — Лирика русской свадьбы / изд. подгот. Н. П. Колпакова. Л.: Наука, 1973. 321 с.

Леонтьев, 1939 — Леонтьев Н. П. Печорский фольклор. Архангельск: Архангельское обл. изд-во, 1939. 172 с.

Леонтьев, 1979 — Леонтьев Н. П. Печорские былины и песни. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1979.

Никитина, Кукушкина, 2000 — Никитина С. Е., Кукушкина Е. Ю. Дом в свадебных причитаниях и духовных стихах: (Опыт тезаурусного описания). М.: ИЯз РАН, 2000. 215 с.

Ончуков, 1908 — Ончуков Н. Е. Печорские стихи и песни, [записанные на Низовой Печоре]. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ., 1908. 38 с.

Песни Печоры, 1963 — Песни Печоры / изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 459 с.

Плотникова, Усачева, 1999 — Плотникова А. А., Усачева В. В. Дом // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 3. С. 116—120.

Смолицкий, 1993 — Смолицкий В. Г. Русь избяная. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1993. 104 с.

Фасмер, 1987 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М.: прогресс, 1987. Т. 4. 265 с.

Цивьян, 2000 — Цивьян Т. В. Архетипический образ дома в народном сознании // Живая старина. 2000. № 2. С. 2—4.

Югай, 2019 — Югай Е. Ф. Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке. М.: Индрик, 2019.

Таблица

**Хоромы / хоромины в музыкально-поэтических жанрах Печоры:
определения в количественных показателях**

<i>ХОРОМА/ ХОРОМЫ, ХОРОМИНА/ ХОРОМИНЫ</i>	<i>БЫЛИНЫ</i>	<i>ПРИЧИТАНИЯ</i>		<i>ПЕСЕННЫЕ ЖАНРЫ</i>			
		<i>Свадебные</i>	<i>Похоронно-поминальные</i>	<i>Свадебные припевки</i>	<i>Свадебные</i>	<i>Хороводные игровые, плясовые</i>	<i>Исторические песни, баллады, лирические протяжные песни</i>
<i>Без определения</i>	3	-	1	1	-	3	-
<i>Белокаменна</i>	-	-	-	-	-	1	-
<i>Белокаменны, белокаменные, верхи белобархатные</i>	-	-	-	-	-	1	-
<i>Высокая</i>	-	1	-	2	-	-	-
<i>Злая</i>	-	-	2	-	-	-	1
<i>Злая лихая</i>	-	-	2	-	-	-	-
<i>Лихая</i>	-	-	1	-	-	-	-
<i>Новые</i>	1	-	-	-	-	-	-
<i>Посторонняя</i>	1	-	-	-	-	-	-
<i>Пустая</i>	-	-	-	2	-	-	-
<i>Пустая непокрытая</i>	-	-	-	2	-	-	-
<i>Широкие</i>	1	-	-	-	-	-	-
	6	1	6	7	0	5	1

Формирование умений описывать предмет речи на уроках русского языка

Formation of skills to describe the subject of speech in Russian language

***Аннотация.** Статья посвящена проблеме формирования у учащихся умений описывать предмет речи. Рассматриваются основные этапы работы, типичные ошибки учащихся при написании сочинений описаний.*

***Ключевые слова:** описание, описание внешности, сочинение, этап работы*

***Abstract.** The article is devoted to the problem of the formation of students' skills to describe the subject of speech. The main stages of the work are considered, typical mistakes of students when writing essays descriptions.*

***Keywords:** description, description of appearance, essay, stage of work*

Федеральный государственный образовательный стандарт в качестве одного из важнейших требований к работе современной школы определяет необходимость формирования умения «осознанно использовать речевые средства в соответствии с задачей коммуникации» [Федеральный государственный образовательный стандарт, с. 7]. Реализация данного требования осуществляется в процессе развития связной устной и письменной речи учащихся, в частности при подготовке сочинений разных функционально-смысловых типов речи, в том числе и описания.

Анализируемая проблема не является новой для школы. Так, в известном учебном пособии «Система обучения сочинениям на уроках русского языка в 5—9 классах» под редакцией Т. А. Ладыженской [Ладыженская, 1978] всесторонне рассматриваются содержание школьных описаний разных видов (например, о чем может писать ученик, описывая предмет, животное или природу, какие части целого и их признаки при этом могут быть выделены и др.), особенности обучения описаниям разных стилей (в первую очередь деловому и художественному описанию), этапы работы над сочинениями-описаниями разных видов (в какой последовательности должно быть организовано обучение, например обучение описанию животного: от описания хорошо знакомого учащемуся животного, живущего в семье юного автора, — к описанию животного, за которым учащиеся наблюдали на экскурсии в зоопарк).

Задачи данной статьи — представить, во-первых, помимо лингводидактического, риторический взгляд на рассматриваемую проблему, во-вторых, в соответствии с современными требованиями к результатам обучения рассмотреть работу по поэтапному формированию частных предметных действий, способствующих развитию общего умения писать сочинение-описание.

Изучение любого функционально-смыслового типа речи начинается с анализа текстов. Так, работа над описанием предполагает знакомство учащихся с образцами текстов разных видов:

— с точки зрения объекта описания: описание природы, внешности (человека и животного), действий, отдельного предмета, более сложных объектов: скульптуры, памятников архитектуры и др.;

— с точки зрения стилистической: деловое и художественное описание. Например, описание кабинета А. П. Чехова в усадьбе Мелихово.

Лучшая комната в доме — самая большая, теплая и светлая, с двумя итальянскими окнами и камином — кабинет А. П. Чехова.

В кабинете стояли большой письменный стол, большая тахта и небольшой переносной столик. По стенам кабинета или библиотечные полки с книгами по медицине и литературе. На столе много предметов из бронзы и слоновой кости. На подоконнике —

склянки с лекарствами. На стенах портреты, в том числе портрет Толстого, миниатюрная акварель, изображающая лужайку с тремя березами.

(По К. Виноградовой)

Анализ текста описания, в том числе и данного текста, включает в себя:

I. Определение задачи автора: сообщить, констатировать. Задача данного текста — перечислить части целого — кабинета (стол, тахта, столик, полки и др.), определить их местоположение (*по стенам* — библиотечные полки, *на столе* — предметы из бронзы и слоновой кости, *на подоконнике* — склянки с лекарствами, *на стенах* — портреты); назвать признаки предметов (*большой письменный стол, библиотечные полки с книгами по медицине и литературе, миниатюрная акварель, изображающая лужайку с тремя березами*); дать оценку (*лучшая комната*).

II. Анализ темо-рематических отношений в тексте. В данном тексте тема сообщает о местоположении предметов интерьера, рема называет предмет, находящийся в указанном месте:

Т	Р	Р
В кабинете стояли большой письменный стол,	большая тахта и	
Р	Т	Р
небольшой переносной столик. По стенам кабинета шли библиотечные		
Т	Р	
полки... На столе много предметов из... и т. д.		

Анализ текстов-описаний разных видов позволяет выделить в них следующее соотношение темы и ремы:

Вид описания	Тема (данное)	Рема (новое)
описание предмета	предмет (его части)	признак
описание места	местоположение	предмет
описание внешности	детали внешности	признак
описание природы	объект природы	состояние
описание действий	действие	признак

III. Композиционный анализ.

Композиционная схема описания:

1. Вступление — общее впечатление о предмете описания (в анализируемом тексте общее впечатление сводится к тому, что кабинет Чехова — лучшая комната в доме).

2. Основная часть текста — описание частей, их признаков (в рассматриваемом тексте перечисляются предметы интерьера, их признаки, определяется их местоположение).

3. Заключение — оценка предмета описания (строение данного текста является типичным для описаний, так как в них третья, заключительная, часть нередко отсутствует).

IV. Анализ языковых средств. Для текстов-описаний характерно использование:

— существительных, которые называют предметы и их части (в анализируемом тексте: комната, стол, тахта, полки, подоконник и др.);

— прилагательных, наречий, дающих качественную характеристику предмета, его признаков (комната — лучшая, самая большая, теплая, светлая; стол — большой, письменный и под.);

— глаголов. В описании помещения глаголы используются нечасто. В рассматриваемом тексте глаголы помогают назвать местоположение предмета (стояли). Кроме того, в описаниях глаголы могут получать значение признака, свойства (желтеет, серебрится и под.) и не выражать активного действия или вообще отсутствовать (в трех последних предложениях текста глаголы опускаются);

— синонимов, описательных оборотов, родо-видовых понятий (комната — кабинет).

У. Интонационный анализ. Интонация описательных текстов, как правило, перечислительная, спокойная.

Помимо подобного лингвистического анализа текстов-описаний, учащимся полезно познакомиться с некоторыми риторическими рекомендациями, предлагаемыми авторами классических и современных риторик.

Так, Н. Н. Кошанский выделяет три части описания: начало, середину, конец. Рассмотрим рекомендации автора в отношении трех названных частей (фрагмент работы Н. Н. Кошанского цитируется по пособию А. К. Михальской¹; высказывания Н. Н. Кошанского выделены курсивом).

1. Начало описания.

а) Можно обратиться к предмету описания «в живом и сильном чувстве»: О мышь! Современному читателю подобное обращение может показаться устарелым. Однако и в современных речевых ситуациях зачин — восклицание может быть уместным (человек вернулся после долгого отсутствия, увидел свой дом, школу, разбирает старые вещи — увидел любимую игрушку, детский дневник).

б) Можно сказать о времени дня или года, когда описывается предмет (подобное начало используется при описании изменяющегося предмета, например дерева — зимой береза выглядит не так, как летом).

в) Сказать о месте, где предмет находится или встречен. Обращаясь к подобному зачину, нужно помнить, что сначала дается общая картина окружающего, а потом взгляд как бы фокусируется на предмете, нередко описывается приближение к нему. Взгляд автора (направление взора) — очень важный инструмент создания описания. Классические описания, которые можно найти в романах XVIII—XIX веков, нередко используют именно его: взгляд автора (или героя) романа работает как кинокамера: общий план, «наездка», крупный план, планы отдельных деталей. Так, например, строится описание средневекового замка в романе Вальтера Скотта «Квентин Дорвард»: герои приближаются к месту, где расположен замок. Сообщается, что они видят вокруг (они «остановились, чтоб поглядеть на замо́к»). Взгляд их движется к предмету (замку) и постепенно проникает внутрь, минуя ров, зубчатые крепостные стены (три их ряда, от внешнего до внутреннего). Направление взгляда диктует и структуру описания: последовательно от внешнего к внутреннему (самому центру, высокой башне замка) описывается все, что видят герои.

II. Середина описания. В средней части описания нужно учитывать характер предмета:

— если предмет «бездействует» (это озеро, холм и пр.), описываются перемены в нем в разное время;

— если это неодушевленный (физический) предмет и он как целое состоит из частей (город, сад, деревня), то описываются его отдельные части, даются картины с разных сторон;

— если это действующее лицо («герой»), то описываются его свойства и действия.

III. В конце описания Н. Н. Кошанский рекомендует особо выразить собственные чувства и желания.

Эти и многие другие рекомендации классических и современных риторик могут быть оформлены в виде памятки.

Как описать предмет речи?

1. Определить основную мысль описания, того, ради чего создается высказывание.
2. Определить главную, характерную черту (свойство) или деталь (часть), определяющие сущность предмета, и отобрать соответствующие признаки.
3. Создать образ, основанный на характерной, главной черте, существенном признаке предмета.
4. Найти интересное сравнение, которое поможет полнее описать предмет речи.

¹ Михальская А. К. Основы риторики. М.: Дрофа, 2001. С. 209—212.

5. Выбрать позицию, точку, направление, с которых будет описываться предмет (для описаний помещения и местности).

Рассмотрим, как на основании выделенных требований может строиться работа по написанию сочинений-описаний.

Выявление основной мысли будущего высказывания является важнейшей составляющей при подготовке любого сочинения.

Работа по определению основной мысли может начинаться при подготовке изложений-описаний, например при написании выборочных изложений «Отец и сын» (по главе из рассказа М. Шолохова «Судьба человека»), «Описание подземелья» по отрывку из повести В. Г. Короленко «Дети подземелья».

Анализ основной мысли при написании сочинений может быть проведен при описании картины (репродукции), поскольку методисты отмечают, что изображенное на картине уже выражает определенную мысль художника [Ладыженская, 1978, с. 74], задача учащихся при этом — осознать основную мысль, выраженную автором. С этой целью на занятиях могут использоваться репродукции в школьных учебниках. Например, основную мысль фотографии В. Гиппенрейтера «Зарянка» учащиеся определили следующим образом: Великолепие русской природы — в ее простоте, неброскости. При описании внешности матери и сына на картине В. Е. Маковского «Свидание» основная мысль была сформулирована как сочувственное отношение художника к героям картины, покорно принимающим свою судьбу.

Серьезные затруднения испытывают учащиеся при выполнении требования правильно выбрать характерную черту или деталь предмета описания. Типичная ошибка при этом состоит в перечислении случайных признаков предмета описания или в детальном перечислении основных частей целого и их признаков, не отражающих основную мысль. Приведем в качестве примера полное сочинение ученика.

Портрет моего друга

Лицо моего друга круглое. Волосы светлые, короткие. Глаза серые. У него прямой, широкий нос, румяные щеки и широкий подбородок.

Как видим, ученик постарался детально описать черты лица, однако представлены признаки предмета описания хаотично, в сочинении отсутствует замысел, основную мысль автор не определил.

В формировании умения определить основную мысль, связать ее с предметом описания можно выделить несколько этапов (рассмотрим эту работу на примере обучения описанию внешности человека).

1. Определить основную мысль описания внешности человека, находящегося в определенном состоянии: в момент радости, испуга, в то время, когда герой занимается важным, любимым или трудным делом.

Задания:

1. Прочитайте зачины сочинений описаний внешности. Определите, что объединяет эти зачины?

— Вечером, когда все уже сделано и мы уходим спать, мама садится к пианино и тихонько играет. Как же изменяется ее лицо в эти минуты!

— Интересно наблюдать за папой, когда он ведет машину.

— Моя сестренка решает задачу, а я не могу без улыбки наблюдать за ней.

2. Опишите ситуацию, в которой вы наблюдаете героя вашего описания. Используйте эту часть текста в качестве вступления. Соотнесите вступление с основной мыслью сочинения (каким вы хотите представить читателю своего героя, какое впечатление он должен произвести на читателя: понравиться, вызвать уважение, негодование, сожаление, симпатию и т. д.).

3. Опишите, как изменяется лицо вашего героя, если он:

а) вдруг получает приятное известие;

б) огорчается;

в) неожиданно пугается чего-то.

4. Опишите своего героя в тот момент, когда он занимается любимым делом.

Приведем сочинения, написанные после проведенной работы.

Моя мама проверяет тетради

Моя мама — учительница. Она часто проверяет тетради дома и всегда очень переживает за своих учеников. По лицу мамы легко определить, как ученик выполнил работу.

Вот мама хмурится, недовольно морщится, кончики губ приподнимаются, рядом с ними появляются вертикальные морщинки. Мама покачивает головой из стороны в сторону, как будто говорит про себя: «Нет, не так!». Да, не видать ученику хорошей оценки.

А сейчас мама начала проверять хорошую работу. Морщинки на ее лице разгладись. Мама довольно улыбается. Глаза заискрились. И головой она качает не из стороны в сторону, а сверху вниз. Это значит: «Молодец! Хорошо! Все правильно!».

Мама — равнодушный учитель. И все, что она чувствует, видно по ее лицу.

Основная мысль формулируется ученицей во вступлении: мама «всегда очень переживает за своих учеников» и в выводе: «Мама — равнодушный учитель».

Мой папа играет в бильярд

Когда папа подходит к бильярдному столу, он весь преображается.

Он берет кий, мелет его кончик и профессиональным движением постукивает кием по полу. Мгновенно меняется его лицо: оно становится сосредоточенным, даже жестким, каменным. Быстрым взглядом окидывает он стол, несколько секунд стоит молча, неподвижно, как бы просчитывая возможные варианты. Прищуривает один глаз, замирает, все мышцы на лице как бы застывают. Не дыша твердой рукой папа наносит кием сильный удар по шару. Шар уже в лунке! Тогда игрок оживает, прищур ястреба исчезает, мышцы лица расслабляются, на нем появляется улыбка.

Следующим этапом является описание внешности человека с заданием выделить главное в его облике безотносительно к конкретному эмоциональному состоянию. При этом сначала предлагаются заголовки, которые помогут учащимся сформулировать основную мысль («Наш неуклюжий сосед», «Моя подруга-задавака»). В дальнейшем предлагаемые заголовки сочинений не отражают основную мысль («Наш сосед», «Моя подруга»).

Приведем одно из сочинений как результат подобной работы.

Мой друг самый красивый

Мой друг считается самым красивым в нашем классе. Поэтому все мои подруги завидуют мне и тоже хотели бы с ним дружить.

У Марата узкое, немного вытянутое, смуглое лицо. На нем выделяются высокие скулы, они кажутся еще более смуглого цвета, чем все лицо. Глаза очень большие, темно-карие, почти черные, с длинными ресницами. Брови тоже темные, овальной формы, только серединка каждой брови немного нарушает овал, потому что приподнимается маленьким домиком. Поэтому кажется, что он всегда чему-то удивляется.

Если бы Марат был девочкой, я бы подумала, что он много времени тратит на то, чтобы добиться такой красоты. Но мы с ним всегда вместе, и я знаю, что его красота натуральная.

Основная мысль формулируется в заголовке, почти дословно повторяется во вступительной части сочинения и уточняется в заключении.

Одно из риторических требований, предъявляемых к описанию, — подбор точного сравнения (Мих.). Начинается эта работа со знакомства с художественным приемом сравнения, выделения трех его элементов: I элемент: что сравнивается, II элемент: с чем сравнивается, III элемент: на основании чего происходит сравнение, какой признак лежит в основе сравнения. Формирование умения подбирать простое сравнение к предметам и их частям в предложенных образцах можно начать с работы по картине (репродукции). Например, рассматривая фотографию В. Гиппнрейтера «Зарянка», учащиеся предлагают,

с чем можно сравнить глаз птички, ее клюв, лапки; по картине И. И. Машкова «Клубника и белый кувшин» обсуждают, с чем можно сравнить ягоды малины, клубники, смородины.

Далее ученики подбирают сравнения к самостоятельно выбранным предметам речи. Вот, например, какие сравнения были использованы в сочинениях-описаниях внешности: Она (сестренка) похожа на солнышко, благодаря ей в нашем доме всегда светло; мама порхает по кухне, как бабочка; моя кудесница (бабушка) держится величаво и уверенно за работой (речь идет о вязании), сидя в кресле, словно на троне.

На следующем этапе работы по использованию сравнения задание может усложняться: нужно не только ввести сравнение, но и объяснить (мотивировать) его выбор. В качестве образца предлагался отрывок из рассказа Е. Носова «Белый гусь»:

Позабыв о вражде, залюбовался я птицей. Стоял он, залитый солнцем, на краю луга, над самой рекой. Тугие перья одно к одному так ладно пригнаны, что казалось, будто гусь высечен из глыбы рафинада. Солнечные лучи просвечивают перья, зарываясь в их глубине точно так же, как они отсвечивают в куске рафинада.

Обсуждая содержательную связь 2-го и 3-го предложений, отмечаем, что второе предложение представляет собой сравнение птицы с куском рафинада, а в третьем предложении автор разъясняет причину использования такого сравнения.

На следующем этапе происходит знакомство с развернутым сравнением (в этом случае сравнение происходит не по одному, а по нескольким признакам). Для анализа предлагается описание пения виноградарей из рассказа М. Горького «Старуха Изергиль»:

Каждый голос женщин звучал совершенно отдельно, все они казались разноцветными ручьями и, точно скатываясь откуда-то сверху по уступам, прыгая и звеня, вливаясь в густую волну мужских голосов, плавно лившуюся вверх, тонули в ней, вырывались из нее, заглушали ее и снова один за другим взвизывались, чистые и сильные, высоко вверх.

В процессе анализа отрывка выясняется, по каким признакам осуществляется сравнение женских голосов с разноцветными ручьями (голоса, как ручьи, скатываются по уступам; вливаются, как ручьи в реку, в волну мужских голосов; тонут, вырываются, как это происходит с ручьями, поглощаемыми волнами реки).

Анализ образцов становится основой для создания учащимися своих сравнений (простых и развернутых), использования мотивировок для ранее подобранных сравнений. Например: Щеки моей бабушки похожи на печеное яблочко. Они, как кожица яблочка, изрезаны тонкими морщинками, их хочется погладить, чтобы щеки бабушки были гладкими, как на старых фотографиях, которые мы с бабулей иногда рассматриваем.

Умение выделить основную черту, определяющую сущность предмета, и отобрать соответствующие признаки тесно связано с предыдущими умениями, и прежде всего с умением определить замысел описания и сформулировать основную мысль сочинения.

Еще одно требование к описанию, прежде всего к описанию зданий, памятников, местности и под., названное в памятке и выделяемое авторами и классических, и современных риторик, — выбор позиции, точки, направления, с которых будет описываться предмет.

Над формированием соответствующего умения можно работать, во-первых, при подготовке сочинений-описаний памятника (эта работа детально описана в многочисленных статьях журнала «Русский язык в школе», поэтому рассматривать ее не будем), во-вторых, при подготовке сочинений, в которых описывается вид сверху (например, при описании местности).

Сравним два описания вида сверху.

1. При комнате имелся балкон, в который новоиспеченная москвичка сразу влюбилась. Был он широкий, с ажурной чугунной решеткой, и — что особенно пленяло своей бессмысленностью — в ограду врезана калитка.

Коломбина оттолкнула тугой засов, распахнула тяжелую дверку, глянула вниз. Под носками туфель, далеко-далеко, ехали маленькие экипажи, ползли куда-то игрушечные человечки. На другой стороне, только ниже, блестела железная крыша. Из-под нее чуть не

до середины переулка выпятилась перпендикуляром диковинная жестяная фигура: упитанный ангел с белыми крыльями, под ним покачивающаяся вывеска «Страховая компания Мёбиус и сыновья».

(По Б. Акунину)

2. Наконец он расхрабрился и чуть-чуть приоткрыл глаза. Справа и слева мелькали серые крылья диких гусей. Над самой головой Нильса, чуть не задевая его, проплывали облака, а далеко-далеко внизу зеленела земля. Она была совсем не похожа на землю. Казалось, что кто-то расстелил под ними огромный клетчатый платок. Каких только клеток тут не было! Одни клетки — черные, другие желтовато-серые, третьи светло-зеленые.

Черные клетки — это только что вспаханная земля, зеленые клетки — осенние всходы, перезимовавшие под снегом, а желтовато-серые квадратики — это прошлогоднее жниво, по которому еще не прошел плуг крестьянина.

(С. Лагерлёф)

Если в 1-м тексте детали описания представлены подробно, в виде частей целого (экипажи, человечки, железная крыша, жестяная фигура, вывеска), то во 2-м тексте целое не членится на части, поскольку наблюдатель находится слишком высоко и не имеет возможности рассмотреть и детально описать части целого — земли, поэтому выделяется лишь признак целого (цвет клеток, видимых сверху).

Анализируя тексты, учащиеся осознают, что выбранная автором точка, с которой ведется описание, обуславливает отбор частей целого и их признаков и особенности их представления в сочинении.

Для формирования умения правильно выбирать точку описания могут быть предложены два описания одного объекта с разных позиций, например «Мой двор» и «Мой двор с высоты 9-го (7-го, 4-го и т. п.) этажа».

Таким образом, данная статья посвящена проблемам, которые не становились ранее предметом специального рассмотрения методических работ соответствующей тематики. Предложена работа над частными предметными действиями, которые способствуют формированию умений соотносить языковые средства, используемые в связном высказывании описательного характера, с темой и ситуацией общения.

Список литературы

Михальская, 2001 — Михальская А. К. Основы риторики. М.: Дрофа, 2001. 496 с.

Ладыженская, 1978 — Система обучения сочинениям на уроках русского языка / под ред. Т. А. Ладыженской. М.: Просвещение, 1978. 286 с.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования <https://base.garant.ru/55170507/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 25.10.2021).

Этнография и фольклор Усть-Сысольского уезда на страницах журнала «Вологодские епархиальные ведомости» (1864—1917 гг.)

“Ethnography and folklore from Ust-Sysolsky the district on the pages of magazine “Vologda Diocesan Vedomosti” (1864—1917)”.

Аннотация. Статья посвящена этнографическим и фольклорным материалам из Усть-Сысольского уезда, опубликованным в журнале «Вологодские епархиальные ведомости» (1864—1917 гг.). В ней рассматриваются духовно-нравственные стороны жизни коренного населения — коми (зырян). Авторами публикаций являются русские священники, принимавшие активное участие в распространении православия среди прихожан, многие из которых, особенно в Печорском крае, являлись старообрядцами. Большое внимание уделено описаниям быта местного населения: домов, промыслов, одежды, пищи, средства передвижения, истории возникновения приходов и населенных пунктов, а также календарным и семейным обрядам, суевериям и предрассудкам, преданиям, легендам, взаимоотношениям пастыря и паствы. Эта еще не введенная в научный оборот информация, несомненно, представляет ценнейший материал для исследователей народной культуры данного региона.

Ключевые слова: священник, прихожане — коми (зыряне), православие, старообрядчество, быт, обряды, обычаи, традиции, суеверия, легенды

Abstract. The article is devoted to ethnographic and folklore materials from the Ust-Sysolsky district, published in the journal "Vologda Diocesan Gazette" (1864—1917). It examines the spiritual and moral aspects of the life of the indigenous population — Komi (Zyryan). The authors of the publications are Russian priests who took an active part in spreading Orthodoxy among parishioners, many of whom, especially in the Pechora Region, were Old Believers. Much attention is paid to descriptions of the life of the local population: houses, crafts, clothing, food, means of transportation, the history of the emergence of parishes and settlements, as well as calendar and family rituals, superstitions and prejudices, legends, the relationship of the pastor and the flock. This information, which has not yet been introduced into scientific circulation, undoubtedly represents the most valuable material for researchers of the folk culture of this region.

Keywords: priest, Komi parishioners (Zyryans), Orthodoxy, Old Believers, everyday life, rituals, customs, traditions, superstitions, legends

В указателе этнографических и фольклорных материалов, опубликованных в неофициальном отделе журнала «Вологодские епархиальные ведомости», называемом «Прибавления» (далее — ВЕВ) с 1864 по 1917 год Усть-Сысольский уезд был упомянут пять раз [Розов, 2012]. Повторный просмотр журнала, сделанный в 2021 году, позволил увеличить количество публикаций по данному уезду.

Цель статьи — во-первых, ввести в научный оборот сведения о религиозно-духовной жизни местного населения, во-вторых, внести дополнительную информацию о корреспондентах ВЕВ, отсутствующую в современных работах исследователей. В отличие от опубликованного в 2012 году указателя в данной работе учитываются материалы о жизни коренного населения — коми, называемого в журнале «зырянами».

Редакция ВЕВ еще в 1865 году обратилась к духовенству епархии с просьбой присылать сведения «в роде народных сказаний и стихов, не исключая отсюда преданий и рассказов долголетних старцев, для верного изображения духовно-нравственного состояния местных жителей; ибо подобные исторические данные немало помогают объяснению причин развития, укоренения, поддержания тех или иных народных поверий, примет и т. п.; они пособят надлежащему, чуждому односторонностей, пониманию светлых и темных сторон в жизни народа и лучшему разоблачению нелепых и вредных для народной нравственности обычаев и суеверных действий» [От редакции, с. 470].

Для активизации деятельности вологодского духовенства редакция неоднократно публикует заимствованные из других изданий программы для ведения церковных летописей [*О заведении ... приходских летописей*, 1867, с. 65], в которых сообщались устные предания о местном приходе, приводились сведения о жилищах прихожан, их одежде, особенностях говора, суеверных представлениях о видимом и невидимом мире, о народной демонологии, о народном календаре с его обычаями и обрядами (рождение ребенка, крестины, свадьбы, похороны), а также произведения народного творчества: легенды, духовные стихи, сказки, песни, пословицы и т. д. [*Заметка*, 1896]. К сожалению, как и в подобных церковных журналах, все эти обращения не смогли перебороть инертность местного духовенства, в первую очередь сельского.

За все годы издания ВЕВ наиболее полно духовный мир крестьянства отразил очерк преподавателя Вологодской духовной семинарии Н. А. Заварина [*Заварин*, 1870]. Выпускник Московской духовной академии, он в своей работе продемонстрировал блестящее знание современной научной литературы и исторических источников. Однако Н. А. Заварин редко называет место, где был зафиксирован тот или иной приводимый материал (несколько раз он ссылается на Усть-Сысольский и Грязевский уезды). К сожалению, нет подробной биографии этого незаурядного корреспондента журнала, не известно, где он родился, но исходя из ряда свидетельств можно утверждать, что род священно-церковнослужителей Завариных связан с Усть-Сысольским уездом. Неслучайно Н. А. Заварин ссылается на материалы, зафиксированные у зырян.

В ночь на праздник апостолов Петра и Павла жители Печорского края собирают в лесу растение, называемое «Петров корень», или «Петров крест», так как оно имеет листья крестовидные на стволе. Каждый охотник, идя на промысел, надевает на шею рядом с нателным крестом бечевку, к которой прикрепляется «Петров крест», якобы, ограждающий его от всяких неприятностей. Дома этот «Петров крест» хранится на божнице. Кроме того, у охотников и рыбаков есть обычай — скакать через огонь. Для этого из леса перед рассветом приносят ветки можжевельника и пихты. Часть можжевельника кладут под матицу, а остальные ветки жгут прямо в избе и начинают скакать через костер. Ветки же пихты оставляют в доме на целый год. По мнению Н. А. Заварина, это рудимент языческого поклонения зырян деревьям. В Великий четверг зыряне идут в лес поклониться «лесному дяде» (аналог русскому лешему) и принести ему в дар пачку любимого им табака. Делается это для того, чтобы задобрить «лесного дядю», от которого, во-первых, зависит успех охоты, во-вторых, возможность обезопасить своих маленьких детей после неосторожных слов матери: «леший тебя унеси» [*Заварин*, 1870, № 1, с. 25—26].

В день Ильи Пророка в ряде мест зырянского края приносят в жертву быков, баранов или прочую скотину. Предназначенное в жертву животное заводят за церковную ограду, убивают, а потом разводят костер, ставят большой котел и варят мясо. Пар из этого котла считается жертвой Ильи-пророку. Сваренное мясо делится на две части, одна из которых предназначается причту, а вторая раздается всем присутствующим [*Заварин*, 1870, № 5, с. 175].

В одном из приходов Усть-Сысольского уезда накануне праздника Казанской Божьей Матери все жители, от малышей до стариков, идут в одну баню, где парятся вениками, приговаривая: «святая рябина, святая купальница и святой папорник». Выйдя из бани, развешивают веники на огороде и потом смотрят: изменил или не изменил веник свой цвет. Если цвет остался прежний, то владелец веника будет жить весь год хорошо; а если цвет стал черным, то это сулит несчастье, если же веник упал на землю, то это верный признак скорой смерти [*Заварин*, 1870, № 5, с. 175].

Специальную статью о религиозно-бытовой жизни зырян написал священник Ф. И. Орнатский (см. о нем: [*Топорова, Македонская*]) из села Ношуль, который отметил, что зыряне очень религиозны: активно посещают свой храм, заботятся о благоустройстве его, строго соблюдают посты, часто совершают паломничество по святым местам, почитают своего пастыря [*Орнатский*, 1905].

Однако, восприняв только внешнюю, обрядовую сущность христианства, зыряне во многом сохранили черты языческого мировоззрения, что особенно ярко проявляется в похоронных и поминальных обрядах. Тело умершего выносят в нежилую комнату, кладут на лавку, обмывают, одевают в чистую одежду, причесывают. Затем приносят сюда стол, накрытый чистой скатертью, и ставят его близко к покойному. На стол кладут: кутью, блины (обычно овсяные), пирог с рыбой и другие любимые умершим кушанья. Пока покойник находится в избе, стол не убирают. Считается, что первые дни после смерти душа родственники пытаются задобрить покойного, чтобы он не причинил им зла.

Кроме церковного поминовения умерших в родительские субботы, на Радоницу, у зырян есть и свое поминовение, в котором каждый отдельно вспоминает своих родных, заказывая заупокойные обедни, обычно осенью или зимой, когда заканчивается сезон сельскохозяйственных работ и люди имеют деньги. После обедни устраивается поминальный день с богатым угощением и выпивкой. Приготовленное угощение приносят в церковь и просят священника окропить его святой водой. После обедни и панихиды церковный причт приглашает помолиться и помянуть усопших на могилах, туда же приходят и нищие, которые поминают умерших просфорой, кутьей, пирогами и вином. К заупокойной молитве хозяева приурочивают еще молитву св. Власию, молясь о сохранении скота. Причетников награждают чем-то из продуктов скотоводства. После этого причт приглашают на дом для служения водосвятного молебна и для поминовения усопших. Дома хозяин сначала поминает усопших просфорой и кутьей, предлагая всем сидящим за столом сделать то же самое. Взяв в руки кусочек просфоры и ложку кутьи, хозяин становится перед иконами и, глядя на них, перечисляет всех умерших родственников, желая им всем блаженного упокоения. Потом все садятся за трапезу, при этом самое почетное место полагается причту; все остальные располагаются по степени родства, а также садятся уважаемые соседи. Женщины и нищие садятся за отдельным столом. Вином поят всех, включая и детей. Считается, что церковный причт обязан прийти на домашнее поминовение, иначе служение обедни будет бесполезным. По окончании трапезы торжественно провожают причетников. Все присутствующие на поминках выходят на крыльцо. Один из членов семьи держит в руках зажженную восковую свечу, хозяин стоит с угощением в руках, и все поют похоронные песнопения и причитают. После праздничной службы в храме начинается прием гостей. В это время дома открыты для всех желающих без исключения. Автор делает вывод о том, что зыряне не понимают сути христианской радости праздника. Для них праздник — это исключительно плотские наслаждения.

Однако далеко не все зыряне были православными: в ряде приходо́в, особенно в Печорском крае, среди них было распространено старообрядчество. Корреспондент ВЕБ З. Подъяков [*Поддьяков*, 1901, с. 687] приводит рассказ местного священника и заведующего Шугорской школой А. И. Покровского (см. о нем: [*Торопова, Македонская*]) о поведении старообрядцев во время эпидемии оспы в 1900 г. Они считают оспу священной болезнью, «Божьим даром» и категорически отказываются от прививки от этой болезни. Однажды А. И. Покровский увидел ученицу своей школы, которая бежала, держа в руках пряники. Он спросил, куда она бежит, та ответила, что мама послала ее за «Божьей оспой». Выяснилось, что девочка несла пряники больному оспой, о тело которого она должна была потереть пряник и съесть его.

В том же Печорском крае в 1904 году побывал епархиальный миссионер, священник Н. Н. Следников (см. о нем: [*Древо*]). Он также отмечал, что для местных старообрядцев зырян привитая оспа — это печать антихриста. У них существует поверье, что в могиле умершего от оспы человека все его ямочки, возникшие от оспы, покроются золотом. В том же дневнике дано описание некоторых обрядов местных староверов: обряда крещения, похорон с женским причитанием у могилы, поминания покойников, исповеди. Раскаиваются здешние зыряне так: старик кается старику, мужик — мужику, взрослый парень — другому парню, девушка — другой девушке; умирающий исповедуется своему брату [*Следников*, 1904].

Бытует предание, что когда зырянский кудесник Пам для устрашения св. Стефана неудачно попытался невинным пройти через огонь, то нежелающие креститься удалились за реку Печору.

Священник Слободской Николаевской церкви Е. И. Покровский (см. о нем: [Торопова, Македонская]) в своей публикации рассказывал о проводимых им чтениях и беседах на зырянском языке. Одной из главных целей этих мероприятий было убедить прихожан не нарушать святость воскресных и праздничных дней. Для того чтобы препятствовать праздничному разгулу, священник начинал беседы после вечерни. Кроме того, Е. И. Покровский раскрывал языческую сущность масленицы, осуждал святочные гадания, веру в реальность снов. Такое близкое общение с прихожанами, по мнению священника, позволило убедить их отказаться от обычая устраивать «братчину» перед праздником Рождества Христова. Для этого люди от 18 до 25 лет мужского и женского пола сбрасывались по 50 копеек и более, покупая на эти деньги закуску и выпивку и нанимая избу. Е. И. Покровский отмечал, что такая вечеринка не только является грехом для ее устроителей, но и для тех, кто отдает свой дом для собрания молодежи. Он просил родителей не отпускать на подобные сборища своих детей [Покровский, 1899].

Интересные, хотя и краткие материалы о духовной жизни крестьян Усть-Сысольского уезда содержатся в таких постоянных рубриках журнала, как «О периодических собраниях духовенства в Вологодской епархии» и «Отчеты о деятельности Вологодского Православного Братства во имя Всемилостивого Спаса». Так, собрание духовенства в 1869 году поручило двум священникам из округа благочинного В. Куратова составить описание местных суеверий, предрассудков и раскола в разных его видах [О периодических собраниях духовенства, 1869 а]. К сожалению, этот материал не нашел своего отражения на страницах ВЕВ. В том же году было отмечено, что в благочинии священника Небдинской Спасо-Преображенской церкви А. Заварина отсутствуют особо вредные суеверия; сохраняются лишь вера в сны и «встречи». Собрание постановило, что священники должны искоренять любые суеверия [О периодических собраниях духовенства, 1869 б].

В отчете об очередном общем собрании членов Вологодского православного братства за 1891 год [Общее собрание, 1891] отмечалось, что в V благочинническом округе сельский сход постановил брать штраф с глав семейств, отпускающих молодежь на ночные собрания. В отчете за 1892 год указывалось, что, по донесению благочинного I-го округа Григория Мысова, благодаря беседам наблюдается ослабление праздничного и масленичного разгула, хождение молодежи на посиделки, игр на гармонике и пение песен в дни Великого поста [Отчет о деятельности, 1892].

В 1896 году по инициативе историка, краеведа, редактора ВЕВ Н. И. Суворова в Вологде было открыто Древлехранище. С этого времени в отчеты Вологодского православного братства стали включаться отчеты о деятельности этого нового учреждения. В отчете за 1897/98 годы сообщалось, что семинарист Покровский собирал этнографический материал в Усть-Сысольском уезде, который был отправлен в «Этнографическое бюро» князя В. Н. Тенишева в Санкт-Петербурге [Отчет о состоянии и деятельности, 1898]. В отчете за 1898/99 годы отмечалось, что в Древлехранище поступило «былевое» сказание о «чудском пригорке» (200 верст от Усть-Сысольска), в котором рассказывается о борьбе местных туземцев с русскими колонистами [Отчет о состоянии и деятельности, 1899].

В ВЕВ нередко приводились местные легенды и предания. Например, настоятель Троицко-Стефановского Ульянинского монастыря иеромонах Матфий приводит предание о благочестивой девице Улиянии, утонувшей в реке Вычегде и выброшенной волнами на берег, где затем был основан монастырь, а местность получила название Ульяновки [Воззвание, 1867, с. 28].

В публикации из Вотчинского Богородице-Рождественского прихода рассказывается о том, что по народному преданию в Вотчинском Богородском храме особо почитаемая икона святителя Стефана, епископа Пермского, написана московскими иконописцами. Сохранилось предание, что эту икону в древности носили для молебствий крестным ходом на Усть-Вымь и Ижму и даже в Пермскую епархию. По указу Св. Синода от 1862 года

икону носят по Усть-Сысольскому и Яренскому уездам шесть недель [*Краткие исторические сведения*, 1905].

В статье о бывших когда-то на территории нынешней Вологодской губернии городков или городищ, перепечатанной из «Вологодских губернских ведомостей» перечисляются места в Усть-Сысольском уезде, где сохранились предания о «чуди» [*Краткие сведения*, 1889].

Любопытна заметка жителя села Усть-Кулом [*Устькулевец*, 1911], в которой автор развенчивает устойчивый слух о, якобы, явленной чудотворной иконе Покрова Богоматери в местечке Керес-бок, находящемся недалеко от села. (Отметим, что в работе Н. М. Македонской «Дело об учреждении женской общины в местности Крес-бек Усть-Сысольского уезда, Вологодской губернии» [*Македонская*], ссылки на публикацию в ВЕВ нет.) Благодаря слухам сюда началось паломничество не только из разных уездов Вологодской губернии, но даже из Пермской и Архангельской губерний. В этом местечке был ключ с чистой водой. Несколько женщин-зырянок решили устроить здесь женскую общину. Без разрешения властей они поставили крест, а в его середину врезали небольшую икону Покрова Богородицы, а в апреле 1907 года, втайне от всех, послали в Св. Синод прошение с просьбой открыть на собственные деньги здесь женскую общину, так как здесь была обнаружена явленная икона. Эти же женщины обратились к местному священнику, чтобы он разрешил устроить крестный ход к кресту и источнику. Новый священник дал разрешение. Во время молебна у четырех женщин и одного мужчины начался истерический припадок, прекратившийся после водосвятия и окропления святой водой всех собравшихся. Это событие жители села приписали целебной силе воды, взятой из ключа и молитвам Покрову Богородицы. В том же году был устроен еще один крестный ход к источнику. Там опять у некоторых богомольцев начался истерический припадок, который прекратился опять после окропления святой водой. Паломники брали воду из ключа, уносили домой, а потом рассказывали о чудесных исцелениях.

Местный пристав, наблюдая большое скопление людей, увидел в нем не религиозное проявление, а событие политического характера. После окончания крестного хода он вместе с урядником и сельским старостой пошел к ключу и исследовал местность и источник. Пристав решил, что люди падали в обморок от отравления водой, которая текла по местности, где местные жители зарывали падший скот. Автор заметки считает такой вывод пристава необоснованным, так как вода абсолютно чистая. Однако пристав послал свое заключение о местности и роднике губернатору, а потом это заключение попало епархиальному начальству. В то же самое время местный причт был допрошен епархиальными властями на предмет благонадежности, наличия денежных средств и чистоты намерений писавших прошение в Синод. Причт в своем донесении доложил, что эти женщины не слишком благонадежны, денег у них мало, а чистота намерений отсутствует. Осенью того же 1907 года Вологодская духовная консистория отклонила просьбу открыть женскую общину и запретила устраивать крестный ход на источник. Потом в 1908 и 1909 годах местные жители просили построить около ключа часовню, но получали отказ. Полиция убрала крест, поставленный около ключа, и установила его в приходской церкви. Тем не менее, вера людей в заступничество Покрова Богородицы и в целебность ключа не исчезла, как и массовое паломничество к роднику. Автор заметки делает вывод о том, что слух о явленной чудотворной иконе является ложным. Таким образом, эта молва не превратилась в предание.

Три публикации в ВЕВ представляют собой очерки и записки из дневников священников, которые совершили нелегкое путешествие из Вологды в Печорский край. В них содержится много этнографических материалов: о религиозно-нравственной жизни местных старообрядцев и православных, занятиях населения, их домах, одежде, пище и т. д.

А. Попов часть весны и осени 1913 года прожил в Щугорском Стефановском приходе, расположенном на реке Печора (см. его публикацию: [*Попов*, 1914]). Эта местность не привлекала служителей церкви из-за своей удаленности, сурового климата, развития ста-

рообрядчества, а также тем, что основные жители здесь зыряне, поэтому многие священники, получив в этой местности приход, старались поскорее уехать отсюда. Из-за этого многие приходы не имели пастырей.

Подробно описывал А. Попов земские станции («зимники»), предназначенные для отдыха ездоков, ямщиков и замены лошадей. С горечью наблюдал он, как жители некоторых сел (мужчины, женщины и молодежь) занимались рубкой и поджиганием леса для будущих пашен под посев хлеба. При этом истребляется много строительного леса. Обращал внимание автор на местные способы защиты от комаров и мошек в домах и вне их, изготовление лыж, на одежду и пищу жителей Щугорского прихода, женские и мужские занятия в разных населенных пунктах в летний и зимний периоды.

Отметив, что в Щугорском приходе благодаря царскому указу от 17 апреля 1905 года о веротерпимости наблюдается усиление старообрядчества в виде поморского беспоповского согласия, А. Попов писал, что только несколько человек придерживались строгих старых правил: сторонятся православных, не пьют чай и вино, не курят. Большинство же молодых и даже старых староверов, называемых здесь «мирскими», пьют чай, вино и тайком курят; некоторые из них даже здороваются и прощаются с православными за руку. Раскольники и православные, склонные к расколу, в церковь не ходят, поэтому даже в праздники в храме присутствует не более 30-ти — 40-ка человек, а в обыкновенные дни — 15—20, поэтому доходы причта мизерны. Кроме того, духовенству здесь невозможно найти для себя прислугу: староверки никогда не пойдут в услужение к священнику, а православные женщины заняты домашними работами.

Не признавая церковного венчания, староверы отмечают свои браки только в книгах волостного правления о желании соединиться брачными узами при свидетелях с обеих сторон и заплетанием волос невесты в косу. Всё это ведет к тому, что многие пары, как старообрядцы, так и православные, живут друг с другом еще и до записи в волостном правлении. Если в результате такого сожительства рождаются дети, то такая молодая женщина лишается надежды выйти замуж и еще более становится безразличной.

В конце своей публикации А. Попов подчеркивал, что стремление не только членов причта, но служащих других ведомств поскорее уехать из Щугорского прихода объясняется, во-первых, отдаленностью края, во-вторых, отсутствием сухопутных дорог.

Протоиерей Павел Александрович Бартенев (см. о нем: [Топорова, Македонская; Георгиевский образок; История храма св. вмч. Георгия]), прослуживший два года и пять месяцев (с 1889 г.) в с. Троицко-Печорск Усть-Сысольского уезда, которое находилось в Вилегодском Николаевском приходе, писал, что, в отличие от заметок А. Попова, у него остались самые теплые воспоминания о Печорском крае, поразившем его своей красотой. Здесь живут одни только зыряне, и автору, не знавшему ни слова по-зырянски, на первых порах было трудно общаться с прихожанами. Помогало то, что почти все мужчины знали русский язык, женщины же по-русски не знали ни слова.

Когда П. А. Бартенев приехал вместе с семьей в Троицко-Печорск, здесь продолжали отмечать престольный праздник — Троицу. Мужчины, женщины, парни и девушки, разгуливая по улицам, распевали русские песни. Даже те женщины, которые не знали русского языка, пели русские песни, так как зырянских песен здесь не было. П. А. Бартенева поразило то, что мужчины и женщины ходили по улицам обнявшись, хотя и не были супружескими парами. Это проявление бесстыдства автор объясняет влиянием раскола беспоповского толка, который здесь распространен. Существовал обычай, по которому накануне венчания жених и невеста вместе ходили в баню. Священник разогнал бесчинно веселящуюся толпу женщин, среди которых веселился и дьякон.

Местные раскольники принадлежали к поморскому толку. Венчались они в церкви. Однако святость церковного брака они не признавали, а венчание было нужно для них, чтобы приобрести известные права. В селе раскольников было немного, а в приходских деревнях их было больше, чем православных. Раскольники никогда в церковь не ходили, не принимали церковных молитв. Некоторые из них в старости перекрещивались, что означало окон-

чательный переход в раскол. Были случаи, когда человек умирал после такого крещения зимой в холодной воде. Раскольники имели свои кладбища. П. А. Бартенев с этим боролся, поэтому раскольники, чтобы не быть похороненными на церковном кладбище, отправлялись в другие места и даже лесные избышки, чтобы после смерти их похоронили там.

При посещении деревень автору приходилось совершать чин погребения на могилах, предварительно взяв подписку от родственников умершего и от сотского, что тот (та) или иной (иная) похоронен действительно здесь. Раскольники часто обманывали священника — показывали не настоящее место захоронения, а простой бугорок. Несколько раз автор раскрывал этот обман, приказывая раскопать ложную могилу.

Многие раскольники числились православными, хотя некоторые из них не были даже крещеными. П. А. Бартенев потребовал, чтобы они крестили своих детей и отпевали умерших в церкви. Раскольники отстаивали свое право крестить детей вне храма.

Подробно описывал автор распространенный здесь обычай изготовления церковного пива к празднику. За несколько дней до праздника церковный староста, с согласия священника или без согласия, собирает по своему и соседнему приходам рожь на церковное дело. Кроме ржи ему дают и другие продукты земледелия. Приблизительно половина собранного зерна идет на солод. Одна из деревень принимает на себя изготовление пива, считая этот процесс святым делом. Перед праздником пиво привозят к церкви. Если праздник зимний, то храм между утреней и обедней переполнен людьми. Женщины сидят на полу, у каждой в руках туес (берестяной сосуд) для пива. После окончания обедни священник совершает молебен около пива, а потом освящает его. Во время церковной службы устраивается кружечный сбор за пиво. После этого все начинают черпать пиво из чанов. Те, кто получил свою порцию пива, идут к своим родственникам и знакомым. У всех есть закуска, некоторые приносят с собой водку.

Такое празднование П. А. Бартенев увидел, когда только что приехал в приход. От служения около чанов с пивом он отказался. Второй раз пивной праздник происходил тогда, когда священник уезжал на новое место службы. Этот праздник устраивал родственник благочинного в часовне, которую построил на свои деньги (см. публикацию: [Бартенев, 1914]).

Уроженец г. Усть-Сысольска Я. В. Спасский (см. о нем: [Новомученики]) стал первым священником в Роздинском приходе, образованном, по его словам, в 1908 году (до этого времени село Роздино входило в состав Помоздинского Успенского прихода). Он служил здесь с августа 1908 до октября 1911 года и опубликовал большой очерк о своей здесь службе [Спасский, 1915]. Эта работа не упомянута в атласе И. Д. Воронцовой [Историко-культурный атлас г. Ухты, 2009].

Я. В. Спасский рассказывал о своем путешествии вместе с семьей к месту будущего служения, описывал устройство зимниц, где останавливались для отдыха ямщики и их клиенты. По преданию, село Роздино было основано в 1835 году двумя семьями Уляшевых. Постепенно возникла борьба за земельные угодья. Эта борьба продолжалась очень долго, и потомки двух родов первопоселенцев враждуют до сих пор. Далее автор перечислял населенные пункты прихода. До 1908 года Роздинский приход входил в состав Помоздинского Успенского прихода, но в этом же году стал самостоятельным приходом. Так как Помоздинский приход был расположен очень далеко от Роздина, то причт сюда приезжал очень редко. Из-за этого у Я. В. Спасского в первый год служения возникли трудности: прихожане не понимали сущности церковно-приходской жизни, у них не было привычки соблюдать посты, исповедаться и причащаться. Священнику пришлось весь Великий пост произносить проповеди о вреде пьянства, о последствиях за отказ исповедаться и причаститься. Спокойствию в Великий пост вредят перекупщики-«прасолы», которые привозят с собой огромное количество спиртного.

Автор писал о занятиях местного зырянского населения: охоте и рыболовстве, в котором принимали участие и женщины, зарубке и сплаве леса, хлебопашестве и скотоводстве, оленеводстве, зимнем извозе, отхожих промыслах. К сезону охоты готовились заранее, так как всё это продолжительное время (с середины сентября и до конца ноября) люди живут

в охотничьих избушках, где на досуге поют песни, рассказывают сказки и разные охотничьи истории.

Подробно рассказывал Я. В. Спасский о подчас драматических случаях, возникавших из-за сурового местного климата, во время совершения им треб. В отличие от публикаций А. Попова и П. Бартечева автор очерка мало отразил религиозно-нравственный облик своих прихожан и не отметил, были ли среди них староверы.

Опубликованные на страницах ВЕБ разнообразные материалы по религиозно-нравственной жизни в основном коренного населения Усть-Сысольского уезда представляют собой, несомненно, ценнейший материал для исследователей народной культуры данного региона.

Список литературы

Бартечев, 1914. — Бартечев П. Воспоминания о моей жизни в Печерском крае Усть-Сысольского у. // Вологодские епархиальные ведомости. 1914. № 18 (15 сент.). С. 434—439; № 23 (1 дек.). С. 611—616; 1915. № 6 (15 марта). С. 155—160.

Воззвание, 1867 — Воззвание настоятеля Троице-Стефановского Ульяновского монастыря Усть-Сысольского у. Вологодской епархии, строителя иеромонаха Матфия, бывшего инока и наместника Соловецкой обители // Вологодские епархиальные ведомости. 1867. № 1 (1 янв.). С. 26—29.

Георгиевский образок — Георгиевский образок. Исторические заметки об одном провинциальном городке и его окрестностях. Список благочиний Владикавказской епархии со списком станиц, 1892 г. [Электронный ресурс]. URL: obrozok.livejournal.com/32250.html (дата обращения: 18.12.2021).

Древо — Древо. Открытая православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://drevo-info.ru/articles/13673390> (дата обращения: 18.12.2021).

Заварин, 1870 — Заварин Н. А. О суевериях и предрассудках, существующих в Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости. 1870. № 1 (1 янв.). С. 19—29; № 3 (1 февр.). С. 91—101; № 4 (15 февр.). С. 144—149; № 5 (1 марта). С. 166—179.

Заметка, 1896 — Заметка относительно описаний уездных приходов и церквей // Вологодские епархиальные ведомости. 1896. № 23 (1 дек.). С. 401—403 (перепечатка из «Вольских епархиальных ведомостей»).

Историко-культурный атлас г. Ухты, 2009 — Историко-культурный атлас г. Ухты: научно-популярная литература / ред.-сост. И. Д. Воронцова. Ухта, 2009 [Электронный ресурс]. URL: atlas.ukhta-lib.ru/извайль (дата обращения: 18.12.2021).

История храма св. вмч. Георгия — История храма св. вмч. Георгия Победоносца // Свято-Алексеевский собор города Самарканда [Электронный ресурс]. URL: hram-alekseevskii.ru/istoriya-xrama (дата обращения: 18.12.2021).

Краткие исторические сведения, 1905 — Краткие исторические сведения о Вотчинском Богородице-Рождественском приходе Усть-Сысольского у. Вологодской еп. // Вологодские епархиальные ведомости. 1905. № 10 (15 мая). С. 268—269.

Краткие сведения, 1889 — Краткие сведения о «городках» и «городницах», бывших в старину в Вологодской губ. // Вологодские епархиальные ведомости. 1889. № 23 (1 дек.). С. 403—404.

Македонская — Македонская Н. М. Дело об учреждении женской общины в местности Кресбек Усть-Сысольского уезда, Вологодской губернии [Электронный ресурс]. URL: parishes.mrezha.ru/library.php?id=2 (дата обращения: 18.12.2021).

Новомученики — Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века [Электронный ресурс]. URL: kuz3.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/spc (дата обращения: 18.12.2021).

О заведении ... приходских летописей, 1867 — О заведении при церквях Оренбургской епархии приходских летописей // Вологодские епархиальные ведомости. 1867. № 2 (15 янв.). С. 60—66.

О периодических собраниях духовенства, 1869 а — О периодических собраниях духовенства в Вологодской епархии в 1869 г. ... в Усть-Сысольском у., в благочинии священника подвижной Николаевской церкви Воинфатия Куратова (5—7 февр.) // Вологодские епархиальные ведомости. 1869. № 10 (15 мая). С. 364.

О периодических собраниях духовенства, 1869 б — О периодических собраниях духовенства в Вологодской епархии в 1869 г. ... в Усть-Сысольском у., в благочинии священника Небдинской Спасопреображенской церкви Александра Заварина, при этой самой церкви (25 февр.) // Вологодские епархиальные ведомости. 1869. № 16 (15 авг.). С. 658—659.

Общее собрание, 1891 — VI годичное общее собрание членов Вологодского православного Братства во имя Всемилостивого Спаса // Вологодские епархиальные ведомости. 1891. № 12 (15 июня). С. 183.

Орнатский, 1905 — Орнатский Ф. (село Ношуль). Из религиозно-бытовой жизни зырян в Вологодской губ. // Вологодские епархиальные ведомости. 1905. № 23 (1 дек.). С. 538—544.

От редакции, 1865 — От редакции Вологодскому епархиальному духовенству // Вологодские епархиальные ведомости. 1865. № 12 (15 июня). С. 469—481.

Отчет о деятельности, 1892 — Отчет о деятельности Вологодского Православного Братства во имя Всемилостивого Спаса за седьмой год его существования (с 22 мая 1891 г. по 23 мая 1892 г.) // Вологодские епархиальные ведомости. 1892. № 12 (15 июня). С. 139—140.

Отчет о состоянии и деятельности, 1898 — Отчет о состоянии и деятельности Вологодского православного Братства во имя Всемилостивого Спаса за 13-й год его существования (с 15 мая 1897 г. по 15 мая 1898 г.) // Вологодские епархиальные ведомости. 1898. № 15 (1 авг.). С. 375.

Отчет о состоянии и деятельности, 1899 — Отчет о состоянии и деятельности Вологодского православного Братства во имя Всемилостивого Спаса за 14-й год его существования (с 15 мая 1898 г. по 15 мая 1899 г.) // Вологодские епархиальные ведомости. 1899. № 22 (15 нояб.). С. 549.

Поддьяков, 1901 — Поддьяков З. Из жизни церковно-приходских школ (Несколько сведений о Щугорской церковно-приходской школе Усть-Сысольского уезда) // Вологодские епархиальные ведомости. 1901. № 24 (15 дек.). С. 685—689.

Покровский, 1899 — Покровский Евгений (священник Слободской Николаевской церкви Усть-Сысольского уезда). О религиозно-нравственных чтениях при Слободской одноклассной церковно-приходской школе Усть-Сысольского уезда в 1898/9 учебном году // Вологодские епархиальные ведомости. 1899. № 21 (1 нояб.). С. 519—531 (раздел: Из церковно-религиозной жизни епархии).

Попов, 1914 — Попов А. Печерский край и его природные богатства // Вологодские епархиальные ведомости. 1914. № 2 (15 янв.). С. 29—31; № 3 (1 февр.). С. 66—69; № 4 (15 февр.). С. 91—97; № 5 (1 марта). С. 122—125; № 6 (15 марта). С. 154—158; № 7 (1 апр.). С. 176—179; № 8/9 (15 апр. — 1 мая). С. 197—203; № 10 (15 мая). С. 251—253; № 11 (1 июня). С. 273—275; № 12 (15 июня). С. 295—297. Отдельное издание: Священник Андрей Попов. Печерский край, что в Устьсысольском уезде Вологодской епархии, и его природные богатства. Вологда, 1914.

Розов, 2012 — Розов А. Н. Этнографические и фольклорные материалы на страницах неофициальной части журнала «Вологодские епархиальные ведомости»: аннотированный тематико-библиографический указатель // Русский фольклор. XXXVI: материалы и исследования. СПб.: Наука, 2012. С. 555—580.

Следников, 1904 — Следников Н. Из дневника Вологодского епархиального миссионера. IX. В Печерском крае // Вологодские епархиальные ведомости. 1904. № 14 (15 июля). С. 361—366; № 15 (1 авг.). С. 391—398.

Спасский, 1915 — Спасский Я. Мои воспоминания об Ижме // Вологодские епархиальные ведомости. 1915. № 13 (1 июля). С. 345—348; № 14 (15 июля). С. 373—376; № 16 (15 авг.). С. 433—441; № 17 (1 сент.). С. 464—469; № 9 (1 окт.). С. 516—519; № 20 (15 окт.). С. 530—536; 1916. № 17 (1 сент.). С. 341—345; № 18 (15 сент.). С. 360—362.

Топорова, Македонская — Православные приходы и монастыри Севера / Л. Д. Топорова, Н. М. Македонская [и др.] [Электронный ресурс]. URL: parishes.mrezha.ru/parish_persons/p (дата обращения: 18.12.2021).

Устькуломец, 1911 — Устькуломец. История о кресте в местности «Керес бок» (близ села Устькулома Усть-Сысольского у.) // Вологодские епархиальные ведомости. 1911. № 8/9 (15 апр. — 1 мая). С. 203—206.

**ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ,
ВОСПОМИНАНИЯ**
PUBLICATION OF SOURCES, REVIEWS, MATERIALS, MEMOIRS

УДК 82-9

А. А. Крюкова
A. A. Kryukova

**«Хождения феодоры по воздушным мытарствам»
из «Жития василия нового» по списку И. С. Мяндина**

«Theodora's walks through the air ordeals» from the
«Life of basil the new» according to the list of I. S. Myandin

Аннотация. В статье представлены результаты предварительного исследования печорского списка «Хождения Феодоры по воздушным мытарствам», одного из видений, читающихся в составе переводного «Жития Василия Нового». Список этот хранится в Усть-Цилемском собрании рукописей ИРЛИ РАН и представляет для нас особый интерес, поскольку переписан известным печорским книжником И. С. Мяндиным. Рукописное наследие Мяндина обширно и включает в себя произведения разной тематики и жанров, зачастую не только переписанные, но и отредактированные книжником. В статье приведены основные приемы работы редактора над текстом «Хождения»: сокращение текста видения, упрощение его языка, и делается вывод о том, что список Мяндина представляет собой особую сокращенную редакцию «Хождения». В приложении к статье публикуется текст мяндинского списка «Хождения Феодоры по воздушным мытарствам» ИРЛИ, УЦ 22, не публиковавшегося ранее.

Ключевые слова: Хождение Феодоры, мытарства, печорский список И. С. Мяндина, видение

Annotation. The article presents the results of a preliminary study of the Pechora list of «Theodora's Walking through the Air Ordeals», one of the visions read as part of the translated «Life of Basil the New». This list is kept in the Ust-Tsilem collection of manuscripts of the IRLI RAS and is of particular interest to us, since it was copied by the famous Pechora scribe I. S. Myandin. Myandin's manuscript heritage is extensive and includes works of various subjects and genres, often not only rewritten, but also edited by the scribe. The article presents the basic techniques of the editor's work on the text of «Walking»: the reduction of the text of the vision, simplification of its language and the conclusion is made that the list of Myandin is a special shortened edition of «Walking». The appendix to the article publishes the text of the Myandin's list of «Theodora's Walks through the Air Ordeals» by IRLI, UC 22, which was not published earlier.

Keywords: Theodora's Walk, ordeals, I. S. Myandin's Pechora list, vision

«Хождения Феодоры по воздушным мытарствам» читается в составе «Жития Василия Нового» — уникального памятника переводной эсхатологической литературы, созданного во второй половине X века в Константинополе. «Житие» описывает жизнь и чудеса византийского святого Василия Нового, жившего во времена правления византийских императоров Василия Македонянина (867—886 гг.) и его сына Льва IV Мудрого (886—912 гг.) [Дергачева, 2004, с. 72]. «Житие» выделяется на фоне других агиографических произведений тем, что сочетает в себе апокрифическую и житийную литературные традиции: помимо фактов из жизни св. Василия, описания его чудес и основных исторических событий той эпохи, текст памятника содержит два больших эсхатологических видения [Дергачева, 2004, с. 71], рассказывающих о посещении загробного мира учеником святого Василия — монахом Григорием.

В первом видении, известном так же, как «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам», рассказывается о встрече монаха Григория со старицей Феодорой, прислужницей святого Василия, которая описывает свое восхождение на небеса по лестнице воздушных мытарств и показывает Григорию «небесный дом» Василия. Во втором эсхатологическом фрагменте — видении Григория — рисуются картины Страшного Суда и второго пришествия Христа.

Литературная история «Жития» начинается в Константинополе. Затем оно переводится на разные языки, в том числе и славянские, и распространяется за пределы Византии. Уже позднее непосредственно или через южнославянскую литературу «Житие Василия Нового» попадает на Русь, где также распространяется в большом количестве редакций и списков. Соотношение их было рассмотрено нами в предшествующей статье [Крюкова, 2021]. «Житие Василия Нового» сохранилось и в Печорских списках, среди которых есть и полные списки «Жития», и выделившиеся из него эсхатологические видения.

К числу полных списков «Жития» относятся три списка: ИРЛИ, Усть-Цилемское собрание (далее — УЦ) 180 (начало XIX века, в 8-ку, переписан поморским полууставом на 269 л.) [Мальшев, 1961, с. 578]; Усть-Цилемское новое собрание ИРЛИ (далее — УЦ н.) 65 (начало XIX века, в 4-ку, переписан поморским полууставом на 144 л., согласно неопубликованному описанию, имеющемуся в Древлехранилище ИРЛИ) и список Усть-Цилемского собрания рукописей Научной библиотеки СГУ им. Питирима Сорокина (далее — НБ СГУ, УЦ р.) 33 (начало XIX века, в 8-ку, переписан поморским полууставом на 211 л.).

Видение Григория о Страшном Суде сохранилось в двух печорских списках: ИРЛИ, УЦ 179 (третья четверть XVIII века, в 8-ку, переписан поморским полууставом на 39 л.) [Мальшев, 1961, с. 577] и ИРЛИ, УЦ 61 (XIX век (первая половина), в 8-ку, переписан полууставом на 132 л.; видение Григория без окончания читается на л. 5—11 об.) [Мальшев, 1960, с. 110]. «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам» читается в двух других найденных на Печоре рукописях: ИРЛИ, УЦ 11 (конец XVII века, в 4-ку, без переплета, на 126 листах. Текст «Хождения» в сборнике читается на двух разрозненных листах 119—118 об.) и ИРЛИ, УЦ 22 (сборник-конволют XVIII — начала XX века, в 8-ку, переписанный печорским полууставом на 250 листах. Текст «Хождения» конца XIX века читается на лл. 210—221) [Мальшев, 1960, с. 81]. Именно этот список и стал предметом нашего специального изучения, так как он создан И. С. Мяндиным, известным печорским книжником, редактором древнерусских сочинений (см.: [Мальшев, 1985; Волкова, 2006]).

Интерес И. С. Мяндина к этому сочинению неслучаен. Ему принадлежит ряд списков эсхатологических произведений, являющихся, по-видимому, поздними, возможно, местными компиляциями средневековых сочинений о конце мира (см., например, «Слово Ипполита, папы Римского», «О пришествии Антихриста различные свидетельства», «Слово о антихристе», «Поучение» из сборника, составленного И. С. Мяндиным, ИРЛИ, УЦ 67) [Волкова, 1999, с. 279—280]. Да и само «Хождение Феодоры» выделяется на фоне других произведений того же жанра, поскольку содержит довольно редкий для средневековых видений мотив прохождения душой воздушных мытарств, что тоже могло заинтересовать печорского книжника.

«Хождение Феодоры» составляет большую часть того видения Григория, которое повествует о его встрече с Феодорой в загробном мире. Оно имеет своеобразный сюжет и четкую композицию. Для выявления особенностей мяндинского списка этого видения, которое по основному его содержанию мы будем называть «Хождением Феодоры», необходимо было рассмотреть его сюжетно-композиционную структуру. В ходе ее анализа по различным известным нам спискам «Хождения» мы выделили 196 мотивов, которые можно объединить в более крупные композиционные блоки. Первый блок включает в себя вводные мотивы, рассказывающие о смерти Феодоры и о том, как опечаленный ее кончиной Григорий просит святого Василия показать, что стало с душой старицы после смерти. Эта часть повествования в сюжете «Хождения» выполняет функцию пролога, поскольку здесь рассказывается о событиях, предшествующих основным событиям видения — прохождению Феодорой воздушных мытарств.

Следующий блок мотивов можно соотнести с завязкой произведения. Он включает в себя описание явления Григорию во сне юноши-душеводителя и вознесения монаха на небеса. Далее в «Хождении» следует развитие действия. У врат небесного дома святого Василия Григорий встречает двух женщин и просит одну из них впустить его внутрь дома, но та отказывается. На возникший шум выходит Феодора, которая пускает гостя и рассказывает ему, как она попала на небеса. Феодора начинает свой рассказ с момента появления у ее одра эфиопов, обитателей загробного мира, а затем описывает явление ей ангелов-душепроводителей и обстоятельства своей смерти: отсечение рук, ног, головы, исход души из тела, после которого начинается ее восхождение на небо.

Основное содержание «Хождения» составляет описание 21-го мытарства, которые перемежаются вставками различных бесед Феодоры с ангелами-душеводителями: об исповедании, о посмертной судьбе праведников и грешников, о блудных грехах. Мытарства расположены в порядке возрастания тяжести грехов и представляют собой ступени лестницы, по которой душа поднимается в рай. Феодора последовательно проходит мытарства об оклеветании, о поругании, мытарства «завистливое», «лживое», «гневное», «гордостное», мытарства празднословия и срамословия, лести, неправды и тщеславия, сребролюбия, пьянства, мытарства «злопамятное», «колдовское», мытарства чревоугодия, идолопоклонничества, мужеложества, прелюбодеяния, убийства, мытарства «татебное», «блудное» и последнее мытарство — «немилосердия». Именно в этом блоке можно выделить кульминационные мотивы: к ним, на наш взгляд, относится описание прохождения Феодорой блудного мытарства. Этот эпизод является самым напряженным в сюжете «Хождения».

Отметим, что все описания мытарств также обладают своей внутренней композицией и строятся по определенной схеме: вход в мытарство, описание его обитателей, грехи души, соответствующие этому мытарству, искупление грехов и продолжение пути. Некоторые мытарства описаны подробно и включают в себя все составляющие, другие же имеют краткую композицию, это связано с тем, что Феодора не имеет грехов, подвластных этому мытарству, поэтому его описание ограничивается мотивами входа Феодоры в мытарство и выхода из него, сопровождаемыми сообщением об отсутствии у нее этих грехов.

После кульминационного «блудного» мытарства сюжет «Хождения» движется к своей развязке. Феодора успешно проходит все мытарства и входит в небесные врата. Ангелы приводят душу подопечной к престолу Божьему, и Бог приказывает им показать Феодоре загробный мир: дома апостолов, пророков, праведников, «ядро Авраамово», где находятся души умерших младенцев, а также ад с мучающимися в нем грешниками. В завершение путешествия по загробному миру Феодора попадает в небесный дом святого Василия, чем и заканчивается ее рассказ. Видение же Григория продолжается описанием божественной трапезы в доме святого и прогулки Григория с Феодорой по прекрасному небесному «ограду».

Функцию эпилога в «Хождении Феодоры» выполняют описания пробуждения Григория и его последующей беседы с Василием, во время которой святой объясняет ученику смысл увиденного и услышанного им во время видения, а также дает ряд духовных наставлений. Заканчивается видение лирическим отступлением, в котором Григорий восхваляет своего учителя.

Таким образом, мы видим, что «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам» обладает четкой и стройной композицией, а сюжет его можно отнести к традиционным сюжетам, в которых ход событий совпадает с фабульной основой повествования и включает все традиционные элементы сюжета: пролог, экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию, развязку и эпилог. Кроме того, отметим, что большая часть «Хождения» состоит из однотипных по своему построению фрагментов, что является отличительной особенностью видений о прохождении душами мытарств.

Обратимся к печорскому списку «Хождения Феодоры», который был создан И. С. Мяндиным. Сборник ИРЛИ, УЦ 22 содержит помимо «Хождения Феодоры» произведения разных жанров, по большей части агиографических: «Мучение великомученицы

Ирины», «Память мученицы Татьяны девицы», выписки из эсхатологического «Жития Андрея Юродивого» и другие. Список «Хождения», датируемый концом XIX века, читается на листах 210—221 (см. описание: [Мальшев, 1961, с. 26—28]). Принадлежность списка руке И. С. Мяндина устанавливается по почерку усть-цилемского книжника, имеющему характерные, легко узнаваемые особенности: острые края букв и их своеобразный наклон влево [Мальшев, 1985, с. 330].

Иван Степанович Мяндин (1823—1894), сын старообрядческих наставников Ирины Васильевны Мяндиной и Степана Никифоровича Еремина [Мальшев, 1985, с. 332], оставил большое рукописное наследие, поражающее разнообразием сюжетов и тем, к которым обращался книжник. Это и судьбы различных ветхозаветных героев, и сюжеты на евангельскую тематику, и события из истории дохристианских времен, и рассказы о жизни и судьбах исторических личностей и легендарных персонажей, и жизнеописания зачинателей старообрядческого движения, и рассказы о столкновениях христианских деятелей с приверженцами языческой веры и бесами [Волкова, 2005, с. 66—67]. Разнообразны и жанровые формы произведений средневековой русской и переводной литературы, к которым обращался И. С. Мяндин в ходе своей литературной деятельности: переводные повести, жития, апокрифы, новеллы «Великого Зеркала», произведения демократической сатиры, оригинальные повести историко-легендарного содержания, сказания из Хронографа, произведения оригинальной русской беллетристики, поучения [Волкова, 2005, с. 68]. Обращался И. С. Мяндин и к жанру видений (см. [«Повесть об Антонии Галичанине»: Пигин, 2001]). Таким образом, список «Хождения» ИРЛИ, УЦ 22 дает нам новую возможность изучить характер редакторской работы усть-цилемского книжника с произведением жанра видений.

Постоянная работа с рукописной книгой заставила Мяндина не только освоить деятельность писца, но и научиться переплетать и реставрировать старинные книги. Многие из сохранившихся печорских рукописных сборников обнаруживают следы его реставрационной работы [Волкова, 2005, с. 66]. Отреставрирован И. С. Мяндиным был и печорский список «Жития Василия Нового» ИРЛИ, УЦ н. 65, как отмечено в неопубликованном описании Усть-Цилемского нового собрания ИРЛИ.

Многие списки древнерусских произведений, созданных И. С. Мяндиным, представляют собой не просто скопированный с другой рукописи текст, а его более или менее значительную литературную переработку. И. С. Мяндин вносил в текст переписываемого произведения свои дополнения в соответствии со своими эстетическими вкусами, необходимостью отражения определенных идей, близких его крестьянским читателям [Волкова, 2005, с. 65—66]. Основными приемами редакторской работы И. С. Мяндина над источниками, как выяснили исследователи его разнообразных переработок, были целенаправленное сокращение текста источника (сокращение отдельных слов, фраз, сюжетных мотивов и даже целых эпизодов, устранение монологов и диалогов персонажей), композиционное перемещение сюжетных эпизодов (что вместе с сокращением приводило к изменению структуры произведения), упрощение языка. Все эти изменения были призваны сделать произведения древнерусской литературы, которые Мяндин переписывал, более понятными его землякам — простым крестьянам [Волкова, 2005, с. 68]. Одновременно с сокращениями Мяндин вносил в переписываемый текст и свои дополнения: конкретизирующие детали, описания чувств и мыслей персонажей, пояснение мотивов их поступков [Волкова, 2005, с. 83—85]. Далее постараемся показать, какие из этих приемов мы находим в мяндинском списке «Хождения Феодоры по воздушным мытарствам».

Рассмотрим, прежде всего, как список И. С. Мяндина соотносится с тремя другими печорскими списками, один из которых мог послужить для него источником. При сопоставлении всех четырех списков обращает на себя внимание текстуальная близость между собой списков ИРЛИ, УЦ 180, УЦ н. 65 и НБ СГУ УЦ р. 33, в котором «Хождение» читается внутри полного текста «Жития Василия Нового». Почти на всем протяжении повествования о путешествии Феодоры по загробному миру в этих списках мы находим практически один и тот же текст с отдельными незначительными разночтениями. В нескольких

случаях с этим текстом полностью совпадает и текст мяндинского списка. Например, в описании «блудного» мытарства читаем:

ИРЛИ, УЦ 180 (тот же текст в УЦ н. 65 и НБ СГУ УЦ р. 33)	ИРЛИ УЦ 22
Ибо сице хвалится князь мытарства сего, глаголя яко: «Азь единъ напълно родство огненное душами человеческими от сего моего ремества» (л. 52 об.).	Ибо сице хвалится князь мытарства сего, глаголя яко: «Азь единъ напълно родство огненное душами человеческими от сего моего ремества» (л. 218—218 об.).

Но список Мяндина, несмотря на отдельные текстуальные совпадения с другими печорскими списками «Хождения», от них значительно отличается. Отметим прежде всего активное применение И. С. Мяндиным приема сокращения текста источника. Мы не знаем, какой именно список этим источником послужил, но сравнение текста Мяндина с текстом других списков «Хождения» обнаруживает в списке усть-цилемского книжника иной объем текста — значительно меньший, чем в других списках «Хождения». Из выделенных нами в составе «Хождения Феодоры» 196-ти мотивов в мяндинском списке читается всего 37. Иван Степанович опустил все описания мытарств, кроме первого, заменив развернутый текст этих эпизодов несколькими предложениями, после чего лишь перечислил часть других мытарств, пройденных душой Феодоры, и указал на то, что испытания на всех оставшихся мытарствах схожи с первым. Сделать столь объемные сокращения писцу позволила схематичность описания мытарств в «Хождении». Кроме того, редактор удалил начальные мотивы, где сообщается о смерти Феодоры, о просьбе Григория к Василию показать, что случилось с ее душой, о перенесении Григория во сне в загробный мир, а также описание трапезы в небесном доме святого Василия и пробуждения Григория после видения.

Таким образом, мяндинский текст «Хождения» ограничивается описанием непосредственно «восхождения» Феодоры по лестнице мытарств, которое включает мотивы появления у ее одра «эффиопов» и ангелов-душепроводителей, последующего явления смерти с орудиями для умерщвления, исхода души из тела, искупления грехов Феодоры, а также в общих чертах описывает прохождение ею воздушных мытарств. Отдельно указываются грехи Феодоры, обнаруженные на мытарстве чревоугодия и пьянства. Большое внимание уделяется беседам души блаженной старицы с ангелами об исповедании и о блудных грехах. По всей видимости, автор посчитал эти моменты не только поучительными, но и экспрессивными и выразительными, поэтому и решил оставить их в тексте.

Кроме того, мы можем наблюдать, что И. С. Мяндин сокращал не только целые мотивы и мотивные блоки, но и отдельные фразы в сохранных фрагментах. Эти сокращения можно проследить при сопоставлении текста «Хождения» из списка Мяндина (ИРЛИ, УЦ 22) с текстом «Хождения» в других печорских списках — ИРЛИ, УЦ 180, ИРЛИ УЦ н. 65 и НБ СГУ, УЦ р. 33. Приведем один пример из «пьянственного» мытарства, когда его слуги обвиняют Феодору в пьянственных грехах.

ИРЛИ, УЦ 180 (тот же текст в УЦ н. 65 и НБ СГУ УЦ р. 33)	ИРЛИ УЦ 22 (список И. С. Мяндина)
Представше и на мя горцыи они истязатели, и самая тья чаши, елико испихъ во всей жизни моей, вся изочтены имуще. И <u>глаголюще ко мнѣ</u> : «Нѣси ли ты испила чаши <u>в нарочитый день онъ</u> , и пиюще с тобою онъ сице мужъ и она сице жена? И не бѣ ли пия напившися паче мѣры, и толико егда иде ко онъ сице? И не се ли <u>колько испи чаши, и ту бяху они, и онъ</u>	<u>Таже о пиянствѣ истязаху мя, глаголюще:</u> «Не се ли коли еси чашъ испи с той день и с тобою пиюще онъ сица муж и онъ сица жена. Не бѣ ли пивши и бѣ пьяна паче мѣры и толико, егда иде ко он сице, не се ли коли испи чашъ». И ту <u>показоваху лица человекъ и самая тѣ чаши.</u> (л. 215 об.-216)

<p><i>сица?»</i> И много на мя клеветяху, тщася похитити мя хотяху от рукъ ангель. И елико глаголаху, истинна бяху и опамятихъ, яко сицевая бяху, множицею бо гостемъ ко мнѣ пришедшимъ, и пияхъ с ними, и опивахся. Они же явѣ сия обличаху. (л. 35—35 об.)</p>	
--	--

Из приведенного сопоставления видно, что Мяндин не только сокращает текст эпизода, опускает признание Феодоры о том, что она «опивахся» с гостями, но целенаправленно опускает и отдельные слова в сохраняемом тексте (*нарочитый, онъ, ко мнѣ*), меняет их порядок, (*истила чаши/чашиъ испи, пьюще с тобою/с тобою пьюще*) укорачивает фразы, сохраняя их общий смысл. Подобные изменения текста в мяндинском списке «Хождения» обусловлены, скорее всего, желанием писца упростить текст, сделать его более удобным для восприятия и понимания. Можно привести и ряд других подобных примеров.

Однако более глубокий текстологический анализ всех печорских списков «Хождения» в сопоставлении с другими известными его списками — задача будущего исследования. Но уже и приведенные наблюдения позволяют рассматривать список, созданный И. С. Мяндиным, как особую сокращенную редакцию «Хождения Феодоры по воздушным мытарствам».

В приложении к статье мы публикуем текст «Хождения» по списку ИРЛИ, УЦ 22, л. 210—221.

Список литературы

Вилинский, 1911 — Вилинский С. Г. Житие святого Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1911. Ч. 2. Тексты «Жития». 1019 с.

Вилинский, 1913 — Вилинский С. Г. Житие святого Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1913. Ч. 1. Исследование. 355 с.

Волкова, 1999 — Волкова Т. Ф. Эсхатологические сочинения в круге чтения печорских крестьян // Мир старообрядчества. История и современность. М., 1999. Вып. 5. С. 279—288.

Волкова, 2005 — Волкова Т. Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции средневековых повестей : учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2005. 308 с.

Волкова, 2006 — Волкова Т. Ф. Иван Степанович Мяндин — редактор древнерусских повестей (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 839—890.

Дергачёва, 2004 — Дергачёва И. В. Посмертная судьба и иной мир в древнерусской книжности / отв. ред. д-р филол. н. А. А. Дубровик. М.: Круг, 2004. С. 71—91.

Крюкова, 2021 — Крюкова А. А. Печорский список «Жития Василия Нового» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2021. Вып. 2 (18). С. 13—25.

Мальшев, 1960 — Мальшев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. 216 с.

Мальшев, 1961 — Мальшев В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во академии наук СССР, 1961. Т. 17. С. 561—604.

Мальшев, 1985 — Мальшев В. И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность (по материалам Пушкинского Дома) : сб. науч. тр. / АН СССР, Ин-т рус. лит.; отв. ред. А. М. Панченко. Л., 1985. С. 323—337.

Пигин, 2001 — Пигин А. В. Литературная история Повести о видении Антония Галичанина // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 223—292.

От Жития Василия Нового повесть Феодоры ко Григорию

Како ти, чадо, исповѣм болѣзнь тѣлесную и колику нужду и бѣду, яже тружאותь умирающаго. Се же разумѣй, яко кто нагъ впадетъ в зѣльный пламень огня и згараем, и помалу сожигаемъ, разрушется. Сице есть и болѣзнь смертная, и люто разлучение души // (л. 210 об.) от тѣла, паче же подобнымъ мнѣ грѣшникомъ.

Азь же, егда приближися к концу жития моего, видѣх: и се приидоша множество ефиопъ ко одру моему, молвы творяще и мятежь, яко звѣрообразнии и изувѣри взирающе на мя, искривлени имуще лица и развращени очи кровавы и черны паче смолы и всякими образы устрашающе мя и похитити тщася, // (л. 211) и к себѣ присвоюще, многа и великая бремена принесоша написаны хартия, и вся яже от юности содѣянная мною отвивающе и готовяще хартия, яко нѣкоего судию чающе приити.

Азь же сих зрящи, вельми устрашася и до конца изнемогахъ, и в сихъ страждущи смотряхъ сѣмо и овамо, дабы кто отгналъ тѣхъ безчинное шатание, и не бѣ помогающаго ми // (л. 211 об.). И отвращахъ очи мои от нихъ, да быхъ не видѣла тѣхъ мрачныхъ лицъ и вельми притужаху мнѣ, в сицевѣ бѣдѣ сущи.

И се внезапно явишася два юноши красны зѣло во одеждахъ златыхъ, и власы на главахъ ихъ бѣлы, яко снѣгъ, и приближистася ко одру моему. Они же, помраченнии, со страхомъ отступиша подаль.

Рече же единъ юноша к тѣмъ мрачнымъ с яростию: «Что пред// (л. 212) варяете на умирающую, но не радуитесь, здѣ бо ничтоже имате». Они же, безстуднии, елико от юности моя сотворихъ словомъ или дѣломъ или помышлениемъ, и вся прочая на среду приношаху, гласы безчинными взывающе и глаголюще: «Ничтоже ли не имамъ сия же чья суть, не она ли сотвори от юности», и ина многа блядуше и клеветуше.

И се внезапно прииде смерть. Бѣ же видѣние ея // (л. 212 об.) яко левъ ревый, страшна видѣниемъ, и всячески страшна человеческого устройства, носящи оружия всякая, мечи, ножи, пилы, серпы, уды, стрѣлы, теслы, бритвы, сѣчива, оскороды, рожны, и ина многа незнаемая, имиже кознодѣйствуемъ различныя образы.

Сию же видѣвши смиренная моя душа, устрашися и вельми возгорѣся, и рѣша к смерти юноши: «Что медлиши? // (л. 213). Разрѣши соузы, не имать бо многа истязания о грѣсѣхъ». Она же приступльши ко мнѣ и взять малый оскородецъ, и начать отсѣкати нозѣ мои и потомъ руцѣ, и иными орудии вся составы телѣсныя и соузы, и члены разслаби и истерза 20 ногтей моихъ, и абие омертвѣ все тѣло мое, и оттуду ни руку, ни ногу имѣхъ и не можахъ двинутися никакоже. Та же // (л. 213 об.) возьмъ тесну, отсѣче главу мою. И по сихъ наливши чашу, что же бѣ не разумѣхъ, и дасть ми испити. Тако ми, Господа чадо Григорие, толь бѣ горько, яко в той час отторже ми душу, и скоро изскочихъ ис тѣла, яко птица от руку ловца.

И абие краснии они юноши пояста мя на руку свою ризами своими, и видѣхъ тѣло мое, лежаще бездушно и нечовствено, и о семъ почюдохся // (л. 214). Якоже держаста мя святая ангела, приступиста мрачнии они глаголюще: «Грѣхи ея имамамы многи, отвѣщайте намъ о нихъ».

Они же испытаста со испытаниемъ благихъ дѣлъ моихъ. Аще когда дахъ хлѣба убогому, или напоихъ жадна, или болящаго посѣтихъ и в темницахъ заключенныхъ, или ходихъ со усердиемъ в церковь на молитву, или странна упокоихъ в дому моемъ, или прилияхъ // (л. 214 об.) масло в кандилы или фимиянъ дахъ в божию церковь, и аще смирихъ кого сварящася, или пролияхъ слезы в молитвѣ, или досадившему претерпѣхъ, или страннымъ нозѣ умыхъ, или утвердихъ неутвержденныхъ, или отвратихъ кого не сотворити грѣха, или поскорбѣхъ о чужихъ напастѣхъ, или пострадахъ по силѣ страждущимъ, или кому поспѣшихъ на дѣло благо, // (л. 215) или сотворихъ многоколенное поклоняние, или аще

постихся Бога ради, и зло пострадах, и покорихъ плоть духови, и постихся во святую Четырдесятницу и к Рождеству Христову, и святых апостоль праз[днику], и ко Успѣнью владычицы нашей пресвятыя Богородицы, и всяку среду и пяток или отвратихъ очи мои смотри не полезныхъ, или удержажъ язык свой от празнословия и клеветы, и лжи.

Вся сия собирающе // (л. 215 об.) святии ангели и мѣриста на мѣрилѣхъ с моими грѣхи единъ по единому и искуповаста сия. И симъ тако бывающим, ефиопи же они скрежетаху зубы на мя, хотяще мя исхитити от нею и свести в бездну. Поемше же мя святая ангела от земли горѣ, на небеса восхождаста к воздуху.

Идушимъ же намъ, и абие внезапу насъ мытарство 1-е оклеветание.

И обличаху ефиопи мя, // (л. 216) ихъже яко человекъ, в мирѣ живый, оклеветахъ кого, пред лицом моим обличаху мя, многоже и лжуще глаголаху на мя.

Такоже и прочии мытарства подобно первому истязаху мя злии мытари: о поругании, о зависти, о лжи, и о гнѣвѣ, гордости, празднословии¹ и сквернословии, лихвы и лъсти, неправды и тщеславия, сребролюбия, пьянственное и прочии, // (л. 216 об.) ибо обличаху мя, аще когда и в кий день и час лжу глаголахъ с показанием имянь и лица человекъ тѣхъ показаваху, такоже со гнѣвомъ и яростию глаголанная кому мною или досадихъ кому словом или рукою ударихъ кого, но и мановением рукъ и помизаниемъ очеси, или яро воззрѣхъ, наказующи чада моя, или бихъ с яростию и прочее.

Таже о пьянствѣ истязу // (л. 217) заху мя, глаголюще: «Не се ли коли еси чашъ испи с той день и с тобою пиюще онъ сица муж и онъ сица жена. Не бѣ ли пивши, и бѣ пьяна паче мѣры и толико, егда иде ко он сице не сели коли испи чашъ, и ту показоваху лица человекъ и самыя тѣ чаши.

Такоже в юности моей и нынѣ тайноядение и многоядение, и чрез сытость, елико ядох заутра и во святыя дни // (л. 217 об.) постныя, и во святыя посты прежде молитвы питахся, объядающися, и ядохъ до объѣда, и на объѣдѣ чрезъ мѣру, и по объѣдѣ, и по вечерѣ, насыщающе утробу паче мѣры.

И на блудном мытарстве сѣдьяше князь, обалчен в ризу, смердящъ, пѣною кровавою окропленъ, сотвореною от смрадных и срамных дѣяний блудных, иже кои от человекъ, аки свиния, валяются в сквернахъ // (л. 218) блудныхъ.

И глаголаста ко мнѣ святая ангела: «Вѣси ли, Феодоро, сего мытарства мало душъ минуетъ без пакости, понеже суетный миръ от сущихъ в нихъ питаний блудолюбивъ есть и сластолюбив, и того ради множайшая от него долу оттерзаются и во адѣ заключаются». Ибо сице хвалится князь мытарства сего, глаголя: «Яко азъ единъ наполни родство огненное // (л. 218 об.) душами человеческими от сего моего ремества».

И вопросихъ паки Феодора 3 ангель: «О, господие мои, всякаго ли грѣха, иже аще совторит человекъ, еще живъ сый, истязаютъ его на сихъ мытарствахъ, не можетъ ли очистити ихъ, понеже написаны суть, якоже мя испытывают нынѣ на кииждо мытарстве, и вижду бо, яко подробну истязают мя и трепещущи, ужасаюся // (л. 219).

И рѣша ми ангели: «Не всѣхъ тако, но токмо подобныхъ тебѣ, неисповѣдавшихся и в сицевыхъ умершихъ. Аще бы ты иповѣдала отцу духовному безсрамно и прияла бы от него заповѣдь и успѣла бы исправить, и прияла бы от него прощение, прешла бы и ты невозбранно вся злая сия, не могущу ни единому мытарству истязати тебѣ ни о единомъ же грѣсѣ, // (л. 219 об.) но понеже непостыдно исповѣдати не восхотѣ отцу духовному, сего ради испытуешися здѣ в сихъ. Но и се ти помогаем, еже престала еси от грѣхъ своих, еже не творити ихъ. И еще кто живъ сый прочее и прилѣжитъ к покаянию со усердием, оставляет ему Богъ грѣхи его и обрѣтается свободъ от всѣхъ, прием невидимо прощение».

¹ В рукописи описка празднословии.

Лукавии же дуси, иже в мытарствѣ ихъ // (л. 220) написаны грѣхи имущи, и вскорѣ писания своя разгнувшѣ, ничтоже в нихъ обрѣтають, яже написаша, Святыи бо Духъ покрываетъ ихъ невидимо. И видя сия бѣси, яко исповѣдания ради сия загладишася вся, и скорбятъ погрѣшивше.

Аще ли человекъ живъ сый, егоже грѣси исповѣданиемъ потребишася, и тщатся лукавии дуси в тѣхъ мѣсто иныя грѣхи // (л. 220 об.) написати. Тѣмъ же по исповѣдании больма стужають страсти ему. Велико убо благо спасение и исповѣдание, еже от толикихъ золь избавляетъ человека и преминуетъ невобранно безъ пакости мытарства сия, и приходитъ къ Богу, приносящи добрая дѣяния.

Аще кто упразднится на покаяние и престанетъ отъ золь, яже творяше, не исповѣсть же духовному отцу грѣхи, яже сотворилъ // (л. 221) прежде, надѣявся, яко довольно ему на спасение токмо отступление отъ нихъ, то аще постыдится ихъ ради на долго время, нѣсть ему пользы, аще не исповѣдалъ будетъ якоже подобаетъ сицевымъ добрѣ, испытанъ будетъ здѣ, якоже видиши. Также и многимъ отцемъ стыда ради исповѣда, не подобаетъ едино тому, а другая иному, заповѣди отца своего не открывая, ничтоже есть.

ИРЛИ, УЦ 22, л. 210—221

**А. К. Микушев — исследователь песенного
и эпического творчества народа Коми**

A. K. Mikushev is a researcher of song and epic creativity of the Komi people

Аннотация. Статья посвящена анализу исследовательского пути известного коми ученого А. К. Микушева, изучению его наследия, его вклада в коми филологическую науку. Автор статьи концентрирует внимание на основных этапах его становления и развития, выявляя фундаментальность его научных изысканий.

Ключевые слова: А. К. Микушев, коми филология, финно-угроведение, фольклор, литературоведение

Abstract. The article is devoted to the analysis of the research path of the famous Komi scientist A. K. Mikushev, the study of his heritage, his contribution to the Komi philological science. The author of the article focuses on the main stages of his formation and development, revealing the fundamentality of his scientific research.

Keywords: A.K. Mikushev, Komi philology, Finno-Ugric studies, folklore, literary criticism

А. К. Микушев — фольклорист, литературовед, литературный критик, доктор филологических наук, профессор, один из основоположников и организаторов фундаментальных исследований коми филологической науки, создатель коми отделения Сыктывкарского государственного университета, заведующий кафедрой коми языка и литературы, лауреат государственной премии Коми АССР им. И. А. Куратова, заслуженный деятель науки Коми АССР и РСФСР, иностранный член финно-угорского общества Финляндии, член-корреспондент Финского литературного общества, талантливый исследователь, гуманный мыслитель, отличавшийся скромностью и уважительным отношением к людям, был при жизни признан финно-угорскими, российскими и зарубежными учеными как выдающийся коми филолог.

Научные труды А. К. Микушева были опубликованы на коми, русском, немецком, венгерском, финском и других языках. Своим огромным трудолюбием, энергией, исключительной работоспособностью, научной продуктивностью он способствовал развитию культурной, общественной, просветительской жизни своего народа, формировал коми интеллигенцию. Признанный ученый, дисциплинированный и аккуратный в научных связях, делах и в общении, непоколебимо верный науке, он почитал и ценил искренние дружеские, человеческие взаимоотношения. Глубоко уважал не только свои родовые корни, но неустанно повторял своим ученикам, что ни в жизни, ни тем более в науке нельзя быть «Иванами, не помнящими родства». С большим уважением и любовью он отзывался в течение всей жизни о своем научном руководителе А. М. Астаховой, которая была не только видным фольклористом, лучшим знатоком русского эпоса, но отличалась особыми человеческими качествами. Их добрые отношения скрепляла преданность науке.

Отец А. К. Микушева, Константин Микушев, родился 3 марта (по ст. стилю) 1886 года в г. Кунгур. В 1897—1903 годах Константин учился в Усть-Сысольском городском училище, окончил полный курс (аттестат № 369/154 от июня 1 дня 1903 г.). Особенно большое влияние на него оказала тетя, учительствовавшая в деревне. С ее помощью он стал учителем и с 1904 года работал в Свято-Стефановской церковно-приходской школе, а с 1910 по 1918 год учительствовал в Усть-Куломе, с 1918 по 1920 год — в Мадже. Константин Николаевич был человеком образованным, занимался краеведением, сбором фольклорных произведений, публиковал их. Некоторые из них сохранились в коми краеведческом музее [Национальный музей...]. Работая учителем в Усть-Куломской школе, К. Микушев под-

держивал добрые, дружеские отношения с монахами Троицко-Стефановского Ульяновского монастыря, где когда-то жил и воспитывался его отец. Великолепным голосом выделялся там отец Амвросий, однако хороших голосов не хватало. Понимая необходимость их, свой вклад в это дело внес и К. Н. Микушев. Л. П. Рощевская писала: «В Ульяновско старались сохранить лучшие традиции православного пения и этим содействовали распространению музыкальной культуры среди местного населения. Шестилетний опыт учительства в школе Ульяновского монастыря, ежедневное участие в церковных службах со знаменитым распевом по Соловецкому уставу, позже помогли местному учителю К. Н. Микушеву организовать в с. Усть-Кулом хор мальчиков при Петропавловском соборе, что было достаточной редкостью в коми школе [Рощевская, 2001, с. 41]. В 1920 году с семьей вернулся в Сыктывкар. Умер 18 октября 1938 года. Похоронен на старом городском кладбище. Рядом с ним покоятся жена — Александра Петровна, внуки Лёня и Елена, дочь Нина и сын — Анатолий Микушев.

А. К. Микушев родился 5 ноября 1926 года в г. Усть-Сысольске (Сыктывкаре) в большой семье. Кроме него уже были четыре его сестры: Софья, Александра, Нина и Вера. Когда будущему ученому было всего 12 лет, в возрасте 42 лет умирает отец. Воспитание и забота о детях, к тому времени в семье было трое несовершеннолетних, легли на плечи матери. Из-за создавшегося трудного материального положения две старшие сестры не смогли получить образование и поступили на работу. Мать на свой скромный заработок Александре и Вере дала возможность получить медицинское образование в фельдшерско-акушерской школе. Вера в годы Великой Отечественной войны оканчивает Архангельский медицинский институт, а затем всю жизнь работает цеховым врачом на Ижорском заводе в г. Колпино Ленинградской области. За свой добросовестный труд она была удостоена звания «Заслуженный врач РСФСР». Александра также всю жизнь проработала медицинской сестрой в 1-й поликлинике г. Сыктывкара в терапевтическом отделении. Сестра Софья работала в бухгалтерии Управления снабжения и сбыта при Совете министров Коми АССР, а Нина — в Стройбанке. За свой труд она также получила звание «Отличник Стройбанка СССР». Сестры Нина и Александра были награждены медалями «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941—1945 годов».

А. К. Микушев поступает учиться в 1934 году в Сыктывкарскую среднюю школу № 1, заканчивает учебу в школе № 2. После девятого класса обучается в учительском институте, а в 1944 году, самостоятельно подготовившись и сдав несколько дополнительных экзаменов, переходит на второй курс литературного факультета Коми государственного педагогического института. Еще в учительском институте он в 1943 году вступает в ряды ВЛКСМ. По заданию пионерской, а затем и комсомольской организации он вместе со своими товарищами в период летних каникул работает на сплаве, в колхозе. За значительную помощь молодежи на сплавных работах в 1945 году Указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа студентов коми пединститута была награждена медалью «За трудовую доблесть в Великой Отечественной войне», в том числе и 19-летний студент А. К. Микушев получает свою первую правительственную награду.

Добросовестное отношение к учебе, к работе, активность в любом деле были характерны А. К. Микушеву с ранних лет. Обучаясь в школе, а позже в институте, он выполнял различные общественные поручения. Был пионервожатым, классным организатором, в институте — председателем коллектива ДСО «Большевик». За отличные показатели в учебе и активное участие в общественной жизни института он получал повышенную персональную стипендию. В 1947 году А. К. Микушев оканчивает пединститут и получает квалификацию учителя русского языка и литературы. Его направляют преподавать литературу в старших классах в Ибскую среднюю школу Сыктывдинского района. Работая преподавателем, он выполнял большую общественную работу по заданию РК ВЛКСМ, руководил лекторской группой на селе. В 1949 году он становится кандидатом, а через год членом ВКП(б). Выполняя поручение парторганизации, был пропагандистом в кружке по изучению истории партии. В марте 1950 года А. К. Микушева избирают членом бюро Ибской территориальной парторганизации.

Как хорошего преподавателя А. К. Микушева в возрасте двадцати трех лет назначают директором школы. Несмотря на свою молодость, он вполне справлялся с работой. Он сумел организовать учительский коллектив и учащихся на улучшение качества учебы и всего учебно-воспитательного процесса, помог перестроить школьное обучение. Вместе с тем повышал и свой профессиональный уровень, продолжал активно участвовать в агитационно-массовой работе, являлся лучшим пропагандистом на селе. Ибская территориальная парторганизация в начале 1950 года избирает его заместителем секретаря парторганизации.

В том же году А. К. Микушев оставляет преподавательскую работу и поступает в аспирантуру Коми филиала АН СССР. Будущий ученый характеризовался как человек вдумчивый, серьезный, пришедший в науку не со школьной скамьи, а проработавший в школе преподавателем и производивший очень благоприятное впечатление. 23 ноября 1950 года после успешной сдачи вступительных экзаменов его зачисляют в целевую аспирантуру в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Пушкинский Дом являлся крупнейшим в мире научным учреждением филологического направления. Кроме русской и западноевропейской литературы, там в полном объеме изучали и русский фольклор. В отделе народного творчества крупнейшими специалистами были М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, А. М. Астахова, Г. С. Виноградов, Е. В. Гиппиус, А. Н. Лозанова, А. И. Никифоров, Э. В. Эвальд и др. На заседаниях отдела присутствовали Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц и все, кто интересовался фольклором, начиная с аспирантов и кончая академиками.

Научным руководителем А. К. Микушева становится известнейший эпосовед, доктор филологических наук А. М. Астахова. Д. С. Лихачев так характеризовал ее: «В Анне Михайловне Астаховой было очень много от культуры русского крестьянского Севера, с которым она связывала не только свои научные интересы, но и личные привязанности всю свою жизнь... Своим двухтомным трудом «Былины Севера» (т. 1 — 1938 г., т. 2 — 1951 г.) она вписала свое имя в один ряд с самыми замечательными русскими собирателями былин — Рыбниковым, Гильфердингом, Марковым, Ончуковым и др. Своими записями А. М. Астахова запечатлела последний этап в существовании русской былины на Севере. В большом доме русского северного эпоса она навела последний и полный порядок» [*Лихачев*, 1985, с. 467]. Далее Д. С. Лихачев подчеркивал также, что: «Для нее в равной мере были важны и былины, и носители былинного творчества, и собиратели фольклора. Поэтому люди — «сказители и люди — ученые» были для нее одинаково важны и занимали огромное место в ее научных и просто человеческих интересах. Она много писала о сказителях, и личности сказителей стали определяющим принципом в ее собирательстве не потому только, что она принадлежала к той русской школе фольклористики, которая индивидуальности носителей фольклора придает первостепенное значение, но потому главным образом, что она любила людей, умела подмечать в них их индивидуальные особенности, их личность» [*Лихачев*, 1985, с. 469].

С глубочайшей благодарностью и признательностью А. К. Микушев вспоминал свои первые аспирантские годы, сколько труда и усердия было вложено А. М. Астаховой совместно с сотрудниками отдела народного творчества во главе с его заведующим И. П. Дмитраковым по ликвидации серьезных пробелов в его знаниях. Только благодаря им, полагал он, ему удалось подготовить и сдать на отлично в первый же год все кандидатские экзамены и приступить к написанию диссертации по избранной им теме «Песни народа коми в советскую эпоху». В период летних каникул в 1951 и 1952 годах А. К. Микушев дважды выезжал в районы Республики Коми для сбора фольклорного материала, изучения народной поэзии, песенного творчества и его бытования в советское время. А. М. Астахова, опытейший полевик, заранее готовила его к такой работе. Прежде чем отправить его в командировку, она писала письма руководству Коми филиала АН СССР, просила обеспечить его всем необходимым для работы в полевых условиях. Во время поездок молодой исследователь записал множество образцов народного творчества. В селах и деревнях он знакомился с собирателями-энтузиастами, которые помогали ему. В период обучения аспирант А. К. Микушев выполнял и разовые поручения Василеостровского РК

КПСС, проверял проведение политических мероприятий на одной из ленинградских фабрик. На полмесяца командировался в распоряжение Сосновского РК КПСС. В период предвыборных компаний назначался руководителем агитбригады. Все возложенные на него обязанности он выполнял добросовестно и получал благодарности. С учебой он справлялся вполне успешно. В письме из ИРЛИ, отправленном руководству Коми ФАН СССР, сообщалось, что аспирант показал в своей работе отличные результаты. Досрочно сдал все экзамены по кандидатскому минимуму и весьма продуктивно и самостоятельно работает над диссертацией. В связи с этим ИРЛИ рекомендует повысить ему стипендию.

А. К. Микушев в своей кандидатской диссертации впервые обратился к песенному творчеству народа коми, которое к тому времени находилось почти в полном забвении. До Великой Отечественной войны были изданы всего три фольклорных сборника, куда вошли и некоторые коми народные песни. В 1934 году по инициативе А. М. Горького в Коми автономную область была направлена «северная писательская бригада» для организации сбора и записи коми народного творчества. Ответственным за коми фольклор был назначен П. Г. Доронин. С большим трудом был издан сборник «Фольклор народа коми», куда вошли 89 сказок и преданий, но без песен. А. К. Микушев убедительно доказал роль песенной поэзии и ее художественно-эстетическое значение в жизни коми народа. Кроме исследования идейного содержания песен он детально проанализировал их художественно-поэтические приемы, выявил их истоки. Он показал этапы развития современного коми песнетворчества, его связи с традициями финно-угорских народов и особенно с песенной культурой русского народа. Отдельно выделил песни с тематикой «раньше» и «теперь». Однако в работе он не мог проигнорировать роль КПСС и ее идеологическую направленность в строительстве социалистической культуры, сближение наций и народностей, особенно с русскими.

А. К. Микушеву посчастливилось работать в обстановке ежедневного внимательного отношения и поддержки со стороны сотрудников отдела ИРЛИ, высокой научности, дискуссий, заседаний. Дружеская атмосфера способствовала развитию разностороннего таланта будущего ученого как фольклориста, так и литературоведа. С самого начала научного пути он стремился как можно шире охватить эти два направления. Оттачивая свой взгляд исследователя, он учился у опытных ученых научной скрупулезности. А. М. Астахова способствовала раскрытию в нем будущего талантливого фольклориста-полевика. Учила проводить исследования на материале, записанном непосредственно из уст их носителей. Сам он заимствовал от своего научного руководителя ее ценные деловые качества, высокую нравственность, аккуратность в работе, чрезвычайную порядочность к людям науки, готовность всегда и во всем помочь, сердечную доброту и отеческую заботу, с которой он будет в будущем щедро делиться со своими аспирантами.

В Пушкинском Доме ему удалось познакомиться и подружиться с будущими светилами филологической науки. Его сотоварищем и другом на долгие годы стал известный ученый, член-корреспондент РАН К. В. Чистов. Несмотря на разницу в возрасте (7 лет), они сохранили многолетнюю дружбу. Ему с первых и до последних шагов удалось проследить научный путь А. К. Микушева. К. В. Чистов очень высоко ценил его хорошую школу, полученную в Ленинграде, его трудолюбие и высокую одаренность. Познакомились они на заседании в фольклорном отделе ИРЛИ, а свое знакомство закрепили длительными прогулками и дружескими беседами через Дворцовый мост, по Невскому проспекту. К. В. Чистов отмечал, что отдел фольклора был не только центром филологической мысли, но и своеобразным клубом, куда влекло всех, кто был глубоко предан науке. Еще один известнейший ученый, В. П. Аникин, с которым А. К. Микушев познакомился на конференции в 1958—1959 годах, подчеркивал в нем не только приятную внешность, но и глубокое внутреннее содержание.

За период обучения в аспирантуре А. К. Микушев опубликовал десять статей, большинство из которых посвящено народной песне, народному творчеству, его изучению и пропаганде. 5 ноября 1953 года, в день рождения, состоялась защита его кандидатской диссертации. Официальными оппонентами были член-корреспондент АН СССР Д. К. Зеленин и тогда еще кандидат филологических наук З. Н. Куприянова. После защиты

А. К. Микушева принимают на работу младшим научным сотрудником в отдел языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вернувшись в Сыктывкар, молодой ученый сразу же самым активным образом включается в жизнь республики, оперативно откликается на острые и актуальные проблемы времени, глубоко, профессионально начинает поднимать филологическую науку, закладывает основы своей фольклористической и литературоведческой школы и критики. Он не оставляет без внимания ни одно новое произведение коми писателей и поэтов, конкретно и скрупулезно оценивает достоинства и недостатки их творчества. Пишет литературные обзоры, рецензии на книги не только коми, но и русских авторов. Он одним из первых обращается к жанру коми рассказов и повестей, создает литературные портреты С. А. Попова, И. М. Вавилина, Н. А. Островского и др. Продолжая тему о коми песнетворчестве, публикует статью о неизвестных еще в коми фольклористике трудовых песнях. Работает целеустремленно и продуктивно, много издает. Глубоко исследует историю изучения коми фольклористики. Очень активно включается и в общественную жизнь. Его избирают председателем месткома на два срока, председателем избирательной комиссии, заведующим агитпунктом, председателем секции литературы и искусства Общества по распространению политических и научных знаний, внештатным лектором ГК КПСС.

В 1956 году у А. К. Микушева в Коми книжном издательстве выходит первая крупная монография «Песенное творчество народа коми». Жанровые особенности, песенный репертуар были еще очень слабо изучены. В книге автор впервые детально рассмотрел поэтику, композиционные особенности, традиционные формулы, характерные для коми народных песен. Как и А. М. Астахова, он с большим вниманием относился к исполнителям и хранителям традиционного фольклора. А. К. Микушев сумел найти среди сельских жителей талантливых коми певцов, умеющих не только петь, но и импровизировать. Он обратил также внимание на песни, созданные в угоду времени и названные им «новыми». Ученый работал со свойственной ему неистощимой энергией, величайшим трудолюбием и энтузиазмом, глядел в будущее и понимал, что находится еще только в начале пути исследования коми песенной традиции. Но находил и время для отдыха. В 1956 году по туристической путевке он выезжал в Болгарию и Румынию.

Благодаря способности глубоко анализировать явления коми филологии А. К. Микушев умело направлял научную и общественную мысль на изучение не только коми фольклора, но и литературы. С издания в 1956 году маленькой книжки о творчестве И. А. Куратова, поэта-демократа, основоположника коми литературы, творчество которого находилось в полном забвении, А. К. Микушев начинает углубленно изучать его поэтическое наследие. Осознавая исключительно важное значение его творчества для коми филологии и национальной культуры, он постепенно содействует выделению изучения его творчества в самостоятельную ветвь коми литературоведения — куратоведение.

А. К. Микушев упорно извлекал из народной памяти старинные песни, легенды и предания, сказки, эпические произведения. Его поездки были исключительно плодотворными, способствовали раскрытию ярчайшей картины песенной традиции народа коми. Пылкий, энергичный, азартный в работе, он любил коллективный труд. Из единомышленников он создал свою первую творческую группу, куда входили Г. А. Муравьева, П. И. Чисталев, позже присоединился к ним Ю. Г. Рочев. Традиции изучения полевого фольклорного материала у коми были заложены еще в XIX веке русскими учеными, бытописателями, путешественниками, писателями, а также зарубежными учеными. Их усилиями были сделаны первые шаги по направлению изучения лингвистического, этнографического и фольклорного материала.

Благодаря энтузиазму А. К. Микушева, его приверженности фольклористической науке в 50-х годах XX века в условиях бездорожья, северного холода, часто с риском для собственного здоровья, отсутствия звукозаписывающей аппаратуры было положено начало систематическому собиранию, описанию и архивированию произведений устного народного творчества коми. Институт языка, литературы и истории УрО РАН КНЦ, явля-

ющийся крупнейшим центром научного сотрудничества в финно-угорском мире, в настоящее время имеет уникальный фонограммархив, инициатором создания которого также был А. К. Микушев. Звуковые записи по коми фольклору, народной музыке собраны со всех районов Республики Коми, Тюменской области, Кольского и Канинского полуостровов, Ханты-Мансийского и Ненецкого национальных округов, Ямала и т. д. Со своей инициативной группой в поисках народных песен он побывал в Корткеросском, Ижемском, Прилузском, Сысольском, Усть-Вымском, Удорском, Усть-Куломском, Печорском, Усть-Ухтинском, Троицко-Печорском и других районах Республики Коми. Строго следуя требованиям ленинградской школы фольклористики, он показывал пример классической работы полевика, выявлял наиболее талантливых исполнителей, фотографировал их, писал подробные отчеты и в печатном виде, с приложением фотоальбома, сдавал материалы в научный архив. Он мечтал о том времени, когда фонотека будет оформлена с учетом всех технических достижений времени и условий хранения фольклорных записей. Будет составлен каталог с полным описанием хранящегося материала, а на стенах будут висеть портреты их собирателей.

Замечательной чертой Анатолия Константиновича было умение вовлечь своих коллег в задуманное им дело, увлечь перспективой научного замысла, заразить своим энтузиазмом молодых помощников, особенно способных в дальнейшем работать самостоятельно. Разносторонне талантливый, умный, интеллигентный, ровный и спокойный в обращении, красивый внешне, всегда аккуратно и красиво одетый, он всегда легко располагал к себе молодежь. Он любил пошутить, рассказать анекдот, но никогда ничего не делал в ущерб делу. Своим в высшей степени добросовестным отношением к избранной профессии он подавал пример в работе и не терпел к ней пренебрежительного отношения. Был очень требовательным и даже суровым, если замечал недобросовестность в выполнении задания.

Доверие к его знаниям было очень высоким, и уже в феврале 1957 года он был утвержден научным руководителем будущего известного литературоведа и критика А. А. Вежева. А. К. Микушев относился к нему с глубочайшим уважением, высоко оценивал его способности и неоднократно публиковал с ним совместные статьи.

О коми фольклоре существовали самые противоречивые мнения, которые удалось опровергнуть А. К. Микушеву. Так, А. И. Шренк, описывая жизнь, язык и нравы жителей Русского Севера, отмечал, что не может быть и речи о бытовании на Печоре какого-либо эпоса финно-угорского происхождения. Другим исследователям удалось узнать о коми фольклоре больше. Финский лингвист Матиас Кастрен стал свидетелем исполнения коми-ижемцами трудовых импровизаций, а также песен на родном коми языке. А. К. Микушев сумел доказать уникальность зафиксированных Кастреном произведений. Н. Е. Ончуков, изучая былинную традицию у соседей русских, обратил внимание на то, что некоторые коми-зыряне напевают русские былины на ломаном русском языке. Позже также была изучена степень проникновения былинной традиции в коми эпос. Известный венгерский путешественник Баратеши Балог Бэнэдэк и Д. Фокош-Фукс не только слушали, но и записывали коми фольклор, в том числе и эпические песни.

В середине XIX века П. Савваитов собрал некоторые коми сказки и опубликовал их в книге «Грамматика зырянского языка» (СПб., 1850). Из коми интеллигенции первыми обратились к коми фольклору И. А. Куратов, Г. С. Лыткин и др. А. К. Микушев отмечал, что И. А. Куратов впервые использовал в своих произведениях фольклорные мотивы и песенные традиции. Г. С. Лыткин включил коми фольклорные тексты в школьные учебники, а также в книгу «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык» (СПб., 1889). К. Жаков не только был собирателем коми сказок, но и написал диссертацию «Народная словесность зырян и русская сказка» [Жаков], которую высоко оценили русские фольклористы, академики А. И. Соболевский и И. Н. Жданов. Профессор Гарвардского университета, американский социолог, выходец из коми П. А. Сорокин путь в большую науку начал в совместной с К. Ф. Жаковым фольклорно-этнографической экспедиции. Он изучал обрядовую поэзию, этнографические аспекты коми семьи, сказки. А. К. Микушев позже исследовал все эти материалы в полевых условиях до мельчайших деталей.

В 1950—1960-е годы ученый продолжает изучать песенное творчество народа коми, пишет о старинных и более поздних лирических песнях, внеобрядовых импровизациях, о песенных традициях различных локальных групп. Свои исследования публикует в местной и центральной печати. Он уделяет внимание конкретным песенным жанрам, создает словесные портреты сельских исполнительниц и исполнителей народных песен и частушек, раскрывает их репертуар и мастерство. А. К. Микушев интересовался различными аспектами культурной жизни сел и деревень, встречался с клубными работниками, с местными энтузиастами, руководителями хоровых коллективов, знакомился с их репертуаром, давал им советы, рекомендации, консультировал. Работоспособный, активный, энергичный, он чувствовал себя удовлетворенным, когда был глубоко погружен к работу. Теплыми, заинтересованными были у него статьи, посвященные жизни села, о ее скромных и честных тружениках, творчестве сельской молодежи, краеведах, учителях, местных энтузиастах, ведущих творческий поиск среди односельчан и т. д. Научные отчеты о полевых исследованиях А. К. Микушева говорят о его исключительном трудолюбии и продуктивной работе.

Интерес к устному народному творчеству, к песенному фольклору существовал и ранее, однако только с приходом в науку А. К. Микушева начинается новый этап его изучения, а именно музыковедческий анализ. Собрав богатейший материал, он впервые издает трехтомник коми народных песен: «Вычегода и Сысола» (1966 г.), «Ижма и Печора» (1968 г.), «Вымь и Удора» (1972 г.). Ученый доказал жизнеспособность богатого тематически и разнообразного по жанрам коми песенного искусства. Трехтомный сборник был удостоен Государственной премии Коми АССР им. В. А. Савина в 1972 году. Им же изданы коми песни в переводе на русский язык в сборнике «Народная песня коми» (1968 г.), который стал духовным и нравственно-эстетическим достоянием народов России. Он содержит классическое песенное наследие коми и современное песнетворчество.

Исследуя коми фольклор в полевых условиях, А. К. Микушев выявил его жанровые особенности, географическую распространенность, связи локального фольклора с общерусской традицией, а также с традициями соседних северных народов. Он приходит к выводу, что у коми «в ходе исторического развития сложилось несколько этнических групп коми-зырян, среди них северная (ижмо-печорская), южная (вычегодско-сысольско-лузская) и западная (удорско-вымская), которые развивали локальные и общекومی фольклорные традиции» [Микушев, 1973, с. 4].

Он считал, что вычегодско-сысольская традиция по фольклорным признакам (жанровому составу, образной системе, бытовой функции) распадается на более мелкие местные комплексы: верхне- и средневыхегодский, вишерский, сысольский, лузский. К настоящему времени фольклор данной этнографической группы менее обследован. Кроме богатейшей песенной традиции у них были выявлены и опубликованы оригинальные сказки, например сборник сказок И. А. Осипова, который записывал их в живой традиции. Особый научный интерес у ученого вызвал фольклор коми-ижемцев. Обследовав фольклорные традиции ижмо-печорского бассейна, он пришел к выводу, что важное место в репертуаре данного населения, помимо песен, занимают импровизации, а также сказки. Изучая в 1966 году народную поэзию среднего и нижнего течения бассейна реки Ижмы, А. К. Микушев отмечал, что ему за период экспедиции удалось познакомиться с 105-тью сказительницами и певцами, большинство из которых являются незаурядными исполнительницами и импровизаторами.

При формировании репертуара ижемских сказителей значительную роль сыграли длительные контакты оленеводов-ижемцев не только с русскими, но и с ненцами, хантами, манси во время длительных кочевок по тундре, ведь основная их жизнь проходила там, в главном их доме. В публикациях зарубежных ученых упоминалось о бытовании своеобразного эпоса среди этой группы населения. А. К. Микушев внимательно изучает ижмо-печорский бассейн начиная с 1957 года. Особенно интенсивной эта работа становится в 1960-е годы в связи с созданием под его руководством фольклорной группы, куда вошли

Ю. Г. Рочев, В. М. Кудряшова, Н. Д. Бомбергер, М. Ф. Бобрикова. Полевыми исследованиями был охвачен весь ижмо-печорский бассейн Республики Коми, Ненецкий национальный округ Архангельской области, Ямало-Ненецкий национальный округ Тюменской области, Ловозерский район Мурманской области, т. е. те регионы, где издавна скрещивались саамские, самодийские, угорские и пермские фольклорные традиции. Особенно интенсивными эти взаимосвязи становились с территориальным передвижением коми-ижемцев на Север с усвоением ненецкого типа оленеводства. Все это привело к формированию особой северной этнографической группы коми-ижемцев, которые стали носителями и хранителями уникального ижмо-колвинского эпоса. Постепенно А. К. Микушев подходит к осуществлению своего замысла — написания докторской диссертации. Он впервые поднимает огромный, неизвестный пласт в истории коми фольклористики эпического творчества коми-зырян и ижмо-колвинцев, опровергнув сложившиеся некогда взгляды об узости и ограниченности народного творчества коми.

А. К. Микушевым были открыты почти неизвестные, забытые жанры древнего фольклора пермских народов, а также ижмо-колвинский богатырский эпос, древнейшие охотничье-оленоводческие и земледельческие импровизации и т. д. Им была определена также роль конкретных локальных этнографических групп коми народа в судьбах того или иного жанра и вместе с тем в судьбах общекоми фольклорной традиции.

Ученый исторически обосновал появление самых разных жанров коми поэтического творчества. Он планировал включить в докторскую диссертацию почти неисследованную еще частушечную поэзию в качестве раздела «Новые явления в коми фольклоре». Он тщательно изучил источники, в которых упоминались короткие песенные четверостишия, напоминающие частушки, проследил процесс зарождения и утверждения частушечного жанра в коми фольклоре. В возникновении этого жанра, полагал он, значительную роль сыграли отходники, которые и способствовали развитию новой песенной формы, отвечающей своими идейно-художественными особенностями запросам того времени. Немалую роль в их формировании, по его мнению, сыграли и русские частушки. В 1969 году в Коми книжном издательстве вышел подготовленный им сборник «Шондібанй» (Солнцеликий), но в докторскую диссертацию материал не вошел.

В том же году в издательстве «Наука» Ленинградского отделения у него выходит книга «Коми эпические песни и баллады», куда были включены неизвестные еще коми фольклористике собранные им богатейшие материалы. А. К. Микушеву было необходимо исторически обосновать появление в коми фольклоре самых разнообразных жанров поэтического творчества. Он всесторонне осветил разные жанры коми фольклора, проанализировав материал в историко-этнографическом, фольклорном и лингвистическом аспектах в тесной взаимосвязи с творчеством всех финно-угорских народов, в том числе и с русскими, раскрыв и доказав результаты этих взаимосвязей. Исследователем проделана колоссальная работа. Поражает не только огромный пласт поднятого им материала, но и глубина изучения коми фольклора и фольклора угро-самодийских народов, знание литературных источников, истории вопроса.

А. К. Микушев отмечал, что взаимодействие культур коми-ижемцев, ненцев, хантов является характерной особенностью сказителей Харуты, Абези, Кары, обских коми-зырян. В Зауралье, где он побывал совместно с фольклористом Ю. Г. Рочевым, описал встречу с двумя удивительными сказителями — Г. Н. Валеевым из с. Мужы и Т. И. Витязевым в пос. Горки. Г. Н. Валеев не менее ста раз пересекал Урал, чтобы попасть со своим стадом к Карскому морю. За умение петь, сказывать, импровизировать прозвали его Гора Гриш (звонкий, громкий Гриша). От него были записаны знаменитые эпические песни о богатыре Керча-ю, состоящие из 1200 стихов, а также песни «Сизим халенгат» (Семь халенгатов), «Сыроевле», «Сизим арёса детина» (Семилетний мальчик), «Озыр Мандо» (Богатый Мандо), «Вавлё старик» и др. Информатор исполнил также неизвестные еще тогда в коми-ижемском фольклоре произведения о богатыре Вавлё — обдорском «Пугачеве», народном герое Ваули Пиеттомине, поднявшем народ на Оби в середине XIX века на борьбу против богачей.

Увлекательной была встреча А. К. Микушева с Т. И. Витязевым, сорок лет проработавшим в тундре пастухом. Он самостоятельно выучил русский, ненецкий, хантыйский языки. Тонко чувствовал и понимал юмор. Сказители Зауралья многое сохранили из духовного наследия своих предков — коми-ижемцев, но многое переняли и от своих соседей — хантов и ненцев.

Не менее талантливый сказочник И. И. Хатанзейский проживал в пос. Кара, от которого были записаны также эпические сказания с большим количеством стихов. Были известны не только мужские исполнители эпических песен, встречались и женщины-сказительницы, такие как А. И. Выучейская (1915 г. рожд., пос. Харута), У. А. Коскова (1906 г. рожд, с. Колва), Е. О. Хатанзейская (1907 г. рожд., п. Абезь) и др.

В 1964 году в экспедиционную поездку А. К. Микушев выезжал совместно с венгерским ученым К. Редеи, с которым в течение десяти дней изучал коми фольклор в селах, расположенных по берегам реки Вымь. Во время совместной работы у них сложились теплые отношения, которые поддерживались и крепились с годами на совместных творческих встречах, научных форумах, в сотрудничестве и переписке.

Исключительно интересный материал был собран в результате неоднократных Канино-Тиманских экспедиций 1972—1973 годов А. К. Микушевым и руководимой им группой фольклористов. Вышедшее в 1987 году в издательстве «Наука» в Москве фундаментальное академическое издание «Коми народный эпос» стал значительной и интересной работой в его научном наследии, позволившей не только широко ознакомиться всероссийскому читателю с коми народным эпосом, но и эпосоведам углубить научную концепцию, знания и представления по финно-угорскому фольклору, расширив представления по общей теории эпосоведения. Его концепция по формированию коми эпоса, возможно, в дальнейшем будет в какой-то мере пересматриваться, уточняться, будут внесены поправки, дополнительные аргументы в пользу тех или иных точек зрения на коми эпос, но то, что он сделан впервые, останется непревзойденным в коми фольклористике.

Его докторская диссертация обсуждалась на ученом совете Института языка, литературы и истории, на Президиуме Коми филиала АН СССР, в Удмуртском государственном педагогическом институте, в Восточнославянском секторе института этнографии СССР. Все были единодушны во мнении, что это исключительно ценная и интересная работа, причем особо акцентировалось внимание на открытии ижмо-колвинского эпоса и на его глубоком анализе, выполненном в соответствии с требованиями современной фольклористики. 18 мая 1970 года состоялась защита его докторской диссертации в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в г. Ленинграде на тему «Генезис и эволюция коми песенного фольклора». Официальными оппонентами были доктор исторических наук К. В. Чистов, доктор филологических наук В. И. Лыткин, доктор филологических наук З. Н. Куприянова.

В 1973 году А. К. Микушев издает фундаментальный труд «Эпические формы коми фольклора», позволяющий по-новому подойти к изучению коми эпической традиции. В процессе подготовки монографии был собран уникальный фольклорный материал в Республике Коми и сопредельных областях от Мурманска и до Салехарда, открыты уникальные эпические и лироэпические жанры, позволяющие углубить научную концепцию развития финно-угорского фольклора и эпической традиции. Теоретическая основа этой концепции полностью изложена в этом монографическом издании.

А. К. Микушева глубоко интересовал как коми фольклор, так и коми литература. Жанрово разнообразными были его и литературоведческие работы. Ему принадлежит огромное количество литературоведческих статей, где он о многом пишет первым и впервые. С большим вниманием он следит за появляющимися в печати новыми литературными произведениями местных поэтов и писателей. А. К. Микушев ценил прежде всего отражение в произведениях писателей различных жизненных коллизий, культурный мир человека и его поведение в определенный исторический период. Его литературоведческие работы — классический пример анализа творчества писателей и поэтов. Имея огромную научную и общественную нагрузку, он всегда успевал откликнуться на кипевшую вокруг него литературную жизнь.

Наряду с описанием биографий писателей его привлекали и написанные ими художественные произведения. Он изучал произведения В. Т. Чисталева, И. Г. Торопова, Б. Ф. Шахова, Я. М. Рочева, В. Д. Леканова, поэтическое наследие и фольклорные истоки творчества И. Куратова и т. д. Заслуга А. К. Микушева в коми литературоведении огромна. Ученый считал своим долгом дать объективную оценку произведениям, имеющим национальное значение. А. К. Микушев отмечал, например, что заслуживают самой высокой оценки такие писатели, как, В. Юхнин, которые талантливо и достоверно воссоздают жизнь и быт дореволюционного коми крестьянства, используя для этого этнографические описания и опубликованные произведения различных фольклорных жанров.

Он был редактором и автором многих сборников литературоведческих трудов, среди которых «Парма весьтын сылланкыв» (Песня над Пармой. Сыктывкар, 1984), «На тасжных просторах» (М., 1986) и др. В 60-е и 80-е годы XX века он являлся членом авторского коллектива «Большой советской энциклопедии» и «Краткой литературной энциклопедии». Он умел объективно оценивать и возвращать своему народу талант и писательское мастерство забытых или запрещенных поэтов и писателей. Начиная с маленькой памятной книжки «Виктор Алексеевич Савин» и статьи о нем, он раскрыл и исследовал фольклорные истоки его творчества, проанализировал поэтику его песен. Он постепенно вернул коми народу имена талантливых писателей и творческое наследие К. Ф. Жакова, П. А. Сорокина и др. Он являлся инициатором многих всесоюзных, всероссийских, региональных конференций, в том числе «Куратовских чтений», которые начали проводиться с 1965 года, всесоюзных конференций и симпозиумов по финно-угроведению, фольклористике. Ученый являлся организатором таких крупных форумов, как «Фольклорное наследие и его роль в духовной культуре народов Урала и Поволжья» (1987), «Устные и письменные традиции в духовной культуре народа» (1990), «Наследие К. Ф. Жакова и развитие культуры финно-угорских народов» (1991), «IV симпозиум по пермской филологии» (1992) и т. д. Сам неоднократно участвовал во всевозможных научных форумах с докладами.

А. К. Микушев трижды (1959, 1959, 1965 гг.) выезжал в г. Алма-Ату, г. Ташкент, в ЦГИА Узбекской ССР с целью сбора и уточнения различных материалов об И. А. Куратове, а также в Ригу для изучения жизни и деятельности К. Ф. Жакова за границей.

Большое влияние А. К. Микушев оказывал на развитие и укрепление международных научных связей, являясь членом смешанной советско-финляндской рабочей группы по научному сотрудничеству в области литературы и фольклора. 25 февраля 1973 года в г. Хельсинки (Финляндия) он участвовал на совместном советско-финском заседании в составе рабочей группы по литературе и фольклору, а в 1974 году в признание его научных заслуг он был избран иностранным членом финно-угорского общества (Финляндия). Он являлся также почетным членом международного общества в Венгрии, научного международного общества хунгоралогов Академии наук Венгрии. Дважды выезжал он в научную командировку в Финляндию с целью ознакомления с рукописными архивными материалами, а также фотокопиями рукописей И. А. Куратова.

Работая в Коми филиале АН СССР, А. К. Микушев выполнял большую общественную работу председателя местного комитета, секретаря партбюро Института языка, литературы и истории. Являясь членом Союза писателей СССР с 1959 года, он был заместителем председателя Союза писателей Коми АССР, членом бюро совета по критике и литературоведению союза писателей РСФСР, членом советского комитета финно-угроведов, членом советского комитета солидарности стран Азии и Африки, членом смешанной советско-финской комиссии по научно-техническому сотрудничеству в области литературы и фольклора, с 1972 года — главный редактор неперидического издания «Куратовские чтения», председатель оргкомитета Куратовских чтений, руководитель методологического семинара по эстетике в Коми музыкальном театре, член комитета по присуждению премии имени коми комсомола.

В личном деле отмечалось, что А. К. Микушев 27 февраля 1959 года был утвержден Президиумом АН СССР в звании старшего научного сотрудника. Дана такая оценка его

деятельности: «К научной работе относится серьезно и добросовестно, равно как и к общественной. Он деятелен и инициативен. Успешно руководя группой фольклористов, А. К. Микушев требователен к себе и к руководимым им сотрудникам. Часто выступает с лекциями и докладами перед трудящимися по линии Коми отделения общества «Знание». А. К. Микушев, находясь на научной работе, многократно избирался в руководящие органы месткома Коми филиала АН СССР и партбюро, активно участвовал в общественной жизни республики, был членом бюро совета по критике и литературоведению при правлении писателей РСФСР. Постоянно повышал свой идейный и теоретический уровень, деловую и научную квалификацию. Морально выдержан и устойчив. Его авторитет основывался на честном, добросовестном труде, на его реальных делах».

Кроме научной и общественной работы А. К. Микушев успевал оказывать большую помощь школам республики, был автором нескольких учебников по коми литературе для VIII—X классов. Им был написан и ряд статей для учебных пособий ИИУ Коми АССР.

С созданием в г. Сыктывкаре университета 31 декабря 1974 года было направлено письмо на имя Председателя Президиума Коми филиала АН СССР доктора экономических наук В. П. Подоппелова и директора Института ЯЛИ кандидата исторических наук Н. Н. Рочева от ректора СГУ профессора В. А. Витязевой, где содержалась просьба «перевести на три года старшего научного сотрудника Коми ФАН, доктора филологических наук А. К. Микушева в университет для создания и укрепления кафедры коми языка и литературы, а также для развертывания необходимой работы по созданию научных и педагогических кадров финно-угроведов, в которых Коми АССР и наша страна испытывают острый недостаток. Вопрос о переводе А. К. Микушева из Коми филиала АН СССР в Сыктывкарский государственный университет согласован с Коми областным комитетом КПСС».

В этот период коллектив отдела литературы и фольклора работал над написанием первого в коми литературоведении многотомного труда «Истории коми литературы» (1979—1981 гг.). Авторский коллектив состоял из фольклористов и литературоведов. Первый том полностью посвящен исследованию устного народного творчества коми. Перейдя на работу в университет, А. К. Микушев продолжил свое участие в создании трехтомника. Отзываясь об этой работе, В. В. Дементьев писал: «В Сыктывкаре закончен большой трехтомник "История коми литературы". Работой руководил профессор, член нашего Российского совета по критике А. К. Микушев. Три тома — история литературы от древнейших времен до самых последних публикаций. Делается интересная попытка по-новому, глубже прочесть и осмыслить нашу советскую классику...» [Дементьев, 1985, с. 492].

2 января 1975 года А. К. Микушев был освобожден от занимаемой должности в ИЯЛИ в связи с переводом в Сыктывкарский государственный университет и в тот же день принят на должность декана филологического факультета и заведующего кафедрой коми и финно-угорской филологии. Он также энергично, как это делал в отделе литературы и фольклора ИЯЛИ, взялся за работу. Начинать пришлось, как говорится, с нуля. Вместе с Е. А. Игушевым выезжал в районы закупать необходимую для учебного процесса литературу, так как ее просто еще не было на кафедре. Не хватало преподавателей. Необходимо было налаживать учебный процесс.

Огромная заслуга А. К. Микушеву принадлежит в установлении тесных связей с Карельским, Тартуским, Марийским, Венгерским университетами. По его приглашению на коми кафедру для чтения лекций приезжали известные преподаватели, профессора как из российских университетов, так и из Будапешта, Печсы, Дебрецена. Он сумел сдружить коми ученых и преподавателей с коллегами из Удмуртии, Мордвы, Карелии, Эстонии, Венгрии. С целью укрепления дружеских связей создавались общие коллективные работы, в частности монография «Историко-культурные контакты пермских народов» (по данным филологии). Он проявил инициативу по проведению через каждые два года симпозиума по пермистике в Сыктывкаре и Ижевске. В 1980-х годах при СГУ по инициативе и руководстве А. К. Микушева была сформирована комплексная программа «Духовная культура западного Урала», для осуществления которой объединились ученые и преподаватели

СГУ, КГПИ, КНЦ УрО РАН, а также ИЯЛИ АН Эстонии. Работа была направлена на фундаментальные исследования, обобщения и выявления истоков историко-культурных контактов, их современное состояние на материале духовной культуры народов Европейского Севера. Исследования ученых способствовали выявлению межнациональных, исторически сложившихся добрых и дружеских отношений жителей Севера с другими регионами страны, а также возрождения традиционной духовной культуры.

Для студентов филологического отделения организовывались ежегодные фольклорно-диалектологические экспедиции, в которых активное участие принимал и А. К. Микушев. Они побывали не только в различных районах Республики Коми, но и в Сибири, на Ямале, Ханты-Мансийске, Перми и т. д.

В признание заслуг ученого 5 ноября 1976 года ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Коми АССР», а 7 февраля 1982 года — «Заслуженный деятель науки РСФСР». В том же году он был избран членом совета по защите кандидатских диссертаций при Мордовском госуниверситете им. Н. П. Огарева в г. Саранске. А 1985 году он становится членом-корреспондентом финского литературного общества.

Имея серьезную научно-преподавательскую нагрузку А. К. Микушев вел и большую общественную работу. Являлся председателем УМК филфака, экспертной комиссии филфака, членом библиотечного совета СГУ, редактором неперидического издания «Куратовские чтения», и. о. председателя оргкомитета «Куратовских чтений», членом Правления СП Коми АССР, членом Советского комитета финно-угроведов, членом бюро Совета по критике и литературоведению Союза писателей РСФСР, членом рабочей группы советско-финляндской комиссии по научно-техническому сотрудничеству (в области литературы и фольклора), руководил студенческой научной лабораторией «Духовная культура Урала».

Неоднократно участвовал с научными докладами на международных и всесоюзных конференциях, симпозиумах, конгрессах. Под его руководством аспиранты и докторанты разных национальностей: коми, мордва, удмурты, марийцы, русские — написали и защитили диссертации. А. К. Микушев не только был организатором учебного процесса, но и написал не одно учебное пособие для студентов финно-угорского факультета, а также был автором учебников по литературе для школ республики. Для студентов читал лекционные курсы по коми и русскому фольклору: «История литературной критики», спецкурс «Эпос народа коми, эпос финно-угорских народов», «И. А. Куратов и русские шестидесятники». Вел студенческие семинары, руководил дипломными и курсовыми работами. За время более чем двадцатилетней преподавательской деятельности им были подготовлены сотни специалистов-учителей для коми школ, журналистов, работников газет, телевидения. Он принял деятельное участие в воспитании научной смены, коми интеллигенции для республики.

А. К. Микушев вел обширнейшую переписку с учеными, имена которых известны не только в России, но и за рубежом. Он умел дружить, поддерживать научные связи, быть благодарным своим друзьям, которые также высоко ценили его порядочность, надежность, обязательность. Среди его друзей были Э. В. Померанцева, Л. И. Емельянов, П. Т. Ширяева, В. И. Чичеров, В. Е. Гусев, М. Я. Мельц, В. М. Сидельников, В. Я. Есев, С. Н. и С. А. Кондратьевы, М. Н. Ожегова, В. И. Лыткин, В. И. Малышев, В. Н. Белицер, Н. В. Новиков, Ф. К. Ермаков, А. Е. Китиков, В. П. Аникин, К. В. Чистов, Б. Н. Путилов и многие, многие другие.

Известный ученый А. И. Туркин, знавший его в течение всей своей жизни как уважаемого в научных кругах человека, отмечал, что он пользовался заслуженным авторитетом не только в республике, но и за ее пределами, в том числе и за рубежом, его слово имело решающее значение. Он подчеркивал также, что А. К. Микушев был очень продуктивным и обязательным человеком, любое начатое им дело всегда доводил до конца. Проявлял активность во всем, касалось ли это участия в научных конгрессах, конференциях, симпозиумах, совещаниях или редактирования, рецензирования, оппонирования. Его имя можно вписать в один ряд с такими известными коми учеными, как К. Ф. Жаков, П. А. Сорокин, В. П. Налимов, В. И. Лыткин.

А. К. Микушев — ученый с европейским именем, по мнению Г. И. Тираспольского, он жил по законам стародавней человечности. Их связывала не только научная, но и педагогическая деятельность. Г. И. Тираспольского удивляло и поражало душевное тепло, безотчетная доброта, притяжение сердец, — проявление человечности.

Внучки К. Ф. Жакова — Л. В. и Л. А. Жаковы — считали А. К. Микушева «светом далекой звезды». По их мнению, «эта звезда ярко светила и сейчас светит, и греет фольклористику и литературоведение коми». Известный фольклорист К. В. Чистов также писал, что А. К. Микушев был исследователем европейского масштаба, одним из лидеров финно-угристики, человеком не только достойным в науке, но и в человеческом отношении.

В памяти В. П. Аникина, известного фольклориста, А. К. Микушев остался как человек необычайной чистоты, твердого в нравственных устоях. Такое впечатление о нем, подчеркивал он, с годами крепло и многократно подтверждалось. Он отличался, по его мнению, сдержанностью в оценках.

В. В. Тимин, писатель, поэт, ученик А. К. Микушева, видел в нем большого патриота своего народа, который гордился каждым, кто сумел подняться над своим временем и был широко известен. Литературу ученый считал самой важной частью духовной культуры народа, а фольклор — ее уникальным живительным источником.

По мнению А. Е. Китикова, исследователя марийского фольклора, А. К. Микушев был организатором науки и финно-угорского фольклора, Прометеем и корифеем коми фольклористики, очень дисциплинированным и аккуратным в исполнении своих обещаний.

Судя по воспоминаниям А. С. Клейна, Анатолий Константинович был и страстным любителем природы. Они часто отдыхали вместе в доме коми писателей в Лемью. Ученый любил вставать за рассветом и уходить к заветным, ему одному известным ягодным и грибным местам. Возвращался, пройдя не менее двух десятков километров, к обеду с полными двумя ведрами и пестерем, наполненными отборными грибами и ягодами.

В. В. Пахорукова, проработавшая с ним вместе на кафедре финно-угроведения много лет, считает, что А. К. Микушев — это целый материк, явление сложное и противоречивое. Она полагает, что у каждого, кто работал с ним, сложилось свое представление об ученом, педагоге, профессоре, руководителе кафедры.

Удмуртский исследователь Р. И. Яшина вспоминает приезды к ним А. К. Микушева с чтением лекций в университет. Студенты восхищались его лекциями, знанием текстового материала, особенно скромностью и деликатностью профессора. Она особо подчеркивает, что именно эта черта прежде всего и была характерна для друзей — А. К. Микушева и Д. А. Яшина — удмуртского ученого, поэта, писателя, очень обаятельного человека. Они были поистине родственными душами.

Усиливающаяся болезнь не способствовала его высокой научной активности, но он, обладая исключительно огромной силой воли, работоспособности, боролся с ней. Однако болезнь все же его победила. В его трудовой биографии появляется впервые слово «уволен» — 11 января 1993 года в связи со смертью. Невозможно написать коротко о том, что сделал этот человек в своей жизни для своего родного и любимого народа.

Похоронен А. К. Микушев в г. Сыктывкаре на старом городском кладбище рядом со своими самыми близкими родственниками.

Список литературы

- Дементьев, 1985* — Дементьев В. В. Фрески. М.: Современник, 1985. 495 с.
- Жаков К. Ф. Архив...* — Жаков К. Ф. Народная словесность зырян и русская сказка // Архив Русского географического общества. Р. 53. Оп. 1. № 91.
- Лихачев, 1985* — Лихачев Д. С. Прошлое — будущему : статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. 575 с.
- Микушев, 1983* — Микушев А. К. Эпические формы коми фольклора. Л.: Наука, 1973. 255 с.
- НМРК* — Национальный музей Республики Коми. Инв. № 180. «Русский фольклор», 1911—1929 гг. — «Мышь и сорока»; зап. К. Н. Микушевым в 1913 г., с. 324; «Три сестры», с. 325; зап. в с. Усть-Кулом в 1914 г.
- Роцевская, 2001* — Роцевская Л. П. Обучение пению в приходских школах Коми края во второй половине XIX — начале XX в. // Церковь и государство: православные епархии и приходы, история и современность. Сыктывкар, 2001. С. 41.

Информация об авторах

Our Contributors

Афанасьев Андрей Васильевич, независимый исследователь, г. Москва.

E-mail: athanasis@rambler.ru

Бруцкая Людмила Андреевна, кандидат исторических наук, доцент, научный консультант Верхнегородского детского центра народных ремёсел, г. Пермь.

E-mail: l.bruckaya@gmail.com

Волкова Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии, заведующая научно-исследовательской лабораторией «Филологические исследования духовной культуры Севера» ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

E-mail: volkovatf777@gmail.com

Дементьева Антонина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» Минздрава РФ, г. Санкт-Петербург.

E-mail: antoninadementyeva@yandex.ru

Ильина Юлия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии, ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

E-mail: juli_il1@mail.ru

Канева Татьяна Степановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина», с. н. с. НИЛ «Филологические исследования духовной культуры Севера» СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

E-mail: t-kaneva@yandex.ru

Кудряшова Вера Михайловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института ЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

E-mail: werakudryashov4@yandex.ru

Куприянова Ангелина Николаевна, аспирант кафедры источниковедения истории России Института истории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург.

E-mail: angelinakupriyanova@gmail.com

Максимова Евгения Олеговна, специалист отдела абонемента ГБУ РК «Национальная библиотека Республики Коми», внештатный сотрудник НИЛ «Филологические исследования духовной культуры Севера» СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

E-mail: maximova-evgeniya@yandex.ru

Мишунова Светлана Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина».

E-mail: svetlanamigunowa@yandex.ru

Розов Александр Николаевич, доктор культурологии, профессор, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.

E-mail: rosov@list.ru

Цыбунина Наталья Александровна, магистрантка ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар.

E-mail: wite.lilia2@gmail.com

